

Федеральное государственное бюджетное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Айвазян Анна Арменовна

**Египетский вопрос в международных отношениях
в конце XIX – начале XX вв.**

Специальность 07.00.03 – всеобщая история (новая и новейшая история)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
к.и.н., доцент
Романова Екатерина Владимировна

Москва – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3— 47
Глава 1. Египетский вопрос в взаимоотношениях великих держав в 1880-ые годы: зарождение конфликта	48 —117
1.1. На пути к британской оккупации Египта: от открытия Суэцкого канала к восстанию Араби (1869 —1882 гг.).....	48 — 85
1.2. Египет в дипломатической игре России и Германии в 1882 г.....	85 — 95
1.3. Обострение англо-французского конфликта в Египте в 1880-е гг. и политика России, Германии и Турции	95 — 117
Глава 2. Египетский вопрос и его место в перегруппировке сил в Европе в конце 1880-х — начале 1890-х гг.	118 — 140
2.1. «Египетский след» в Средиземноморской Антанте 1887 г.....	118 — 122
2.2. Восточная политика и становление русско-французского союза 1891-1893 гг.....	123 — 140
Глава 3. Фашодский кризис 1898 г.: причины и последствия.....	141 — 204
3.1. Суданский вопрос и его роль в «битве за Африку».....	141 — 150
3.2. Англичане и французы на пути к Фашоде (1895-1898 гг.)	150 —169
3.3. Дипломатическая схватка за берега Верхнего Нила (осень — зима 1898 г)	169 — 204
Глава 4. От конфронтации к согласию: египетский вопрос и англо-французская Антанта 1904 г.....	205 — 268
4.1. Урегулирование споров за Верхний Нил в 1899 г.	205 — 221
4.2. Перемены на международной арене в начале 1900-х гг. и египетский вопрос	221 — 238
4.3. Египетский вопрос в переговорах великих держав в 1904 г.....	238 — 270
Заключение	270 — 274
Библиография.....	275 — 295
Приложение 1.	296 — 299
Приложение 2.	300 —306

Введение

«Египетский вопрос всегда был и всегда будет»¹.

Князь Бенедетти, «Дипломатические эссе», 1897 г.

На протяжении всего XIX в. Египет занимал важное место в политике европейских держав. Еще в 1798 г. Наполеон Бонапарт начал знаменитый египетский поход — вместе с войсками и научной экспедицией он прибыл в Египет, надеясь превратить его во французскую колонию, что создало бы серьезную угрозу для британской Индии. Но завоевать «страну фараонов» ему не удалось: решающее морское сражение с британским флотом, битва при Абукире, было проиграно французами. В 1830 – 1840-ые гг. Египет снова напомнил миру о себе — Мухаммед Али-паша, могущественный наместник турецкого султана взбунтовался против своего сюзерена. Еще в 1517 г. после разгрома турками войск мамлюков Египет вошел в состав Османской империи, а правитель Египта считался наместником султана. Военные конфликты, получившие название первой и второй турецко-египетских войн², были настолько опасны, что потребовали вмешательства европейских держав, каждая из которых преследовала определенные интересы на Ближнем Востоке. Англия и Франция уже тогда оказались по разные стороны баррикад. Свою роль в разрешении спора сыграла и Россия, поддержавшая султана и даже направившая свои войска на Босфор, чтобы преградить путь египетской армии. В 1869 г. Египет вновь вернулся на первые страницы европейских газет и в подробные аналитические записки дипломатов. Торжественное открытие Суэцкого канала приковало внимание великих держав к Египту.

Канал создал самую короткую дорогу в крупнейшую британскую колонию Индию и альтернативный путь на Дальний Восток. Кроме того что

---

¹ Benedetti V. Essais diplomatiques (nouvelle série). Paris, 1897. P. 1.

² Первая турецко-египетская война длилась два года, с 1831 по 1833 гг. Вторая — с 1839 г. по 1841 г.

он представлял серьезные коммерческие перспективы, Суэц имел также стратегическое значение: за его судьбой пристально следили все державы, имеющие интересы в Африке и на Ближнем Востоке.

1882 г. ознаменовал новую страницу в истории Египта — именно в этом году британцы оккупировали «страну фараонов», все еще являвшуюся частью Османской империи. Параллельно с оккупацией Египта началась ожесточенная борьба за другие колониальные территории. Незанятые африканские и азиатские земли притягивали внимание и интерес колонизаторов и провоцировали острые конфликты. Колониальная политика, пожалуй, впервые стала занимать так много места в мыслях европейских дипломатов, на страницах газет и беспокоить общественное мнение в европейских странах. Первыми в гонке были Великобритания и Франция, владевшие обширными заморскими территориями и желавшие расширить свои империи.

Активная экспансия совпала и была тесно взаимосвязана с перегруппировкой сил в Европе. В последней четверти столетия на континенте образовались конкурирующие военно-политические блоки. В 1882 г. был создан Тройственный союз, в который вошли Германия, Австро-Венгрия и Италия. В 1891-93 гг. был образован франко-русский союз. Великобритания с середины 60-х гг. XIX в. следовала принципу «блестящей изоляции», согласно которому империя не вступала в союзы. Отход от «блестящей изоляции» наметился лишь в начале XX столетия и открыл путь для постепенного сближения Англии и Франции и в конечном итоге — заключения Антанты 1904 г., которая отвечала политическим интересам обеих стран в тот период.

Египетский вопрос как нельзя лучше продемонстрировал силу колониального спора и взаимовлияние европейской и колониальной политических сфер. Чаще всего его ограничивают англо-французским противостоянием в Египте в конце XIX — начале XX вв. Однако, на наш взгляд, египетский вопрос значительно шире и многомернее: он включает в

себя как англо-французское соперничество за доминирование в Египте, так и стремление таких мощных континентальных держав, как Россия и Германия, использовать это соперничество в своих интересах. Более того, конфликт европейских держав за влияние на Верхнем Ниле выходил за пределы самого Египта — он включал в себя и противоборство в Судане. Отголоски соперничества в регионе ощущались в заключении европейских альянсов и договоров, в том числе франко-русского союза 1891-93 гг. и Средиземноморской Антанты 1887 г.

Объектом нашего исследования являются взаимоотношения великих держав, в частности Англии, Франции, России и Германии в конце XIX — начале XX вв.

Предметом исследования выступает роль египетского вопроса в этих взаимоотношениях.

Цель нашей работы состоит в том, чтобы выявить место египетского вопроса в отношениях великих держав в условиях колониальной борьбы и перегруппировки сил в Европе. В связи с этим перед нами стоят следующие задачи:

- Исследовать интересы великих держав в Египте в конце XIX — начале XX вв.;
- Определить основные этапы англо-французского соперничества за влияние в Египте;
- Выявить роль Германии, России и Турции в развитии египетского вопроса в 1880-ые — начале 90-х годов;
- Изучить степень взаимовлияния египетского вопроса и перегруппировки сил в Европе в конце 1880-х — первой половине 1890-ых гг.;
- Исследовать роль египетского вопроса в заключении Антанты 1904 г.

Подобная постановка цели и задач еще на один шаг приблизит нас к понимаю предвоенной системы международных отношений, в которой колониальная политика приобрела особую важность.

Наша работа построена по **проблемно-хронологическому принципу**. Хронологические рамки исследования — 1882 – 1904 гг. Нижняя граница обозначает британскую оккупацию Египта. Она выбрана неслучайно: с нее начинается новая конфликтная стадия в развитии египетского вопроса, который стал «камнем преткновения» в отношениях великих держав. Верхняя граница исследования — 1904 г., то есть заключение англо-французской Антанты, утвердившей власть англичан в Египте.

Первая глава посвящена исследованию отношений великих держав в Египте в 1880-ые гг., то есть от британской оккупации до заключения союза России и Франции, который во многом стимулировал новую французскую колониальную политику и в некоторой степени определил решение Кэ д'Орсэ приступить к пересмотру статуса Египта. Для того, чтобы понять причины конфликта 1882 г., мы также обращаемся к предыстории вопроса — к моменту открытия Суэцкого канала в 1869 г. и последующего создания англо-французского кондоминиума в Египте в 1870-ые годы. Во второй главе мы рассматриваем эволюцию египетского вопроса в 1890-ые г., а также взаимосвязь перегруппировки сил в Европе с развитием противостояния в регионе Верхнего Нила. Третья глава исследования посвящена изучению предпосылок, причин, хода и последствий Фашодского кризиса 1898 г., который оказал влияние не только на франко-английские отношения, но и в целом на расстановку сил в Европе. Наконец, последняя четвертая глава посвящена изучению причин заключения Антанты 1904 г. и ее роли в развитии египетского вопроса.

Актуальность работы. Исследование истории взаимоотношений великих держав в Египте в конце XIX в. ставит перед нами вопросы, которые не потеряли своей актуальности и сегодня. В их числе механизмы

функционирования многополярного мира и вовлечение отдельных регионов в сферу политики крупнейших держав. Конец XIX в. вошел в историю как эпоха империализма, одной из характерных черт которой стала последняя схватка старых и новых колониальных империй за незанятые территории Азии и Африки. Вместе с тем, впервые политика в Европе оказалась настолько тесно связана с колониями. Мир, который мы наблюдаем, отличался нестабильностью и уязвимостью: конфликты в отдаленных территориях грозили европейскими войнами, великие державы мобилизовали свои силы при первой же опасности, под действием страха и стремления обезопасить свои интересы создавались военно-политические союзы. В конце XIX в. произошла перегруппировка сил в Европе, которая отразила не только изменение баланса сил на континенте, но и в колониях. Изучая международные отношения в этот период, мы имеем дело со сложной, многоуровневой и многовекторной политикой великих держав — такое же положение мы наблюдаем на международной арене в наши годы.

Египет, находясь на перекрестке Азии и Африки, в силу своего стратегически важного положения, всегда занимал особое место в международных отношениях – как во времена экспедиции Наполеона в 1798 г., так и в пору Суэцкого кризиса в 1956-57 гг. В конце XIX – начале XX вв. Египет стал площадкой для противостояния таких великих держав, как Англия, Франция, Германия и Россия. Соперничество держав за Египет было одной из крупнейших международных проблем конца XIX в. «Арабская весна» 2011 г. и события, развернувшиеся на каирской площади Тахрир, напомнили миру о неспокойном Ближнем Востоке. Египет вновь стал одной из главных тем для обсуждения на встречах лидеров крупнейших держав. На примере египетского вопроса в конце XIX – начале XX вв. мы исследуем все еще актуальные механизмы взаимодействия крупнейших держав на уровне отдельных регионов и степень взаимовлияния политики в центре международных отношений и на ее периферии.

Новизна диссертации определяется рядом факторов:

Во-первых, важным новшеством нашей работы является введение в оборот некоторых западных источников, ранее не привлекавшихся в отечественных исследованиях. В частности, отдельные части нашего исследования написаны на основании документов французского Дипломатического Архива, а также материалов французского Военного архива и британского Национального архива. Использование новых материалов из французских архивов, а также из ряда фондов АВПРИ, позволяет нам пролить свет на некоторые «белые пятна» в истории египетского вопроса.

Во-вторых, в большинстве работ, посвященных данной теме, египетский вопрос часто сводится к англо-французскому противостоянию на Ниле. Мы же стараемся рассмотреть его в контексте множественных дипломатических и политических связей. В частности, мы исследуем мотивы и интересы Германии в египетском вопросе, степень ее влияния и вмешательства в египетские события 1880-90-х гг., участие России в англо-французском противостоянии и место египетского вопроса в более широком Восточном вопросе, а также интересы Турции в Египте.

В-третьих, мы впервые делаем попытку рассмотреть проблему взаимовлияния колониальной политики в Египте и перегруппировки сил в Европе в конце XIX – начале XX в.

В-четвертых, рассматривая дипломатические и политические вопросы, мы считаем необходимым обращать внимание и на некоторые обстоятельства личного характера. Так, личные отношения консулов и послов, дипломатов и публицистов, то, как европейцы воспринимали Восток и как они формировали представление о нем у себя на родине, также является важной составляющей нашей работы. Наряду с системным подходом, мы считаем необходимым также разнообразить наш методологический арсенал, обратив внимание на, казалось бы, мелкие детали, которые, как это часто бывает, делают историю.

Методология исследования. В основу работы положены принципы историзма и системности. Вслед за американским политологом Кеннетом Уолтцем, мы выделяем три уровня, или три «образа» изучения международной политики: индивиды, внутренняя политика и международная система³. Все эти три уровня необходимы для целостного рассмотрения проблемы. В данной работе мы обращаем особое внимание на исследование международной системы и внутренней политики и ее влияния на дипломатию; изучение роли личностей также нашло отражение в нашей диссертации.

В связи с тем, что в истории египетского вопроса большую роль сыграли отдельные исторические личности (такие, как Т. Делькассе, У. Гладстон, Б. Дизраэли, лорд Кромер и другие), мы считаем необходимым обратить особое внимание на мотивы и процесс принятия решений теми или иными политиками, которые можно проследить по доступным нам дипломатическим документам. Роль личности в истории египетского вопроса представляется более чем значительной, в частности, в исследовании французской политики в Египте. Часто сменяющиеся французские министерства не придерживались единой политической линии — каждый министр иностранных дел приносил с собой новое видение дипломатии. Не случайно особое внимание на роль личностного фактора обращали основатели французской школы по изучению международных отношений преподаватели Сорбонны Пьер Ренувен и Жан-Батист Дюрозель, ученик и последователь Ренувена⁴. В совместном труде они исследовали роль государственных деятелей в формировании внешнеполитического курса страны.

Наконец, третий уровень по Уолтцу — внутривнутриполитический. Рассмотрение внутривнутриполитических процессов является необходимым для понимания мотивов и целей государств, вовлеченных в борьбу по египетскому вопросу. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что внешнеполитический

---

³ Waltz K. Man, the State and War. NY, 2001.

⁴ Renouvin P., Duroselle J-B. Introduction à l'histoire des relations internationales. Paris, 1964. Pp. 283-354.

курс, как в Британии, так и во Франции, вырабатывался под влиянием различных групп и партий.

Политическая жизнь Великобритании второй половины XIX в. ознаменована чередованием консервативных и либеральных кабинетов. Несмотря на декларируемые идейные различия двух партий, внешняя политика, осуществляемая ими на протяжении второй половины XIX в., позволяет говорить о наличии преемственности в британской дипломатии. Так, кембриджские историки Р.Робинсон и Дж. Галлахер в своей знаменитой работе «Африка и викторианцы» пишут о существовании государственной точки зрения (official mind), базирующейся на национальных интересах, которые претворяли в жизнь все британские кабинеты викторианской эпохи вне зависимости от их политической принадлежности⁵. Схожесть дипломатического курса либералов и консерваторов отмечали и некоторые советские историки⁶. Если традиции консервативной партии позволяли ей открыто поддерживать имперскую политику, то совершенно по-иному обстояло дело с либералами. Своеобразный разрыв между базисными ценностями либеральной партии и внешнеполитической деятельностью некоторых ее представителей наглядно проявился в 1882 г., в связи с оккупацией Египта, осуществленной под руководством либерального кабинета У. Гладстона. Это и некоторые другие события позволяют исследователям делать вывод, что колониальные взгляды либеральных и консервативных кабинетов фактически были идентичны.

Говоря о взаимовлиянии внутренней и внешней политики, необходимо также отметить особенность Третьей Республики, где отсутствие стабильности внутри самой страны напрямую отражалось на ее дипломатической активности. Незаинтересованность в колониальных делах, которая была присуща многим французским кабинетам последней четверти XIX в., сделала выработку внешнеполитического курса по этому вопросу

---

⁵ Robinson R., Gallagher J. with A. Deny. Africa and the Victorians: The Official Mind of Imperialism. London, 1961.

⁶ Колмаков А.С. Идеология и политика либеральной партии в 80-ые гг. XIX в. М., 1985. С. 107; Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная политика Великобритании в XIX в. М., 1999. С. 144.

прерогативой узкого круга лиц. Особой властью обладала т.н. колониальная группа, которая не только оказывала серьезное давление на министерство иностранных дел, но часто действовала как самостоятельная сила, в обход официальных ведомств⁷. Таким образом, исследование внутривластной обстановки, влиявшей на официальный курс государства, необходимо для понимания сути конфликта.

Теоретическая значимость.

В нашей диссертации ставится несколько важных теоретических проблем. Во-первых, изучение истории египетского вопроса предполагает исследование роли локального фактора в развитии системы международных отношений. Во-вторых, мы уделяем большое внимание проблемам взаимозависимости между внешней политикой держав на периферии и в центре системы международных отношений, а также антантам, военным и политическим союзам как инструментам внешней политики государств.

Практическая значимость диссертации выражается в возможности использования материалов исследования для подготовки курсов по истории международных отношений в конце XIX — начале XX вв. Приведенные в диссертации выдержки из источников, ее выводы и материалы могут быть также полезны для исследований, посвященных истории Египта, Восточного вопроса, внешней политике Великобритании, Франции, России и Германии, а также предпосылкам Первой мировой войны.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Основные результаты исследования были представлены в четырех статьях,

---

⁷ Andrew C.M., Kanya –Forstner A.S. The French ‘Colonial Party’: Its Composition, Aims and Influence, 1885 – 1914 // The Historical Journal. Vol. 14. No. 1. Mar., 1971. Pp. 99-128; Grupp P. Parti colonial français und deutsche Kolonialbewegung // Machtstrukturen im Staat in Deutschland und Frankreich. Stuttgart, 2007. S.148-163.

опубликованных в научных сборниках и журналах. Три из них включены в перечень ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Обзор источников. Наше исследование опирается на широкий корпус исторических источников, как опубликованных, так и неопубликованных, в частности, на документы, найденные нами в российских и французских архивах.

Неопубликованные источники. Документы французского Дипломатического архива (Archives Diplomatiques du Ministère des Affaires Etrangères), касающиеся взаимоотношений европейских держав в Египте, ранее широко не использовались российскими историками. Между тем, они представляют большой интерес для исследования, так как открывают с новой стороны не только противостояние Лондона и Парижа, но и демонстрируют активную позицию России и Германии по данному вопросу. По изучаемому нами периоду (1882 — 1904 гг.) фонды французского архива располагают большим количеством досье, освещающих англо-французские отношения, двусторонние русско-французские связи, а также досье, касающиеся политики европейских стран в Египте. Любопытно, что множество писем и депеш, отражающих позицию России по египетскому вопросу, принадлежат германским дипломатам и соответственно входят в германские досье. Британские досье французского Дипломатического архива освещают мало исследованную сторону англо-французских отношений — а именно общность некоторых позиций держав после оккупации и нежелание допускать в дела Египта Турцию. В частности, именно поэтому мы посчитали необходимым изучить турецкие досье, без которых сложно представить себе политическую обстановку конца столетия.

Были привлечены также некоторые документы французского Военного архива (Service historique de la Défense). Так как, по мнению некоторых историков и современников, Фашодский кризис мог в определенный момент

перерасти в европейскую войну, донесения военных атташе представляют для нас особый интерес. Кроме того, в работе использованы документы, касающиеся стратегического положения Суэцкого канала, досье по Антанте 1904 г., а также подшивка документов, анализирующих результаты британского присутствия в Египте. Папка писем и депеш по русско-французским отношениям в Эфиопии также использована нами при написании исследования.

В диссертации использованы три фонда британского Национального архива (The National Archives), доступные в интернете. Они освещают политику Форин Офис в Египте в 1879 г., 1896 — 1899 гг., 1901 — 1904 гг. Досье содержат крайне любопытную переписку главы британской администрации в Египте лорда Кромера с Лондоном, а также многочисленные документы, касающиеся локальных проблем.

Бесценный материал по исследуемой нами теме содержится в Архиве Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ). В первую очередь, стоит отметить материалы фондов Канцелярия МИД, а также Посольства в Париже и Генконсульства в Египте. Фонд Канцелярия МИД содержит документы, освещающие деятельность русской дипломатии в Европе, а также корреспонденцию внешнеполитического ведомства с русскими консульствами на Востоке, в частности в Каире и Константинополе. Посольские фонды составлены из дипломатической переписки Петербурга с представительствами во Франции и в Египте. В большинстве своем мы исследовали конфиденциальные письма послов, адресованные министрам, отчеты и рапорты, тексты договоров, карты и отдельные статьи европейской прессы, приложенные к дипломатическим досье.

Опубликованные источники. В работе над исследованием мы опирались на многочисленные опубликованные источники. В первую очередь, необходимо отметить многотомные собрания дипломатических документов, изданные во Франции, Германии и Великобритании.

Дипломатические документы. Публикация многотомных собраний дипломатических документов стала возможной только после Первой мировой войны. В 1922 — 1927 гг. в Германии было опубликовано первое многотомное собрание, призванное опровергнуть 231 статью Версальского договора, которая признала Германию ответственной за войну, и доказать причастность Франции, Англии и России к ее разжиганию. Публикация *Die Grosse Politik*⁸ вызвала необычайный резонанс в странах Антанты⁹. В ответ в Англии и Франции началось издание аналогичных собраний документов — *British Documents on the Origins of the War* («Британские документы о происхождении войны») ¹⁰ и *Documents Diplomatiques Français* («Французские дипломатические документы») ¹¹ соответственно.

Несмотря на некоторую тенденциозность, проявившуюся в подборке документов, напечатанных во всех трех собраниях, они содержат богатый материал для исследователей. В них включены переписка дипломатов, ноты, меморандумы, выдержки из речей, материалов прессы, тексты договоров и деклараций. Сборники дипломатических документов чрезвычайно важны еще и потому, что они отражают специфику принятия решений по колониальным вопросам.

Французский многотомник является наиболее полной коллекцией дипломатических документов Третьей Республики. Работа над его составлением длилась целых тридцать лет (с 1929 по 1959 гг.). Результатом этого титанического труда стали 43 тома дипломатических документов. Как отмечают исследователи, «по своему научному уровню французская публикация превосходила немецкую»¹². В данной работе мы привлекаем материалы из первой (1871 — 1900 гг.) и второй (1901 — 1911 гг.) серий.

---

⁸ *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871-1914.* Berlin, 1922-1927. Bd. 11, 14.

⁹ Следует оговорить особое положение большевистской России, которая первой из всех стран, участвовавших в войне, пошла на публикацию секретных документов, в том числе тайных договоров, царского правительства, с целью разоблачить империалистическую политику всех европейских держав, в том числе и бывших союзников России по Антанте.

¹⁰ *British documents on the origins of the war.* London, 1927. Vol. 1, 2.

¹¹ *Documents diplomatiques français (1871-1914).* Paris, 1929 - 1959. Série 1. Vol. 3, 4, 5, 7, 8, 11, 14, 15; Série 2. Vol. 1, 2, 3, 4.

¹² *Историческая наука в XX в.: Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки.* Под ред. И.П. Дементьева и А.И.Патрушева. М., 2007. С. 54.

Документы дают нам возможность изучить изменения, происходившие на протяжении последней четверти века во французской дипломатии, влияние внутривластных событий на ее развитие, а также установить точку зрения отдельных политиков по вопросу англо-французских отношений в Египте, в частности, Т. Делькассе. Кроме того, важное значение имеют материалы, вошедшие во вторую серию издания, позволяющие проследить путь от Фашоды к Антанте 1904 г. В многотомное собрание были также частично включены документы из так называемых «цветных книг», которые издавались во Франции, Англии и Германии по отдельным внешнеполитическим вопросам¹³. Большинство «цветных книг», которые во Франции назывались «желтыми книгами», были выпущены в ограниченном количестве (чаще всего для членов французской Палаты депутатов) в связи с обсуждением тех или иных актуальных на тот момент вопросов. Эти небольшие сборники содержали дипломатическую переписку, ноты и тексты соглашений.

Позицию Форин Офис по вопросам внешней политики отражают материалы, представленные в многотомной публикации «Британские документы о происхождении войны». Еще в 1924 г. правительство доверило кембриджским историкам Г. Темперли и Дж. Гучу подготовить издание документов, касающихся предыстории Первой мировой войны¹⁴. Работа длилась с 1927 по 1938 гг., на протяжении которых было издано 11 томов. В собрание вошли материалы из архивов Форин Офис, позволившие историкам по-новому взглянуть на события предвоенного времени. Наибольший интерес для данного исследования вызывают первые два тома издания. В одном из разделов первого тома, посвященном конфликту на Верхнем Ниле 1898 г., представлена дипломатическая переписка лорда Солсбери, премьер-министра Британской империи в период кризиса, и посла Англии в Париже Э. Монсона,

---

¹³ Documents diplomatiques. Ministère des Affaires étrangères. Accords (conclus le 8 avril entre la France et l'Angleterre au sujet du Maroc, de l'Égypte, de Terre-Neuve, etc). Paris, 1904; Affaires du Haut — Nil et du Bahr-el-Ghazal (1897-1898). Paris, 1898; Affaires d'Égypte (1884-1893). Paris, 1893; Convention d'arbitrage avec l'Angleterre. Paris, 1903; Déclaration additionnelle du 21 mars 1899 à la Convention franco-anglaise du 14 juin 1898. Paris, 1899; Afrique (arrangements, actes et conventions, 1881-1898). Paris, 1898.

¹⁴ Историческая наука в XX в... С. 65.

которая позволяет прояснить позицию Британии в кризисе¹⁵. Кроме того, ценнейший материал содержит второй том данного издания, в котором представлены документы, отражающие деятельность британской дипломатии в начале 1900-х гг., и в частности, становление Антанты 1904 г. и ведение переговоров по египетскому вопросу в 1903 — 1904 гг. Меморандумы и ноты министра иностранных дел Великобритании в 1900 — 1905 гг. Г. Лэнсдауна демонстрируют изменения, произошедшие в британской внешней политике в начале XX в. и роль главы Форин Офис в этом процессе. В целом публикация сборника стала крупным вкладом в историческую науку. Так, исследователь Т.В. Рикер в одной из своих статей отмечал, что она внесла «свежую струю» в изучение деятельности британских кабинетов¹⁶.

Более ранние периоды британской истории представляет другое издание английских документов «Основы внешней политики Британии»¹⁷. Сборник охватывает период с 1792 г., и освещает дипломатическую деятельность Англии на протяжении всего XIX в., вплоть до 1902 г. К сожалению, история последней четверти столетия представлена кратким собранием документов. Однако даже в этой сжатой подборке большую часть занимают «колониальные» материалы, в том числе и связанные с египетским вопросом. Документы распределены по проблемно—хронологическому принципу. Перед каждым разделом размещены статьи кембриджских историков, в которых представлена общая картина периода и его основные политические тенденции.

Важную роль в реконструкции позиции Германии в египетском вопросе сыграли материалы, содержащиеся в уже упомянутом нами многотомном собрании «Большая политика европейских кабинетов, 1871 — 1914». Всего за 6 лет немецкие историки подготовили к публикации 40 томов (56 книг), включавших почти 16 тысяч документов. Документы были собраны не по хронологическому, а по тематическому принципу, как отмечают

---

¹⁵ Следует отметить, что, покинув кабинет, лорд Солсбери унес с собой множество документов, которые могли бы прояснить некоторые важные проблемы политики того периода.

¹⁶ Riker T.W. A Survey of British Policy in the Fashoda Crisis // Political Science Quarterly. Vol. 44. No. 1, 1929. P. 54.

¹⁷ Foundations of British foreign policy (1792 – 1902). Ed. by H. Temperley and L. Penson. Cambridge, 1983.

исследователи, с целью «затушевать агрессивную политику Германии»¹⁸. Для нашей работы важное значение имеет раздел, посвященный Фашодскому инциденту 1898 г., отражающий выжидательную позицию Германии в вопросе англо-французского соперничества за Судан, а также ее пристальное внимание к действиям России в период кризиса.

Некоторые избранные документы, связанные с изучаемой нами темой, представлены также в сборниках «Английские исторические документы»¹⁹ и «Колониальная политика капиталистических держав (1870 — 1914)»²⁰. В первом издании собраны разные по периоду и проблематике дипломатические документы, газетные статьи, выдержки из выступлений крупных британских политиков. Во втором сборнике, как и следует из его названия, представлены важнейшие документы по истории колониальной политики Запада в период империализма. Договоры, регулирующие европейское присутствие в колониях, такие, как, например, договор Берлинского конгресса 1884 г., содержатся в первом томе «История Африки в документах»²¹. Кроме того, в работе было использовано собрание документов «Международные отношения и внешняя политика: 1871 — 1957»²². В частности, существенное значение для нашего исследования представляют тексты таких договоров, как конвенция 1888 г. о Суэцком канале, франко-русский военный союз, а также англо-французская Антанта 1904 г., опубликованные в данном издании.

Парламентские материалы. Неоценимый материал предоставляют парламентские дебаты Великобритании и Франции, в которых отражается не только борьба фракций и депутатов по различным внешнеполитическим вопросам, но также и взаимовлияние, которое оказывают друг на друга внешняя и внутренняя политика.

---

¹⁸ Историческая наука в XX в... С. 75.

¹⁹ English historical documents. Ed. by David C. Douglas. Vol. 12 (2). London, 1977.

²⁰ Колониальная политика капиталистических держав (1870-1914). Вып. 1. М., 1967.

²¹ История Африки в документах. 1870 – 2000. Т. 1. Под ред. А. Давидсона. М., 2005.

²² Международные отношения и внешняя политика: 1871- 1957 (сборник документов). М., 1957.

Для того чтобы пролить свет на восприятие египетской политики Форин Офис в среде британского истеблишмента, а также на возможное существование внутренних разногласий по этому вопросу представляется необходимым исследование английских парламентских дебатов²³. Особого внимания заслуживают обсуждения в парламенте в период, предшествовавший Фашодскому кризису, которые демонстрируют нарастание напряженности в отношениях Англии и Франции с начала 1898 г. Более поздние тома отражают реакцию британской политической элиты на суданские события (во время самого кризиса парламент был на каникулах). Они выявляют как удовлетворение итогами кризиса, так и зарождающееся стремление к нормализации отношений с Францией. В этом смысле показательны дебаты 1904 г., демонстрирующие настроения британского политического истеблишмента.

Большой интерес также представляют дебаты во французской Палате депутатов²⁴. Отличительной особенностью французского парламента являлся низкий интерес к колониальным вопросам. Впрочем, редкие упоминания некоторых проблем, касающихся международных отношений, представляют ценный материал для исследователей. Так, в период кризиса 1898 г. дебаты выявляют стремление Кэ д'Орсэ скрыть ход событий от общественности; интерес вызывает также обсуждение итогов Фашодского инцидента. Говоря об общей незаинтересованности французских депутатов во внешнеполитических делах, следует оговорить особую позицию т.н. колониальной группы, рупором которой был член Палаты депутатов Э. Этьен. Его выступления отражают экспансионистские устремления колониальной группы и претензии на доминирующее влияние в деле формирования заморской политики страны.

Мемуары, переписка, дневники. Другая группа источников представлена материалами личного характера. В частности, важную информацию содержат

---

²³ Hansard's Parliamentary Debates. 4th serie. London, 1876, 1898, 1899, 1904. (далее Parliamentary Debates).

²⁴ Annales de la Chambre des députés. Débats parlementaires. Paris, 1898, 1899 (далее Annales de la Chambre); Annales du Sénat. Débats parlementaires (далее Annales du Sénat). Paris, 1899.

мемуары современников. Из французских источников подобного рода наибольший интерес представляют воспоминания Ш. де Фрейсине, который трижды становился премьер-министром Франции²⁵. Фрейсине приступил к активной правительственной деятельности еще при кабинете Жюль Гриви (1876 — 1879). За период от 1879 и до 1892 гг. он четыре раза избирался президентом Государственного Совета. Фрейсине стал первым гражданским политиком, занявшим пост военного министра в 1889 г. Он показал себя талантливым реформатором и активным государственным деятелем. В 1882 г. Фрейсине возглавил правительство, а также стал министром иностранных дел. Будучи последовательным проводником политической линии Л. Гамбетта в египетском вопросе, он был убежден в необходимости французского участия в военной интервенции в Египет. Благодаря его мемуарам, мы можем проанализировать причины и результаты французской политики в Египте в дни кризиса 1882 г.

Интересный материал представляют мемуары другого министра иностранных дел Франции Габриэля Аното «Мое время». В частности, в четвертой части своего сочинения Аното обращает внимание читателя на Восточный вопрос и свое участие в непрекращающихся англо-французских переговорах по Египту в конце 1870-х — начале 80-х гг.²⁶.

Воспоминания одного из французских колониальных деятелей капитана Баратьера об экспедиции Маршана позволили пролить свет на суданские события: капитан детально описывал поход и пребывание экспедиции в Фашоде. Он также писал о причинах и целях ее организаторов — представителей т.н. колониальной группы²⁷. Ее деятельность и роль в отправке многочисленных африканских экспедиций отражена в воспоминаниях Л. Монтея²⁸, одного из активных членов Комитета французской Африки и руководителя так и не достигнувшей своей цели экспедиции в Судан.

---

²⁵ Freycinet de C. Souvenirs (1878 – 1893). Paris, 1913.

²⁶ Hanotaux G. Mon Temps, IV. Paris, 1947.

²⁷ Baratier A. Fachoda (souvenir de la mission Marchand). Paris, 1942.

²⁸ Monteil L. Souvenirs vecus. Paris, 1924.

Проблема англо-французских отношений в Египте представлена в первом томе воспоминаний лорда Э. Грея «Двадцать пять лет»²⁹, который охватывает период с 1892 г. по 1915 г. В 1892—1895 гг. Эдвард Грей занимал пост заместителя министра иностранных дел, а в 1905—1916 гг. — министра иностранных дел. Грей поддерживал активную колониальную политику Британии. В своих воспоминаниях Грей уделяет существенное внимание Фашодскому кризису и подписанию англо-французского соглашения 1904 г.

Интереснейшими источниками являются письма королевы Виктории, изданные в трех томах³⁰. Следует заметить, что в сборнике представлены не только письма, но и избранные отрывки из дневника королевы, опубликованные с согласия королевской семьи. В своем исследовании мы привлекли материалы из последнего 3-го тома, который охватывает период с 1896 г. вплоть до смерти королевы 22 января 1901 г. Основную часть сообщений относительно африканских дел представляет переписка королевы с премьер-министром лордом Солсбери. Судя по письмам, египетский вопрос серьезно волновал королеву. Особый интерес для нас имеют периоды Фашодского кризиса, а также урегулирования англо-французского спора на Верхнем Ниле, которые в полной мере отражены в издании. Письма тем более ценны, что отражают позицию не только Виктории, но и ее министров, а также Николая II и кайзера Вильгельма, в переписке с которыми затрагивается проблема Египта.

Необходимо также упомянуть воспоминания канцлера Германии Б. фон Бюлова³¹. В первом томе своего сочинения Бюлов отводил отдельное место истории Фашодского кризиса. Выступая в качестве постороннего наблюдателя, он выражал сомнение в возможности Франции противостоять британской мощи. В целом, его позицию в данном вопросе можно охарактеризовать как нейтральную.

---

²⁹ Grey E. Twenty-five years. Vol. 1. NY, 1925.

³⁰ Letters of Queen Victoria. Third series (in 3 volumes). Vol. 3. London, 1930.

³¹ Bülow von B. Denkwürdigkeiten. Bd. 1. Berlin, 1930.

Мемуары главы российского МИДа В.Н. Ламздорфа (1900 — 1906) описывают события периода 1886 — 1896 гг.³². В своих воспоминаниях Ламздорф в основном затрагивает вопросы континентальной политики и, в частности, русско–германские отношения. Однако, довольно часто излагая свои соображения по европейской политике, он касается колониальных вопросов и проблем соперничества держав на периферии. Любопытные сведения относительно русской правящей элиты, политической иерархии и процесса принятия решений содержатся также в мемуарах министра С.Ю. Витте³³.

Публицистика. Египетский вопрос, Фашодский кризис, русско-французский союз и многие другие сюжеты нашли отображение в многочисленных публицистических работах конца столетия. Публицистика является важным источником для нашего исследования, так как позволяет не только узнать частное мнение авторов по затрагиваемым проблемам, но и понять настроение определенных слоев общества, в частности финансовых элит, политиков и журналистов.

Чрезвычайно важное место среди английских источников занимает работа лорда Кромера «Современный Египет»³⁴. Эвелин Бэринг (1841 – 1917), а позднее лорд Кромер являлся известным британским государственным деятелем, дипломатом и колониальным политиком. В 1879 г. он прибыл в Египет в качестве британского генерального контролера, а после оккупации 1882 г. Кромер получил пост генерального консула. Несмотря на скромную, на первый взгляд, должность, он фактически управлял всей страной вплоть до 1907 г. Кромер, принимая активное участие в политической деятельности, уделял также большое внимание экономическим проблемам развития Египта. Сразу же после оккупации он активно принялся за реформирование египетской финансовой системы, в чем значительно преуспел. Следует также отметить, что он сыграл существенную роль в становлении Антанты 1904 г.

---

³² Ламздорф В.Н. Дневник, 1886-1890. М., 1991.

³³ Витте С.Ю. Воспоминания. Т.1, 2. М., 1994.

³⁴ Cromer (Baring E). Modern Egypt. Vol. 1-2. London, 1908 (далее Cromer).

Лорд Кромер ушел в отставку в 1907 г. в связи с так называемым «деншавайским инцидентом» 1906 г., когда в результате столкновений между египетскими крестьянами и британскими офицерами погибли несколько египтян. Несмотря на то что у него так и не сложились хорошие отношения с национальной элитой, период администрации Кромера стал одним из наиболее стабильных в истории британского Египта³⁵.

В книге «Современный Египет» Кромер подробно описывает плачевное состояние Египта вплоть до британской оккупации, оправдывая тем самым необходимость вмешательства европейской державы с целью проведения реформ. Разумеется, подача информации и ее характер были обусловлены личной заинтересованностью автора. Однако ценный фактический материал из «первых рук» делает «Современный Египет» важным источником для исследователей египетского вопроса.

Об администрации лорда Кромера в Египте писал в своей работе Дж. Маршалл³⁶, занимавший долгое время пост судьи в египетском кассационном суде. Его труд отражает то важное место, которые британцы отводили Египту, а также стремление обосновать необходимость пребывания английской администрации в стране и ее положительную роль в развитии социальных, политических и экономических институтов Египта.

Также весьма любопытна работа А. Милнера «Англия в Египте»³⁷. Альфред Милнер (1854 — 1925), в первую очередь, известен своей деятельностью в Южной Африке, где он построил успешную карьеру. В молодости Милнер занимался журналистикой и работал в редакции британской *The Pall Mall Gazette*, известной своей колониальной направленностью и джингоистскими взглядами. Однако вскоре он оставил журналистику ради политики. Милнер начинал личным секретарем Джорджа Гошена, канцлера Казначейства. В 1889 г., не без содействия со стороны Гошена, он был назначен заместителем управляющего финансами Египта, где

---

³⁵ Marlowe J. A History of Modern Egypt and Anglo-Egyptian Relations, 1800-1953. NY, 1954.

³⁶ Marshall J.E. The Egyptian Enigma, 1890-1928. London, 1928.

³⁷ Milner A. England in Egypt. London, 1926.

провел четыре года. Именно в это время лорд Кромер начал осуществление своих реформ по санации египетской экономики и предотвращению банкротства. В 1892 г. Милнер вернулся в Лондон, и скоро в свет вышла его книга «Англия в Египте». Как отмечает американский историк У. Ланджер, «его восхваление британских достижений в Египте, без сомнения, воздействовало на общественное мнение в пользу удерживания Египта»³⁸. Книга представляет интерес, в первую очередь, как отражение личной точки зрения британца на политику своей страны в оккупированном Египте. Любопытно также, что Милнер проницательно предсказывал решительную схватку англичан с французами за регион Верхнего Нила в будущем, отмечая нарастающие кризисные тенденции в отношениях двух стран.

Отвоеванию Судана посвящена книга Уинстона Черчилля «Война на реке»³⁹. Как и многие отпрыски известных в Британии семей, он получил военное образование. Однако Черчилль чувствовал в себе призвание к творческой деятельности. В 1896 г. он впервые поехал на Кубу в качестве военного корреспондента. В 1896 — 1897 гг. он работал в Индии, где освещал восстание пуштунских племен. После возвращения из Индии Черчилль всячески добивался поездки в Судан, где как раз в это время разворачивалась война между англо-египетскими войсками и дервишами. Черчиллю удалось не только получить разрешение на поездку в Судан, но и поучаствовать в решающем сражении при Омдурмане. Любопытно, что в своих репортажах с места событий он частенько критиковал главу объединенных войск генерала Китченера за жесткость в обращении с пленными дервишами и демонстративное неуважение к местным обычаям. Свои впечатления от увиденного в Судане Черчилль изложил в книге «Война на реке».

Впервые книга была опубликована в 1899 г. и сразу же стала бестселлером. Она переиздавалась несколько раз. Мы располагали последним изданием 1949 г., когда работа была особенно актуальна для британской

---

³⁸ Langer W. The Diplomacy of Imperialism. Vol.1. London, 1935. P. 124.

³⁹ Churchill W. The River War: An account of the reconquest of the Sudan. London, 1949.

дипломатии. Ее переиздание носило ярко выраженный политический характер, так как было направлено на то, чтобы еще раз оправдать пребывание британцев в Египте и Судане. Ратуя за сохранение целостности Британской империи, Черчилль замечал, что «сложнее строить и приобретать, чем транжирить и разрушать»⁴⁰. Работа охватывает историю завоевания Судана с периода восстания махди до 1899 г.

Необходимо упомянуть также книгу Томаса Беркли, посвященную истории англо-французских отношений⁴¹ в последней четверти XIX в. Т. Беркли, будучи еще на посту главы английской торговой палаты в Париже, предпринимал шаги по сближению с аналогичными французскими организациями. Эти попытки, уже на более высоком уровне, не прекратились и после его ухода из торговой палаты. В 1901 г. именно он предложил идею договора об арбитраже, который спустя два года был подписан Англией и Францией. В своей работе он уделял особое внимание этому эпизоду. Выступая безусловным сторонником англо-французского сотрудничества, он обращал внимание на необходимость разрешения египетского вопроса, который долгое время сдерживал сближение двух держав.

Особо следует выделить французскую публицистику по египетскому вопросу. Крупнейшей работой в этой области является сочинение уже упомянутого нами Ш. Фрейсине «Египетский вопрос»⁴². Фактически Фрейсине одним из первых ввел в широкое употребление термин египетский вопрос, подразумевая под ним англо-французское соперничество в Египте. Неоспоримым достоинством труда является детальное рассмотрение ключевых эпизодов истории египетского вопроса, а именно британской оккупации 1882 г., Фашодского кризиса и заключения Антанты 1904 г.

Интерес исследователей также вызывает работа Габриэля Аното «Фашода»⁴³. Аното два раза занимал пост министра иностранных дел в период

---

⁴⁰ Churchill W. Op. cit. P. xi.

⁴¹ Barclay T. Thirty Years Anglo-French Reminiscences (1876-1906). NY, 1914.

⁴² Freycinet de C. La Question d'Egypte. Paris, 1904.

⁴³ Hanotaux G. Le Partage de l'Afrique: Fachoda. Paris, 1909.

с 1894 по 1898 гг. Он был противником сближения с Англией и даже выступал за союз с Германией, отрицая необходимость реванша. Фашодский инцидент еще более утвердил его в неприязни к Британии. Как следует из названия, труд посвящен истории Фашодского кризиса. Однако автор не ограничивается лишь пересказом событий 1898 г. Он рассматривает его как один из важнейших этапов в процессе раздела Африки европейскими державами. Он также представляет историю формирования Французской империи и колониальной традиции во французской политике. При этом Аното уделяет особое внимание методам колонизации, в том числе роли миссионеров и исследователей в процессе экспансии.

Множество публицистических работ было опубликовано по теме русско-французского союза. Некоторые из них доказывали важность и историческую необходимость союза, другие, наоборот, убеждали читателя в его бесполезности. Еще в 1888 г. журналист и публицист Поль Падер выпустил книгу «Необходимость русско-французского союза», где продемонстрировал все возможные преимущества от договора с Россией⁴⁴. Уже после заключения альянса в 1895 г. другой французский журналист С. Ру написал работу, основанную на его собственных впечатлениях от путешествия в Россию, которую красноречиво назвал «Путешествие в страну варваров: правда о русско-французском альянсе»⁴⁵.

В публицистических работах современников также нашел отражение кризис в русско-французских отношениях, вызванный Фашодой. В 1902 г. журналист Шарль Луазо опубликовал книгу «О русско-французском союзе», где утверждал, что альянс с Россией не имел никакой ценности для Франции, которой необходимо было искать новых друзей.

Французская внешняя политика часто становилась объектом многочисленных публицистических материалов. В 1885 г. Габриэль Шарм выпустил небольшую книгу «Дипломатия и колониальная политика»⁴⁶, в

---

⁴⁴ Pader P. Nécessité de l'alliance franco-russe. Toulouse, 1888.

⁴⁵ Roux S. Voyage au pays des Barbares: la vérité sur l'alliance franco-russe. Paris, 1895.

⁴⁶ Charmes G. Politique extérieure et coloniale. Paris, 1885.

которой оценивал место и роль колониальной экспансии во французской внешней политике.

Важно также отметить работы русских публицистов, которые в силу своей деятельности или научного призвания были тем или иным образом связаны с Востоком. Ориенталист К. Скальковский в конце столетия много писал о Египте и Суэцком канале. Он являлся членом Общества по содействию промышленности и русской коммерции – торговой компании, защищавшей интересы русских купцов за рубежом⁴⁷. Именно Скальковскому руководство общества доверило возглавить русскую делегацию, отправленную на торжественную церемонию открытия Суэцкого канала 5 ноября 1869 г. Там ему удалось собрать значительный объем сведений об экономической, политической и технической составляющих работы нового канала. Все эти данные чуть позже были изложены в его книге, посвященной Суэцкому каналу. Особое внимание автор обращал на коммерческую сторону дела. Скальковский призывал русское правительство к проявлению активности в регионе Нила, а также считал, что власть должна использовать все дипломатические средства для того, чтобы защищать интересы русского торгового флота на Ближнем Востоке.

Другая работа К. Скальковского «Внешняя политика России и положение иностранных держав» посвящена расстановке сил на мировой арене и политической ситуации на периферии⁴⁸. Здесь автор сопоставляет европейскую политику держав и их колониальную активность. Он также затрагивает историю египетского вопроса и англо-французское противостояние в регионе.

О политике России на Востоке писал также А.А. Гирс, дипломат и автор книги «Россия и Ближний Восток»⁴⁹. Гирс сконцентрировался на политике держав в Турции, и в частности, на русско-английском противостоянии в

---

⁴⁷ Скальковский К. Суэцкий канал и его значение для русской торговли. СПб., 1870.

⁴⁸ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб., 1897.

⁴⁹ Гирс А.А. Россия и Ближний Восток. СПб., 1906.

Проливах. Проблему конфронтации держав в Египте он рассматривал в рамках более широкого Восточного вопроса.

О русско-английском противостоянии на Востоке и стратегической ценности Египта рассуждал в своей работе С. Жигарев, специалист по имперской дипломатии и журналист⁵⁰. Изучая историю русской дипломатии на Востоке, он подчеркивал важность восточного направления для русской политики и угрозу, исходящую от англичан в этом регионе.

Египетский вопрос изучался не только с дипломатической и экономической точек зрения, но еще и как интересный сюжет в области права. Так, юрист Ролан Гэньро в 1901 г. написал небольшой очерк, исследующий не только позицию самого Египта по отношению к своему турецкому сюзерену, но и позицию европейских держав по данному вопросу⁵¹.

Сведения о Египте и о том, что там происходило на самом деле, живо интересовали европейских читателей. Кроме большого количества романов и приключенческих книг, посвященных Востоку, созданием его образа занимались и публицисты. В 1887 г. С. Де Шонски выпустил книгу «Египетские наброски» о стране, ее обитателях и обычаях. В условиях, когда Египет занимал мысли французских дипломатов и прессы, книга вызвала большой интерес⁵². В целом, следует отметить, что публицистика значительно расширяет представления о роли египетского вопроса в международных отношениях.

Пресса. Внимания также требует рассмотрение материалов периодических изданий за 1882 — 1904 гг., которые не просто информировали читателей о происходивших событиях, но и отражали интересы определенных политических групп или отдельных людей, финансирующих издание. Известно, что Фашодский кризис привел к подъему патриотических настроений, в чем не последнюю роль сыграла воинственно настроенная

---

⁵⁰ Жигарев С. Русская политика в Восточном вопросе. М., 1896.

⁵¹ Gaignerot R. La Question d’Egypte : le bassin du Nil en droit international. Albi, 1901.

⁵² Chonski de S. Croquis égyptiens. Paris, 1887.

пресса обеих стран. В данном исследовании мы привлекаем как газеты, так и журналы.

Говоря об английской прессе, следует отметить такие влиятельные издания, как *The Contemporary Review* и *The Nineteenth Century*. Оба журнала придерживались твердой позиции по сохранению английского присутствия в Египте. В *The Nineteenth Century* в период Фашодского кризиса высказывались даже мнения о необходимости установления британского протектората над Египтом, что положило бы конец всем попыткам Франции добиться эвакуации английских войск⁵³. Авторы статей оправдывали оккупацию Египта в 1882 г. и в целом одобряли официальный курс британского руководства по этому вопросу. Значительную поддержку Солсбери в период кризиса оказал также журнал *The Contemporary Review*, который считал губительными любые уступки французам в египетском вопросе⁵⁴. Аналогичных позиций относительно положения Британии в Египте придерживался либеральный журнал *The Economist*, отражавший интересы Сити⁵⁵.

Ценнейшим источником является газета *The Times*, представлявшая позиции делового мира Британии. Статьи *The Times* в целом отличались сдержанностью по отношению к Франции. Однако, как и большинство других британских изданий, *The Times* не сомневалось в важности британского доминирования в Египте. Кроме того, издание осуществляло активное сотрудничество с лордом Кромером, который регулярно представлял для публикации бюджет Египта, а также отчеты по итогам проведенных реформ. Таким образом, большинство статей послеоккупационного периода по египетскому вопросу были написаны, исходя из информации, предоставленной Кромером⁵⁶.

Нами были привлечены также многочисленные французские издания, отражавшие позицию различных кругов и политических групп по египетскому вопросу. Официозная французская пресса представлена такими газетами, как

---

⁵³ *The Nineteenth Century*. No. 262. Oct, 1898. Pp. 881-898.

⁵⁴ *The Contemporary Review*. No. 396. Dec, 1898. Pp. 770-777.

⁵⁵ *The Economist*. 26/02/1899.

⁵⁶ См., например: *The Times*. 03/12/1900; 14/04/1902.

Le Temps и *Le Figaro*, которые чаще всего транслировали центристские настроения.

Интересы правых политических партий, а также колониальных кругов выражали такие популярные в свое время ежедневные газеты, как *Le Petit Parisien* и *Le Petit Journal*. Эти издания не гнушались шовинистической пропаганды и призывали к войне с Великобританией в период Фашодского кризиса. Своеобразным рупором колониальной группы стал журнал *Questions diplomatiques et coloniales*, обосновывавший право Франции на ревизию египетского вопроса и печатавший на своих страницах статьи деятелей французского колониального движения.

Мы посчитали целесообразным привлечение также официозной прессы других стран. В частности были использованы материалы американской газеты *The New York Times*, а также таких русских изданий, как *Московские Ведомости*, *Новое время* и *Санкт-Петербургские Ведомости*.

Материалы статистики. Значительный интерес для исследования имеют статистические сборники, позволяющие нам лучше понять экономическую ситуацию в Египте, а также место Кассы египетского долга в его финансовой системе. В данной работе был задействован британский ежегодный статистический сборник, представлявший экономическое положение стран Европы и Америки, а также многих колониальных владений⁵⁷.

Комплексный и критический анализ вышеперечисленных источников позволит нам осветить проблему взаимоотношения держав в Египте в конце XIX - начале XX вв.

Степень изученности темы в литературе. Проблемы колониальной политики рассматриваются историками уже достаточно давно. Существует множество работ, посвященных данной тематике. Особое место в трудах исследователей занимает спор об империализме. Говоря о причинах

---

⁵⁷ The Statesman Year-book. London, 1898, 1901.

возникновения египетского вопроса, мы считаем целесообразным обратиться к дискуссиям историков по данной проблеме⁵⁸. Суть спора заключается в стремлении исследователей выяснить мотивы и природу последнего колониального передела перед Первой мировой войной.

В целом, можно выделить две доминирующие точки зрения, одна из которых настаивает на детерминирующей роли экономического фактора в акселерации процессов экспансии, а другая выделяет стратегический (или национальный) интерес как основу для колониального соперничества европейских держав.

Об экономической основе империализма в знаменитом труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» писал В. И. Ленин⁵⁹. Он отмечал, что в последней четверти XIX в. достигшая значительного уровня концентрация производства и капитала привела к образованию монополий. Серьезные экономические изменения произошли в период кризиса 1873 г., который положил конец эре свободной конкуренции. Для нового капитализма типичным стал вывоз капиталов.

Логическим продолжением этих процессов явился «окончательный раздел земли». При этом В.И. Ленин пояснял, что «мир впервые уже оказался поделенным, так что дальше предстоят лишь переделы»⁶⁰. Особая активность старых колониальных империй, Великобритании и Франции, в этом процессе, была мотивирована также появлением новых игроков на международной арене, Германской империи и США, которые быстро вышли вперед по экономическим показателям. В этих условиях, по мнению Ленина, «владение колонией одно давало полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником»⁶¹. Политика и идеология же воспринимались им как «внеэкономические надстройки». Новый период в развитии европейских стран В.И. Ленин определял как империализм, одним из пяти основных признаков которого стала «колониальная политика

---

⁵⁸ Сам термин «империализм» в его современном значении был введен в употребление Дж. А. Гобсоном.

⁵⁹ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Полное собрание сочинений. 5 изд. Т. 27.

⁶⁰ Там же. С. 373.

⁶¹ Там же.

монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца»⁶². Таким образом, причину колониальной «гонки» держав В.И. Ленин видел в финансовых интересах европейских монополистических объединений. Большой интерес представляют также недописанные «Тетради по империализму», на основании которых фактически и был создан труд «Империализм, как высшая стадия капитализма». Из них очевидно, что Ленин исследовал в основном экономический аспект, согласно его теории, составлявший суть империализма.

Работа В.И. Ленина заложила основу для изучения колониальной политики держав в советской исторической науке. Большинство отечественных историков советского периода считали движущей силой колониальной экспансии, и оккупации Египта в том числе, экономические мотивы.

Данная точка зрения отражена в работе Ф.А. Ротштейна, авторитетного советского историка и дипломата. Он подробно рассматривал события лета 1882 г. в монографии «Захват и закабаление Египта»⁶³, посвященной истории подчинения страны европейскими державами. Свое повествование Ф. А. Ротштейн начал с 1875 г., когда европейским державам удалось установить финансовый контроль над Египтом. Апофеозом процесса закабаления Ф.А. Ротштейн представлял английскую интервенцию в Египет, которая, по мнению автора, была предпринята с целью превращения страны в английскую колонию и тщательно планировалась заранее. Стремление подчинить Египет исследователь видел в экономических интересах Британской империи, и в том числе банкирских домов и предпринимателей.

Об экономических мотивах европейской экспансии в Египте писал советский историк Г.А. Нерсесов в работе «Дипломатическая история египетского кризиса, 1881 — 1882 гг.»⁶⁴. Основное внимание Нерсесов уделял анализу дипломатических аспектов борьбы за доминирующее влияние в

---

⁶² Там же.

⁶³ Ротштейн Ф.А. Захват и закабаление Египта. М., 1959.

⁶⁴ Нерсесов Г.А. Дипломатическая история египетского кризиса, 1881 – 1882 гг. М., 1979.

Египте. В качестве центрального события этого периода автор рассматривал Константинопольскую конференцию лета 1882 г., на которой были представлены все великие державы, имеющие какие-либо интересы в Египте, в частности, финансовые. Объяснение ускорения колониальных процессов экономическими причинами присуще и многим современным отечественным историкам⁶⁵.

В зарубежной историографии также уделялось внимание проблемам т.н. «экономического империализма». Одним из наиболее основательных трудов по этому вопросу является «Империализм» английского экономиста Дж. Гобсона⁶⁶, о котором в своей работе пишет и В.И. Ленин. Дж. Гобсон утверждал, что империализм, неизвестное более ранним эпохам явление, обусловлен политикой, которую проводит экономически ангажированный господствующий класс, и в частности, капиталисты, «ищущие рынки для размещения своих капиталов»⁶⁷. Гобсон приводил пример Египта как территории, завоеванной исходя из финансовых интересов правящего класса.

Исследуя проблему империализма, нельзя не упомянуть и британского историка Дэвида Филдхауза. В труде «Экономика и империя»⁶⁸ он исследует роль экономического аспекта в империалистической политике держав на протяжении XIX — начала XX века. Филдхауз рассматривал теории империализма, предложенные Лениным и Гобсоном. В противовес их утверждениям, Филдхауз настаивал на том, что взаимосвязь между экспортом капитала и новыми колониями была крайне мала. Он уверял, что не было никакой зависимости между заокеанскими инвестициями и растущей территориальной экспансией западных стран. По его мнению, так называемый новый империализм был скорее результатом социальных и политических процессов, нежели экономических потребностей держав. Филдхауз отмечал два фактора — коллапс традиционного сложившегося политического порядка

---

⁶⁵ Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в. М., 1991; Айзенштат М.П. Английские партии и колониальная политика Великобритании в XIX в. М., 1999.

⁶⁶ Гобсон Дж. А. Империализм. Харьков, 1918.

⁶⁷ Там же. С. 8.

⁶⁸ Fieldhouse D.K. Economics and Empire 1830-1914. NY, 1973.

на периферии и неспособность местных правящих верхов справиться с проблемами, возникшими в результате европейского экономического проникновения. В отдельную группу так называемых «суб-империалистов» он выделял представителей национальной элиты колонизированных стран, а также путешественников, торговцев, посланников держав, которые были часто оторваны от большой политики, но на локальном уровне обладали огромной властью и влиянием. Фактически, локальный фактор, не имеющий никакого отношения к экономическим интересам держав, играл в его теории доминирующую роль.

Впрочем, с ним не соглашаются многие современные историки, которые видят в экономике движущий мотив экспансии. В частности, в работе «Экономические основы британской заморской экспансии» П.Дж. Кейн отмечал, что причина зарождающегося противостояния на Черном континенте была связана с ухудшением экономической ситуации в Европе в начале 1870-х гг. Африка же представлялась европейцам источником богатства и прибыли⁶⁹. Данная идея получила развитие в статье П.Дж. Кейна и А.Г. Хопкинса⁷⁰. В частности, говоря о ближневосточном регионе, авторы пишут о «нелегком партнерстве между банкирами и правительством»⁷¹. Банки требовали помощи со стороны государства для того, чтобы ограничить деятельность своих иностранных конкурентов. В случае с Египтом, по мнению авторов, «экономическое проникновение породило развитие кризиса, который привел к британской интервенции»⁷². Тесная связь власти и капитала в египетских делах стала также предметом исследования гарвардского историка Д. Ландеса⁷³.

Более широко в историографии (и в особенности британской) распространена тенденция, представляющая колониальный передел мира

---

⁶⁹ Cain P.J. Economic foundations of British expansion. London, 1980. P. 51.

⁷⁰ Cain P.J., Hopkins A.G. Gentlemanly Capitalism and the British Expansion Overseas II: New Imperialism, 1850-1945 // The Economic History Review. Vol. 40. No.1, 1987. Pp. 1-26.

⁷¹ Ibid. P. 12.

⁷² Ibid. P. 13.

⁷³ Landes D. Bankers and Pashas: International Finance and Economic Imperialism in Egypt. Harvard, 1958.

конца XIX столетия как результат реализации стратегических интересов великих держав. Особенно четко она проявилась в 1960-ые гг.

Наиболее полно точка зрения о превалирующем стратегическом мотиве отражена в работе кембриджских историков Р.Робинсона и Дж. Галлахера «Африка и викторианцы»⁷⁴. Их книга, изданная в 1961 г., до сих пор вызывает множество споров среди специалистов. Объектом исследования авторов стала колониальная политика Англии XIX в., времен «ранних» и «поздних» викторианцев. Важнейшим новаторством работы стала теория о преемственности в английской внешней политике, из чего следовало, что империализм как явления нового и свойственного лишь последней четверти XIX в. фактически не существовало. Историки отмечали, что к концу XIX в. уже сформировалась государственная точка зрения (official mind) по основным внешнеполитическим вопросам, базирующаяся на принципе поддержания и охраны национальных интересов. В случае с *Битвой за Африку* и в частности с египетским вопросом — главным двигателем британской политики стали стратегические мотивы, а именно необходимость вернуть европейский контроль над Суэцким каналом во время восстания националистов. Оккупация Египта представляется исследователями как стартовый момент, после которого Британия прочно «втягивается» в процесс африканской экспансии. Оккупировав Египет, британцы были вынуждены защищать свои интересы в этом регионе. Этим объясняются дальнейшие захваты в Африке (например, Уганды и Судана).

Достаточно детально в книге рассмотрен Фашодский инцидент 1898 г. В главе «На пути к Фашоде» авторы последовательно анализируют развитие событий от начала завоевания Судана до развития кризиса и его последствий. Причины конфликта Р.Робинсон и Дж. Галлахер видят опять же в стратегическом расположении Судана, необходимого англичанам для поддержания своего господства в Египте. При этом влияние общественности,

---

⁷⁴ Robinson R., Gallagher J. with A. Denny. Africa and the Victorians: The Official Mind of Imperialism. London, 1961.

прессе и в целом идеологии имперского «престижа» на развитие кризиса практически отрицается.

Несмотря на некоторые спорные утверждения, с которыми полемизировали другие исследователи колониализма, такие, как бельгийский историк Жан Станжер,⁷⁵ на наш взгляд, книга дает целостное представление о политике викторианцев в Африке во второй половине XIX столетия. Следует отметить, что работа оказала огромное влияние на дальнейшие исследования по данной проблематике. Так, тезис о доминировании стратегического интереса стал чрезвычайно популярен в среде западных историков⁷⁶.

Кроме экономического и стратегического, исследователи выделяют и некоторые другие факторы развития колониальной экспансии. В частности, следует обратить внимание на т.н. идеологический фактор, связанный с господствовавшими в конце XIX столетия представлениями об имперском престиже. Он отражен в классическом труде У. Ланджера «Дипломатия империализма» в 2-х тт.⁷⁷ В первом томе своей работы автор детально рассматривает политические процессы, происходящие в Европе и на периферии, в частности в Африке в последней четверти столетия. У. Ланджер подробно исследует египетский и напрямую с ним связанный суданский вопросы. Основывая свою работу на самых разнообразных источниках, он формулирует комплекс причин, вынудивших Британию пойти на оккупацию Египта. Любопытным моментом в его книге является также исследование самого явления «империализма» и его влияния на общественное развитие в Британии. Фактически историк говорит о зарождении нового мышления, в котором тесно переплелись традиционный английский дух и британское имперское сознание. Причем это осознание пришло как к обывателям, так и к политикам, определявшим судьбу империи.

---

⁷⁵ Stengers J. L'Imperialisme Colonial de la fin du XIX Siècle : Mythe ou Réalité // The Journal of African History. Vol. 3. No. 3, 1962. Pp. 469-491.

⁷⁶ Tignor R. Modernization and British colonial rule in Egypt, 1882-1914. Princeton, 1966.

⁷⁷ Langer W. The Diplomacy of Imperialism. Vol.1. London, 1935.

О важной роли имперского престижа в развитии колониальной борьбы пишет и историк А.Дж. П. Тэйлор в книге «Борьба за господство в Европе»⁷⁸. Как следует из самого названия работы, автор рассматривает различные внешнеполитические процессы в рамках соперничества за доминирующее влияние в Европе. Книга написана в целом с европоцентристских позиций, так как, по мнению автора, колониальная политика держав была во многом подчинена их европейским интересам. Колонии представлены как своеобразная разменная монета в тонкой дипломатической игре держав. В этом же ключе автор рассматривает англо-французское соперничество за Египет и Фашодский кризис 1898 г.

Особая роль уделяется личностному фактору в истории колониальной политики. Английский исследователь Г. Сандерсон, например, писал о том, что одной из причин активизации британской колониальной политики были чрезмерные амбиции Генри Карнарвона,⁷⁹ статс-секретаря по колониальным вопросам в кабинете Дизраэли, который стремился распространить на Черный континент подобие доктрины Монро в африканском варианте⁸⁰. Особая роль в развитии египетского вопроса отводится исследователями таким государственным деятелям, как Т. Делькассе⁸¹ и лорд Кромер⁸². Таким образом, историки выделяют множество факторов, которые явились причиной ускорения колониальных процессов и становления империалистической политики европейских держав.

Мы также привлекли многочисленную историческую литературу по отдельным аспектам египетского вопроса.

Говоря о причинах обострения египетского вопроса в последней трети XIX в., историки чаще всего начинают свое повествование с открытия Суэцкого канала, существование которого породило соперничество держав.

---

⁷⁸ Тэйлор А. Д. П. Борьба за господство в Европе. М., 1958.

⁷⁹ Генри Герберет Карнарвон (1831- 1890) – английский политик, один из ведущих членов Консервативной партии.

⁸⁰ Sanderson G.N. The European Partition of Africa: Coincidence or Conjuncture? // Journal of Imperial and Commonwealth History. No 3, 1975.

⁸¹ Porter C. W. The Career of Theophile Delcasse. Philadelphia, 1936.

⁸² Marlowe J. A History of Modern Egypt and the Anglo-Egyptian Relations, 1800-1953. NY, 1954. P. 160.

Большое количество работ, посвященных истории этого предприятия, принадлежит французским исследователям. Неудивительно, ведь именно французы стояли у основания канала. Попытки исследовать историю канала были сделаны уже в конце XIX в. Так, французский историк Л.М. Россиноль еще в 1898 г., в самый разгар Фашодского кризиса, защитил докторскую диссертацию по теме «Суэцкий канал»⁸³.

Через более чем 50 лет, в 1954 г. французский историк Поль Раммонтель опубликовал фундаментальный труд «Суэцкий канал: великое французское творение»⁸⁴. Автор исследовал роль французских финансистов, дипломатов и, в первую очередь, коммерческий гений Фердинанда Лессепса, который позволил реализовать французскую задумку. Лессепсу посвящена также биографическая работа Жоржа Боннэ, написанная в 1959 г.⁸⁵. О финансовом аспекте предприятия повествует работа другого французского историка Г. Бонэна «Суэц: от канала к деньгам(1858 — 1987)»⁸⁶.

Многочисленные труды как отечественных, так и западных историков, посвящены общим проблемам заморской экспансии западных держав. В них рассматриваются такие важные для нашего исследования исторические эпизоды, как Фашодский кризис и соперничество на Верхнем Ниле.

Одним из первых в отечественной науке об англо-французском конфликте в Судане написал Е.В. Тарле в книге «Европа в эпоху империализма»⁸⁷. В ней значительное место отведено колониальной деятельности Англии и Франции, в том числе Фашодскому инциденту 1898 г., а также становлению Антанты 1904 г.

Пожалуй, одним из наиболее авторитетных советских исследователей в этой области является В.А.Субботин, специалист по истории французской колониальной политики конца XIX в. Фашодскому инциденту 1898 г.

---

⁸³ Rossignol L.M. Canal de Suez (thèse pour le doctorat). Paris, 1898.

⁸⁴ Rammontel P. Le Canal de Suez: grande œuvre française. Paris, 1954.

⁸⁵ Edgar-Bonnet G. Ferdinand de Lesseps. Paris, 1959.

⁸⁶ Bonin H. Suez: du canal à la finance (1858 – 1987). Paris, 1987.

⁸⁷ Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма // В кн.: Тарле Е.В. Политика: история территориальных захватов XV – XX вв. М., 2001.

посвящена его диссертация⁸⁸. В.А. Субботин рассматривал предысторию англо-французского столкновения на Ниле, обращая особое внимание на экономические интересы французской буржуазии, ставшей движущей силой колониальной экспансии Третьей Республики. Историк подчеркивал влияние итогов Фашодского кризиса на перегруппировку великих держав перед Первой мировой войной.

Инцидент 1898 г. рассмотрен также в его монографии «Французская колониальная экспансия в конце XIX в.»⁸⁹, посвященной колонизации Тропической Африки и островов Индийского океана в период Третьей Республики. Работа имеет существенное значение, так как подробно представляет читателю политику французского правительства в 1898 г. Кроме того, нужно отметить статью В.А. Субботина «Англо-французское столкновение в Фашоде в 1898 г.»⁹⁰, в которой детально рассмотрен ход кризиса и его итоги.

В 1990-ые годы к уже подзабытой истории Фашодского кризиса вернулся другой советский историк, специалист по истории международных отношений К.Б. Виноградов. Предыстории инцидента 1898 г. посвящена его статья «На пути к Фашодскому кризису»⁹¹. Автор внимательно рассматривает причины кризиса, к которым он относит зарождение египетского вопроса в английской и французской внешней политике, оккупацию Египта и дальнейшие действия англичан в Судане. Особое внимание уделяется английской дипломатической деятельности в конце XIX в. Кроме того, большой интерес представляет также статья Виноградова, посвященная реализации проекта Суэцкого канала и личности Фердинанда де Лессепса⁹².

Примерно в то же время, что и К. Б. Виноградов, о борьбе за влияние на Верхнем Ниле писал крупнейший специалист по колониальной политике

---

⁸⁸ Субботин В.А. Политика французского империализма в Фашодском кризисе 1898 г. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1953.

⁸⁹ Субботин В.А. Французская колониальная экспансия в конце XIX в. М., 1962.

⁹⁰ Субботин В.А. Англо-французское столкновение в Фашоде в 1898 г. // В кн.: Африканский сборник. М., 1963.

⁹¹ Виноградов К.Б. На пути к Фашодскому кризису // ННИ, 1998, № 5. С. 171 – 190.

⁹² Виноградов К.Б. Фердинанд Лессепс и строительство Суэцкого канала // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 149.

Франции П.П. Черкасов в своей книге «Судьба империи», отражающей наиболее значительные этапы создания, расцвета и гибели французской колониальной империи⁹³.

Говоря о работах советских историков, необходимо упомянуть второй том «Истории дипломатии», автором которого является В.М. Хвостов⁹⁴. Здесь представлены основные направления дипломатии от 1871 г. до Первой мировой войны. Отдельное внимание уделено рассмотрению инцидента 1898 г. и египетского вопроса в более широкой перспективе, в частности, его дипломатическому аспекту.

Проблема противостояния держав в Египте и Судане более широко рассмотрена в трудах зарубежных историков. Следует отметить, что большая часть работ, посвященных заморской экспансии, появилась в 1960-ые гг., что было связано с процессом деколонизации. 1960 г. вошел в историю как год Африки, когда на карте мира появилось сразу 17 африканских государств. Деколонизация остро поставила вопрос об ответственности за захват и подчинение азиатских и африканских земель в конце XIX в.

Показательной в этом смысле является работа М. Аббаса «Суданский вопрос: спор об англо-египетском кондоминиуме»⁹⁵. М. Аббас, преподававший какое-то время в Англии, в 50-ые гг. принимал участие в борьбе за независимость Судана и был активным политическим и общественным деятелем. Не случайно, его монография охватывает наиболее тяжелый период в истории Судана, когда страна на протяжении более чем столетия находилась под властью чужеземцев: сначала египтян, потом англичан, а далее под их совместным управлением. Большое внимание Аббас уделяет истории Махдистского государства. Автор рассматривает причины, по которым Судан интересовал англичан и постоянно привлекал к себе внимание Египта. Неоспоримым достоинством издания является также подборка документов по истории Судана.

---

⁹³ Черкасов П.П. Судьба империи. М., 1983.

⁹⁴ Хвостов В.М. История дипломатии. Т.2. М., 1963.

⁹⁵ Abbas M. The Sudan Question: the Dispute over Anglo – Egyptian Condominium (1884 -1951). London, 1951.

Суданский вопрос рассматривался во многих работах западных историков. Наиболее значительной из них является монография Г. Сандерсона «Англия, Европа и Верхний Нил»⁹⁶. Автор блестяще выявляет дипломатические аспекты борьбы за Верхний Нил, которая особенно обостряется в 90-ые гг. XIX в. Он рассматривает этот вопрос в контексте английской европейской политики, выделяя особое значение нильского региона для Англии, которая готова была активно отстаивать здесь свои интересы перед лицом противников, и в первую очередь, Франции. Г. Сандерсон не ограничивается рамками дипломатической истории. Несколько глав его работы посвящены экспедициям, посланным на Верхний Нил европейцами с целью установления там протектората. Сандерсон привлекает мемуары путешественников и колониальных деятелей, что, без сомнения, вносит разнообразие в исследование и расширяет его границы.

Фашодский кризис подробно проанализирован также в статье Г. Сандерсона «Французская политика на Верхнем Ниле»⁹⁷. Внимание читателей обращается на причины и предпосылки кризиса. Автор является сторонником версии о возможности возникновения войны из-за Фашоды. Кроме того, в статье наглядно продемонстрирована важность последствий кризиса, как для Франции, так и для Англии.

История борьбы за Верхний Нил представлена также в статьях А.Д. П. Тэйлора⁹⁸ и Д. Стэнджерса⁹⁹. Тэйлор отмечает, что истоки Фашодского кризиса 1898 г. следует искать в середине 90-х гг., когда разворачивалось особо ожесточенное соперничество за влияние на Верхнем Ниле. Д. Стэнджерс уделяет особое внимание т.н. «суданскому миру», или мифу о несметных богатствах Судана, фантастической плодородности суданской

---

⁹⁶ Sanderson G.N. England, Europe and the Upper Nile. Edinburgh, 1965.

⁹⁷ Sanderson G. N. French Policy on the Upper Nile // The Partition of Africa: Illusion of Necessity. Ed. by R.O. Collins. NY, 1969.

⁹⁸ Taylor A. J. P. Prelude to Fashoda: The Question of the Upper Nile, 1894-5 // The English Historical Review. Vol. 65. No. 254, 1950.

⁹⁹ Stengers J. Une Facette de la Question du Haut-Nil: Le Mirage Soudanais // The Journal of African History. Vol. 10. No. 4, 1969.

земли и т.д. По мнению автора, именно существование «суданского миража» спровоцировало противостояние европейских держав в этом регионе.

История организации и дальнейшей судьбы экспедиции капитана Маршана изложена в книге французского историка М. Мишеля «Миссия Маршана, 1895 — 1899»¹⁰⁰. В работе повествуется о зарождении идеи похода на Верхний Нил, которая в итоге воплотилась в экспедиции Маршана. Особый интерес представляет анализ внутривосточного положения Третьей республики, которое во многом стало причиной неуверенности Парижа в период кризиса 1898 г. Кроме того, автор создает и образ самого капитана Маршана, личность которого, несомненно, повлияла на ход Фашодского инцидента.

Другому непосредственному участнику конфликта Герберту Китченеру посвящена работа английского историка Дж. Кассара «Китченер: архитектор победы»¹⁰¹. Автор отмечает, что личность генерала, сложная и противоречивая, нашла отражение в его многочисленных победах. В Фашодском кризисе Китченер сыграл одну из главных ролей, не допустив обострения конфликта с Маршаном в самой Фашоде, и при этом продемонстрировав твердость английских позиций. Работа написана увлекательно и передает атмосферу и настроения Британии конца XIX в.

Нельзя не упомянуть также о работах, посвященных внутривосточной обстановке в Англии и Франции в период Фашодского кризиса. Одним из важнейших исследований в этой области является книга Р. Брауна «Переосмысление Фашоды»¹⁰². Анализируя влияние внутренних процессов на внешнеполитический курс государства, Р. Браун приходит к выводу, что решающей причиной поражения Франции в Фашоде стал кризис Третьей Республики, вызванный делом Дрейфуса. Отдельное внимание уделено выработке внешнеполитических решений и роли некоторых организаций в этом процессе. В частности, детально рассматривается

---

¹⁰⁰ Michel M. La mission Marchand 1895- 1899. Paris, 1972.

¹⁰¹ Cassar G. H. Kitchener: Architect of Victory. London, 1977.

¹⁰² Brown R.C. Fashoda Reconsidered: The Impact of Domestic Politics on French Policy in Africa (1893-1898). London, 1969.

деятельность Комитета французской Африки и колониальной группы в формировании французской политики на Ниле. В целом, работа представляет большой интерес и вносит существенный вклад в изучение влияния внутренних факторов на развитие заморской экспансии.

Формированию и деятельности французской колониальной «партии» посвящена статья С. Эндрю и А. Канья-Форстнера¹⁰³. Колониальной «партией» историки обозначают Комитет французской Африки и колониальную группу в Палате депутатов в Национальном собрании. Статья выявляет решающее влияние французских колониалистов в отправке экспедиции Маршана и противоборстве с Англией за Верхний Нил. Особое внимание обращается на деятельность Т. Делькассе в качестве министра колоний, которого традиционно считали сторонником проанглийской политики. Делькассе не только пришел к власти благодаря поддержке Комитета французской Африки, но и долгое время проводил линию, направленную на обострение отношений с Великобританией на Ниле.

Роль внутривластного фактора в формировании внешней политики Третьей Республики показана также в статье Берты Лиман¹⁰⁴. В ней автор демонстрирует то колоссальное влияние, которое оказывала борьба различных партий и социальных сил во Франции на внешнюю политику, в особенности на складывание правительственной позиции в период Фашодского инцидента. Особое внимание уделяется личности Т. Делькассе как одного из наиболее значительных дипломатов Франции конца XIX в.

В статье Т.В. Рикера «Обзор британской политики в Фашодском кризисе»¹⁰⁵ глубоко проанализирован ход конфликта и представлено весьма интересное исследование английской прессы, оказавшей серьезное давление на британские правящие круги и косвенно повлиявшей на исход англо-французского соперничества на Ниле.

---

¹⁰³ Andrew C.M., Kanya –Forstner A.S. The French ‘Colonial Party’: Its Composition, Aims and Influence, 1885 – 1914 // The Historical Journal. Vol. 14. No. 1, 1971.

¹⁰⁴ Leaman B.R. The Influence of Domestic Policy on Foreign Affairs in France, 1898 – 1905 // The Journal of Modern History. Vol. 14, No. 4, 1942.

¹⁰⁵ Riker T.W. A Survey of British Policy in the Fashoda Crisis // Political Science Quarterly. Vol. 44. No. 1, 1929.

Иной аспект этого противостояния рассмотрен в работе английского историка А. Мардера «Анатомия Британского морского могущества»¹⁰⁶. В главе «Фашода: урок морской мощи» Мардер представляет морской потенциал Англии как решающий фактор ее превосходства над Францией в Судане. Несмотря на то что, по его мнению, сама возможность войны между державами была невелика, морская мощь британского флота оказала серьезное психологическое давление на французскую сторону. А. Мардер отмечает, что поражение Франции было заранее предсказуемо, так как ей нечего было противопоставить британской морской силе.

Большой интерес представляет монография французского историка А. Блэ¹⁰⁷, посвященная колониальной деятельности Третьей Республики. Блэ анализирует как общие черты, характерные для французской экспансии в целом, так и политику Третьей Республики в отдельных регионах, в частности, в Магрибе, Экваториальной Африке, на Мадагаскаре, а также в Индокитае. А. Блэ выделяет три периода в колониальной политике Третьей Республики. Первые этап (1885 — 1890 гг.) связан с сохранением позиций в Конго и завоеванием французского Судана, а также потерей Нигера. Второй период начинается в 1890 г. и заканчивается в 1898 г. Он связан, в первую очередь, с англо-французским конфликтом за египетский Судан и с Фашодой. Последний этап длится пять лет (1898 — 1905 гг.). Он ознаменован англо-французским сближением, благодаря стараниям Делькассе и, в конечном счете, становлением Антанты¹⁰⁸.

Активизация англо-французского противостояния, по его мнению, была обусловлена несколькими факторами. Во-первых, приходом к власти после отставки кабинета Гладстона консерваторов, «настроенных враждебно и даже воинственно» по отношению к французам и поддерживаемых «общественным мнением, которое благодаря романам Киплинга, заняло колониальную

---

¹⁰⁶ Marder A.J. The Anatomy of British Sea Power. A History of British naval policy in the pre-dreadnought era, 1880-1905. NY, 1940.

¹⁰⁷ Blet H. France d'outre-mer. Paris, 1950.

¹⁰⁸ Ibid. P. 28-29.

позицию»¹⁰⁹. Во-вторых, вражда в Египте была инспирирована французской общественностью, вынуждавшей свое правительство осуществлять колониальную экспансию. Борьба Франции за Египет характеризуется им как ложно понятый государственный интерес.

Проблемы оккупации Египта и Фашодский кризис внимательно рассматриваются в исследовании К. Борна «Внешняя политика викторианской Англии, 1830 – 1902»¹¹⁰, Р. Хиамы «Век Британской империи, 1815 – 1914»¹¹¹, а также «Кембриджской истории Британской империи»¹¹². Данные работы являются настоящей классикой английской исторической школы. Любопытную концепцию выдвигает Р. Хиям. Историк рассуждает об идеологическом мотиве как двигателе британской внешней политики. С этих же позиций он рассматривает итог Фашодского кризиса, как торжество британского империализма. О внешнеполитическом курсе Британии в конце XIX в. писал другой английский историк Р. Шеннон в работе «Кризис империализма»¹¹³. Фактически отрицая экспансионистские устремления Британской монархии, он настаивал на том, что политическая активность Англии была в основном направлена в мирное русло и ориентирована на соглашение со всеми европейскими державами. Говоря о работах, посвященных британской истории викторианского периода, следует упомянуть труд А. Сэсила «Королева Виктория и ее премьер-министры»¹¹⁴, а также работу Г. Темперли¹¹⁵.

Складывание англо-французской Антанты и ее сущность являются предметом спора среди историков. Некоторые исследователи отмечают, что Антанта была вызвана желанием обеих держав урегулировать колониальные разногласия, а антигерманскую направленность она приобрела уже позже¹¹⁶. Об Антанте как о соглашении, подписанном, в первую очередь, исходя из

---

¹⁰⁹ Blet H. Op. cit. P. 26.

¹¹⁰ Bourne K. The foreign policy of Victorian England, 1830-1902. Oxford, 1970.

¹¹¹ Hyam R. Britain's Imperial Century: 1815 – 1914. London, 1976.

¹¹² The Cambridge History of the British Empire. Vol. 3. Cambridge, 1959.

¹¹³ Shannon R. The Crisis of Imperialism (1865 — 1915). London, 1974.

¹¹⁴ Cecil E. Queen Victoria and her prime-ministers. London, 1953.

¹¹⁵ Temperley H. The Victorian age in Politics, War and Diplomacy. Cambridge, 1928.

¹¹⁶ Shannon R. Op. cit. P. 342.

колониальных интересов, пишут авторы коллективного труда «Колониализм в Африке, 1870 — 1960»¹¹⁷. Впрочем, большинство историков, как отечественных¹¹⁸, так и западных¹¹⁹ объясняют создание Антанты 1904 г. германским фактором, в частности, возросшей немецкой мощью.

По мнению некоторых исследователей, в основе Антанты лежали ментальные причины, а именно, «антипатия» по отношению к немцам, которая была так сильна, что, несмотря на «унижение в Фашоде», французы пошли на соглашение с англичанами¹²⁰. Так, французские историки подчеркивали, что, как колониальное соглашение, Антанта была совершенно невыгодна Франции, которая получала «только возможности», в то время как отдавала Великобритании реальные преимущества¹²¹. Антанта, по их мнению, была необходима Третьей Республике как соглашение, ориентированное на европейскую политику. Стремлению восстановить т.н. «либерального альянса» двух держав против милитаристской Германии посвящена работа французского историка Л. Ланессана¹²², написанная в самый разгар Первой мировой войны. В силу этого книга имеет явный антинемецкий подтекст, что, впрочем, не умаляет ее достоинств: Ланессан представляет историю англо-французских отношений с XVI в.

Взаимоотношения Англии и Франции в Египте, история складывания Антанты 1904 г. и дипломатическая обстановка конца XIX — начала XX вв. рассматриваются в работе современного российского историка А.В. Ревякина «История международных отношений в Новое время»¹²³.

Проблемы Антанты исследуются также в диссертационной работе историка А.Г. Сенокосова «Англия и Антанта: на пути к военно-

---

¹¹⁷ Colonialism in Africa, 1870- 1960. Ed. by L.H. Gann. Cambridge, 1969. Vol. 1.

¹¹⁸ Розенталь Э. Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX в. М., 1960. С. 48; Первая мировая война: Пролог XX в. М., 1998. С. 29.

¹¹⁹ Stuart G. Op. cit. P. 107; Wright C. A History of the Third Republic. Boston, 1916. P. 191; Cestre C. France, England and European Democracy, 1215-1915: A Historical Survey of the Principles Underlying the Entente Cordiale. NY, 1918. P. 70.

¹²⁰ Sarolea C. The Anglo-German Problem. NY, 1912. P. 53.

¹²¹ Tardieu A. France and the Alliances: the Struggle for the Balance of Power. NY, 1908. P. 60.

¹²² Lanessan J. – L. L'Histoire de l'Entente Cordiale franco-anglaise. Paris, 1916.

¹²³ Ревякин А.В. История международных отношений в Новое время. М., 2004.

политическому союзу : 1907—1914 гг.»¹²⁴. Несмотря на то что основное внимание в работе направлено на период формирования Тройственной Антанты, Сенокосов рассматривает предысторию вопроса с 1898 г. и условия становления англо-французской Антанты 1904 г.

Наше исследование во многом концентрируется на изучении взаимодействия континентальной и колониальной политики. Именно поэтому мы посчитали необходимым привлечь также корпус работ, связанных с европейской политикой держав. В частности, существенное внимание египетскому вопросу уделялось в период заключения русско-французского союза. В первую очередь, необходимо отметить работы по истории альянса таких влиятельных отечественных исследователей как А.З. Манфред¹²⁵, В. М. Хвостов¹²⁶ и И.С. Рыбаченок¹²⁷. Еще в самом начале XX в. вышли сразу несколько важных трудов французских специалистов по истории союза, в особенности, книги Анри Велшингера¹²⁸ и Жоржа Мишона¹²⁹. Огромный вклад в изучение союза внесли крупнейшие французские историки, специалисты по международным отношениям, Пьер Ренувен¹³⁰ и Рене Жиро¹³¹.

Русско-французский союз и сегодня продолжает оставаться популярной темой среди исследователей. Так, Анн Хогениус-Селиверстоф в 1997 г. опубликовала монографию, посвященную альянсу и тому влиянию, которое

---

¹²⁴ Сенокосов А.Г. Англия и Антанта: на пути к военно-политическому союзу: 1907 – 1914 гг. Диссертация на соискание научной степени к.и.н. Москва, 2005.

¹²⁵ Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М., 1975.

¹²⁶ Хвостов В.М. Франко-русский союз и его историческое значение. М., 1955.

¹²⁷ Рыбаченок И.С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. 1891 - 1897. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню М., 2004 ; Рыбаченок И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М. 1993; Рыбаченок И.С. Русско-французский союз в стихах и песнях // Россия и Франция, XVIII-XIX века. Вып.5. М., 2003. С.143-170.

¹²⁸ Welschinger H. L'alliance franco-russe : les origines et les résultats. Paris, 1919.

¹²⁹ Michon G. L'alliance franco-russe, 1891-1917. Paris, 1927.

¹³⁰ Renouvin P. Les engagements de l'Alliance franco-russe: leur évolution de 1891 à 1914. Paris, 1934; Renouvin P. Les relations franco-russes à la fin du XIXème et au début du XXème siècle: Bilan des recherches // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 1. No. 1. Mai, 1959; Renouvin P. L'Orientation de l'alliance franco-russe en 1900-1901. Paris, 1966.

¹³¹ Girault R. Emprunts russes et investissements français en Russie, 1887-1914. Paris, 1999; Girault R. Sur quelques aspects financiers de l'alliance franco-russe// Revue d'histoire moderne et contemporaine, T.8^e, No. 1. Jan-Mar., 1961.

его заключение оказало на расстановку сил в Европе¹³². Автор также затрагивает колониальный аспект русско-французских отношений.

Таким образом, следует отметить, что отдельные эпизоды, связанные с историей египетского вопроса, являются предметом множества работ, как отечественных, так и западных историков.

Однако в большинстве исследований египетский вопрос рассматривается эпизодически и в отрыве от европейской политики, что не отражает взаимовлияния континентального и периферийного направлений в дипломатии европейских стран. Наш петербургский коллега Е.В. Морозов — фактически единственный современный российский историк, который затрагивает египетский вопрос в своих исследованиях, в частности, в диссертации «Колониальный фактор в формировании англо-французской Антанты : конец XIX — начало XX в.». ¹³³ В данной работе Морозов исследует совокупность проблем, влиявших на англо-французские отношения в Египте, Индокитае, Южном Китае, Аравийском полуострове, Ньюфаундленде и Новых Гебридах. Мы же концентрируем свое внимание на изучении египетского вопроса в отношениях великих держав, не ограничивая его рамками англо-французского спора в конце XIX в.

До сих пор так и не было проведено комплексного исследования египетского вопроса в конце XIX в., который занимал важное место в взаимоотношениях великих держав. Данная диссертация призвана восполнить этот пробел.

---

¹³² Hogenhius-Seliverstoff A. Une alliance franco-russe: la France, la Russie et l'Europe au tournant du siècle dernier. Paris, 1997.

¹³³ Морозов Е.В. Колониальный фактор в формировании англо-французской Антанты. Диссертация на соискание научной степени к.и.н. СПб., 2008; Его же. Политика Франции в Северо-Восточной Африке в конце XIX в. // Мир в новое время. Сборник материалов Девятой всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых по проблемам мировой истории XVI–XXI вв. СПб., 2007. С. 35–37; Морозов Е.В. Египетский вопрос в англо-французских отношениях конца XIX – начала XX века // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Научный журнал. № 25 (58). Аспирантские тетради. СПб., 2008. С. 190–193; Морозов Е.В. Англо-французское колониальное соперничество в Западной Африке в 80-е гг. XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Научный журнал. № 32 (70). Аспирантские тетради. СПб., 2008. С. 239–242; Морозов Е.В. Нигерский вопрос в англо-французских отношениях 90-х годов XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Научный журнал. № 33 (73). Аспирантские тетради. СПб., 2008. С. 321–324.

Глава 1. Египетский вопрос в взаимоотношениях великих держав в 1880-ые годы: зарождение конфликта

1.1. На пути к британской оккупации Египта: от открытия Суэцкого канала к восстанию Араби (1869 – 1882 гг.)

1869 г. значительно изменил место Египта в системе международных отношений второй половины столетия. Открытие Суэцкого канала ознаменовало начало нового этапа не только в истории страны, но также в истории взаимоотношений держав на Востоке. Оно оказало большое влияние на экономические, а что еще важнее, на стратегические интересы держав, которые готовы были конкурировать за возможность иметь доступ к контролю над зоной канала. С 1869 г. началась цепочка событий, которая привела к оккупации Египта британскими войсками. Исходя из данных соображений, мы считаем необходимым обратиться к обстоятельствам создания канала.

План прорыть канал, который соединил бы Средиземное и Красное моря, принадлежал французским инженерам, прибывшим в Египет вместе с экспедицией Наполеона Бонапарта в 1798 г. В ночь на 2 июля Наполеон в сопровождении своей армии, а также комиссии из 60 ученых, историков, художников и инженеров, высадился в «стране фараонов». В задачи ученой комиссии входило исследование возможности постройки «великого морского пути, о котором мечтали еще 19 веков назад во времена короля Египта Никоса»¹³⁴.

Генерал Бонапарт дал специальное задание одному из своих инженеров Леперу сформировать группу из инженеров и математиков для изучения возможности строительства канала. Наполеон торопил Лепера, и возможно именно поэтому рапорт инженера содержал ряд неточностей и ошибок. В частности, Лепер пришел к выводу, что из-за разного уровня воды в двух

---

¹³⁴ Rammontel P. Le Canal de Suez: grande œuvre française. Paris, 1954. P. 6.

морях, постройка прямого канала будет невозможна. Исходя из этого соображения он предложил прорыть не прямой путь, что сильно разочаровало Наполеона. После прочтения рапорта Бонапарт поблагодарил своих инженеров за проделанную работу, но в конце добавил: «Это сделаю уже не я»¹³⁵. После смерти Жан-Батиста Клебера, командовавшего французскими войсками в Египте в отсутствие Наполеона, и последующей эвакуации французской армии проект был на какое-то время предан забвению. Однако мечта прорыть канал между двумя континентами у французских инженеров, торговцев и мореплавателей осталась. Пусть и краткосрочное, но завоевание Египта Наполеоном оставило значительный след в истории страны. «Несмотря на то что Наполеону не удалось создать Восточную империю, он сумел начать новую эру в истории взаимодействия Египта с Западом. После него в Египет стали приезжать интеллектуалы, путешественники и купцы. Египет открыли заново»¹³⁶, — пишет историк Уильям Велш. На протяжении первой половины XIX в. Франция осуществляла активную культурную экспансию в Египте. Практически все представители местной интеллигенции, а также политические лидеры страны обучались в привилегированных французских школах¹³⁷. Еще одним инструментом французского влияния в стране стали многочисленные католические миссии, которые активно пропагандировали идею создания французской североафриканской империи¹³⁸. Результатом культурной политики Франции стала «галлицизация» египетских правящих кругов и их тесная связь с Парижем.

Возрождение интереса к идее строительства канала связано с именем французского инженера Фердинанда де Лессепса¹³⁹, который в 1831 г. получил пост вице-консула Александрии. Семья Лессепса принадлежала к старой французской знати. Отец Фердинанда Матье де Лессепс был направлен Бонапартом в Египет в качестве генерального консула в Каире.

---

¹³⁵ Rammontel P. Op. cit. P. 14.

¹³⁶ Welch W. M. No country for a gentleman: British rule in Egypt, 1883-1907. NY, London, 1988. P. 6.

¹³⁷ Goldschmidt A. A Concise History of the Middle East. Boulder, 1999. P. 140.

¹³⁸ Girardet R. L'idée coloniale en France de 1871 à 1962. Paris, 1972. P. 62.

¹³⁹ См. иллюстрацию 1.

На момент назначения вице-консулом Фердинанду было 26 лет. На борту корабля, на котором он плыл в Египет, по счастливой случайности Лессепс нашел и внимательно прочитал рапорт инженера Лепера. С того момента идея канала захватила его. В Египте Лессепс познакомился с могущественным хедивом Мухаммедом Али и сумел сблизиться с этим непростым человеком. Несколько лет он был личным наставником юного принца Саида, сына и наследника хедива.

В качестве вице-консула Лессепс провел в Египте 12 лет, после которых вернулся обратно во Францию. Однако мечта о канале его не покидала. В 1854 г. Саид стал хедивом Египта. Лессепс решил поехать обратно в Египет и поговорить о возможном построении канала с новым правителем. Убедить его оказалось несложно: основные пункты проекта понравились хедиву, и он готов был приступить к их реализации. Скоро во время торжественного ужина с иностранными представителями и послами Саид сообщил об основании морской Компании Суэцкого канала, управление которой было доверено Лессепсу. Концессия на эксплуатацию канала предоставлялась Компании на 99 лет с момента его открытия¹⁴⁰.

Новость произвела ошеломляющий эффект в Европе, в особенности в Англии. Британцы стали самыми яростными противниками постройки канала. В Лондоне и Эдинбурге сразу же были организованы кампании местной прессы с целью убедить европейцев в невозможности технической реализации проекта и его полной абсурдности. В то время Фердинанд де Лессепс делал все возможное, чтобы получить официальное благословление французского императора Наполеона III. Убедить монарха ему помогла супруга императора Евгения, которая всегда симпатизировала дипломату. В итоге Лессепсу удалось получить желаемый ответ от Наполеона: «Дело будет сделано»¹⁴¹.

Фирманом от 30 ноября 1854 г. Саид разрешил строительство канала¹⁴². Сама Компания была официально основана только в декабре 1858 г., а в 1859

---

¹⁴⁰ Rammontel P. Op. cit. P. 64.

¹⁴¹ Ibid. P. 76.

¹⁴² См. иллюстрацию 2.

г. началось строительство. В октябре 1858 г. был составлен список участников Компании. Стартовый капитал составлял 200 млн фр., разделенных на 400 тыс. долей (по 50 тыс. фр. каждая). 207 111 долей принадлежали Франции, а 96 517 долей — египетскому правительству. Список был закрыт в конце ноября. 85 506 долей, предназначенных Великобритании, США и России, не были раскуплены. Тогда Саид-паша согласился приобрести нераскупленные акции. Теперь его доля составляла почти половину от общего количества акций — 182 тысячи общей стоимостью 91 011 150 фр.¹⁴³.

Доминирующую роль в Компании играла Франция. Несмотря на то что Компания, созданная Лессепсом, являлась частным предприятием, нет сомнений в том, что она представляла французские интересы в Египте¹⁴⁴. Компания была основана относительно быстро, но ей понадобилось 12 лет на то, чтобы получить формальное согласие на работу от Османской империи, сюзерена Египта¹⁴⁵. Как пишет американский историк Закари Карабель, туркам было в целом все равно, где будет построен канал — их волновали только политические последствия, которые могла иметь такая авантюра: если канал увеличивал престиж империи и делал ее еще сильнее, то турки готовы были поддержать строительство; если же он еще более ослаблял и без того пошатнувшуюся Порту, то, они были против¹⁴⁶. 12 лет, потраченные на то, чтобы получить согласие Константинополя, говорят о том, что канал, по мнению турок, скорее ослаблял империю. С самого начала было очевидно, что он вызовет интерес западных держав, которые начнут еще больше вмешиваться в дела Османской империи.

На торжественное открытие Суэцкого канала, в который многие поначалу не верили, пришли восемь кораблей от всех крупнейших держав. Европейские коронованные особы, монархи и дипломаты съехались со всего

---

¹⁴³ Marlowe J. Op. cit. P. 66.

¹⁴⁴ Bonin H. Suez: du canal à la finance (1858 – 1987). Paris, 1987. 3. 85.

¹⁴⁵ Rossignol L.M. Canal de Suez (thèse pour le doctorat). Paris, 1898. P. 115.

¹⁴⁶ Karabell Z. Parting the desert: The Creation of the Suez canal. NY, 2003. P. 112.

света¹⁴⁷. Генерал Николай Павлович Игнатьев¹⁴⁸ с супругой прибыл на борту судна «Владимир», чтобы представлять Россию на празднике. Французский историк Поль Раммонтель отмечает, что церемония открытия канала была проведена великолепно — наконец «сбылась мечта фараонов, персидских царей, Птолемеев, халифов и Бонапарта»¹⁴⁹.

Британские политики не случайно были против строительства такого канала¹⁵⁰: он стал бы кратчайшим путем в главную британскую колонию Индию и превратился бы в важный стратегический пункт на Ближнем Востоке. После того, как Лессепс поставил международное сообщество перед свершившимся фактом, британцам ничего не оставалось делать, как попытаться утвердить свое присутствие на Суэце¹⁵¹. В связи с открытием канала британский политик лорд Дерби произнес весьма символичную речь в парламенте: «Мы признаем, что все это время противились делу Лессепса. Теперь же лучшее, из того что мы можем сделать, это присоединиться к нему»¹⁵². Суэцкий канал был, безусловно, чрезвычайно важен для британцев: они «воспринимали Суэцкий канал так же, как их отцы и деды воспринимали Гибралтар и Кейп — слишком ценная недвижимость, чтобы отдавать ее кому-либо еще»¹⁵³.

После 1869 г. в сторону Египта были направлены не только заинтересованные взгляды французов и англичан. Суэц привлекал внимание немцев, русских, австрийцев, итальянцев.хлопот прибавилось и у Турции. Историк Бернар Луган писал, что Египет стал столь важным для иностранных держав в последней трети XIX в. по трем причинам¹⁵⁴. На первое место он ставил, собственно, открытие Суэцкого канала, что имело стратегические и торговые последствия, к примеру, канал изменил конфигурацию

¹⁴⁷ Вдохновленный египетским каналом, Джузеппе Верди написал свою оперу «Аида». Впервые ее поставили в Опере хедива в Каире 24 декабря 1871 года. Исмаил-паша заплатил Верди 150 000 франков.

¹⁴⁸ Дипломат-панславист. С 1864 года чрезвычайный посланник Российской империи при Порте.

¹⁴⁹ Rammontel P. Op. cit. P.126.

¹⁵⁰ Karabell Z. Op. cit. P. 115.

¹⁵¹ Через Суэц можно было достигнуть Индии значительно быстрее, нежели раньше, огибая Кейп. Канал сокращал дорогу из Англии в Индию на 7343 км.

¹⁵² Цит. по: Rammontel P. Op. cit. P. 127.

¹⁵³ Welch M. Op. cit. P. 8.

¹⁵⁴ Lugan B. Histoire de l'Afrique: des origines à nos jours. Paris, 2009. P. 112.

коммерческих потоков на Ближнем Востоке. 3-4 тыс. кораблей каждый год проходили через Суэц. Второй фактор, по его мнению, — упадок Османской империи, часть которой, пусть и номинально, составлял Египет. Последняя причина состоит в «настоящем финансовом хаосе», который царил в Египте на протяжении 1870-х — начале 80-х годов.

Интерес к Суэцкому каналу обязывал державы следить за политической обстановкой в Египте — в конце концов, от нее зависела и будущность канала. Следует подчеркнуть, что, на наш взгляд, в 1870-ые гг. державы не хотели устанавливать свою власть в Египте. Без сомнения, торговая конкуренция существовала всегда, и Египет не стал в этом смысле исключением из общей колониальной истории последней трети столетия. Однако ни одна из держав по разным причинам не ставила перед собой задачи обретения политического господства над «страной фараонов». Французский министр иностранных дел Ш. Фрейсине в своей работе, посвященной истории египетского вопроса, отмечал, что в Египте шла «мирная борьба» между великими державами за торговое влияние¹⁵⁵.

Для Франции канал был важным коммерческим предприятием. Стремление поддерживать свой экономический интерес и при этом не брать на себя лишней ответственности в Египте было связано, в первую очередь, с теми кардинальными изменениями, которые произошли на европейской арене. Франко-прусская война 1870 — 1871 гг. и ее итоги изменили соотношение сил на континенте. Так, «международное положение конца 70-х гг. не позволяло Франции надеяться на активную и успешную политику в Европе»¹⁵⁶, да и в колониях она была чрезвычайно стеснена. Реваншизм, один из идеологических постулатов Третьей Республики, склонял чашу весов в пользу континентальной политики. Африканские вопросы волновали тогда французскую элиту намного меньше, чем в последующие 1880-ые гг. Более того, сам Египет вплоть до начала 1870-х годов не давал державам повода для

---

¹⁵⁵ Freycinet de Ch. La Question d’Egypte. Paris, 1904. P. 1.

¹⁵⁶ Черкасов П.П. Указ. соч. С. 33.

вмешательства в свои внутренние политические дела. Запад начал контролировать египетские финансы при хедиве Исмаиле, который с каждым годом все больше попадал в долговую кабалу. Впрочем, винить исключительно Исмаила было бы также несправедливо: существенный долг он получил еще от своего отца хедива Саида¹⁵⁷.

При Саид-паше (1854 — 1863) Египет был «самой цветущей страной Востока»¹⁵⁸. Но уже в этот период наметился спад в экономике, обостренный ростом государственного долга¹⁵⁹, который в полной мере проявился после смерти хедива в 1863 г. Тогда задолженность Египта составляла более 3 млн. ф. ст.¹⁶⁰ Немалая часть долга появилась из-за больших затрат на строительство канала. Исмаил еще больше усугубил ситуацию своими многочисленными расходами. Если к началу его правления долг Египта составлял 3 млн., то уже в 1876 г. — более 68 млн. ф. ст.¹⁶¹. Плачевное состояние египетских финансов было также связано с тем, что хедив, не имея суверенной власти над Египтом и будучи формально подданным турецкого султана, брал займы у европейских банкирских контор как частное лицо, что увеличивало проценты в несколько раз. Проценты, которые выплачивал Египет, с ростом долга становились непосильными для страны.

Для того чтобы исправить сложившееся положение, Исмаил решил продать принадлежавшую ему часть акций Суэцкого канала. Известно, что сначала при посредничестве *Société Générale*, он пытался обговорить возможность сделки с французами¹⁶². В начале 1875 г. предприниматель Эдуард Дервье, живущий в Каире, предлагал французскому правительству выкупить акции хедива. Лессепс также склонял правительство к покупке, так как боялся, что хедив может продать свои акции недружественным Франции державам. Несмотря на то что на Кэ д'Орсэ с интересом восприняли это

---

¹⁵⁷ Gann L.H., Duignan P. The Rulers of British Africa (1870- 1914). Stanford, 1978. P. 15.

¹⁵⁸ Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С. 19.

¹⁵⁹ Государственный долг Египта начал формироваться уже с 1858 г. в результате займов, предоставленных европейскими банкирскими домами хедиву Саиду.

¹⁶⁰ Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С. 21.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Freycinet de C. La Question d'Egypte...P. 151.

предложение, покупка так и не состоялась. Глава французской дипломатии граф Дюказ объяснил свой отказ тем, что еще за несколько месяцев до этого Франция была на грани войны с Германией (т.н. «военная тревога»¹⁶³). Страна не могла расходовать значительные средства на колониальные сделки.

Для Великобритании же это была прекрасная возможность утвердиться в Суэце, что еще в 1869 г. предлагал сделать лорд Дерби. На свой страх и риск премьер-министр Великобритании и любимец королевы Виктории Б. Дизраэли при помощи Ротшильдов 25 ноября 1875 г. выкупил для Англии 177 тыс. акций хедива за 4 млн. ф. ст.¹⁶⁴. В руках англичан оказались 44 % акций Компании. Без сомнения, это была одна из самых удачных сделок конца XIX в. Дизраэли, лидер консерваторов, был человеком экстравагантным, талантливым и имел большой авторитет в Британии. Французский историк Ж. Эдгар-Боннэ утверждает, что даже У. Гладстон, «великий старец» британской политики, «не имел такого влияния на общественное мнение, и в особенности на молодежь», как Дизраэли¹⁶⁵. Ему не составило труда убедить королеву Викторию в необходимости покупки. 18 ноября 1875 г. он писал: «Это сделка на миллионы фунтов стерлингов, но она дала бы хозяину акций огромное влияние, если не сказать доминирующее влияние в руководстве канала. Это вопрос жизни и смерти, в этот критический момент, для страны и власти Вашего Величества... Дело в равной степени сложное и важное»¹⁶⁶.

Через шесть дней премьер-министр сообщил о том, что сделка совершена. Во Франции и России были чрезвычайно озабочены случившимся. Несмотря на то что Франция оставалась владелицей контрольного пакета акций, Британия отныне стала играть существенную роль в делах Компании. Однако даже мудрый Дизраэли, кажется, несколько переоценил сделку: в действительности, покупка акций не давала англичанам, как и французам,

---

¹⁶³ «Военная тревога» 1875 года – кризис во франко-германских отношениях, сопровождавшийся истерией в европейской прессе, писавшей о готовящейся войне между Берлином и Парижем. Французские дипломаты, не испугавшись угроз со стороны германской дипломатии, сумели привлечь на свою сторону Санкт-Петербург и Лондон. Вскоре кризис был исчерпан.

¹⁶⁴ Roberts L. Egypt as a Factor in European Power Politics, 1875-1878 // Power, Public Opinion, and Diplomacy. Durham, 1959. P. 47.

¹⁶⁵ Edgar-Bonnet G. Ferdinand de Lesseps. Paris, 1959. P. 27.

¹⁶⁶ Цит. по: Edgar-Bonnet G. Op. cit. P. 27.

права управлять каналом, открывать или блокировать его по своему усмотрению — де-факто канал находился на территории Египта, а значит управлять им можно было только в согласии с хедивом. Согласно правилам Компании, ни одна из держав не могла на свой лад регулировать работу канала. В случае же войны, решения принимались руководством Компании совместно с властями Египта¹⁶⁷. Президентом компании до 1894 г. был сам Лессепс, а с 1894 г. по 1913 г. французский монархист Август Луи Алберик. Историки отмечают, что участие в Компании давало англичанам скорее «моральное» преимущество, нежели материальное¹⁶⁸. Кроме того, его можно также рассматривать как определенную демонстрацию своего присутствия в регионе другим заинтересованным державам, к примеру, России и Германии. Несмотря на ожидания, сделка не улучшила существенно положение Египта — долги продолжали расти. В 1875 г. основной, или консолидированный, долг составлял 68 млн. ф.ст., а вексельный — 26 млн. ф. ст. На оплату одних только процентов по долгам уходило 80% доходов Египта.

Хедиву не оставалась ничего другого, как обратиться за помощью к европейским странам, и в первую очередь, к Британии. Он надеялся на прибытие нескольких английских специалистов, которые представили бы ему возможные варианты вывода страны из кризиса и погашения задолженности. Британское правительство организовало целую «миссию» для полномасштабного обследования египетской экономики. Ее возглавил генеральный казначей Стивен Кейв. Историк Ротштейн считает, что со стороны англичан это был достаточно «агрессивный акт», так как тем самым они пытались продемонстрировать стремление утвердить свое экономическое влияние в Египте¹⁶⁹. Вероятно, именно так его восприняли Париже, где решили, что в этот процесс необходимо вмешаться и французам. Вскоре после приезда Кейва, в Каир прибыла французская делегация, целью которой было противостоять попыткам установления доминирующего контроля британцев

---

¹⁶⁷ Edgar-Bonnet G. Op. cit. P. 35.

¹⁶⁸ Ibid. P. 36.

¹⁶⁹ Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С. 24.

над египетской экономикой. Обе страны хотели обеспечить себе наиболее благоприятные экономические условия в Египте.

Миссия Кейва охладила отношение Исмаила к Великобритании — хедив, думавший, что британцы ограничатся лишь советами, ошибался. Британцы собрали информацию, которая давала им возможность вмешиваться во внутренние дела Египта. Разозлившись на Кейва, Исмаил решил обратиться за помощью к французским специалистам. Изначально они предлагали создать «национальный» египетский банк под международным управлением комиссаров из Франции, Англии и Италии. Этот банк должен был консолидировать египетский вексельный долг¹⁷⁰ под обеспечение египетских железных дорог, принимать поступления, оплачивать купоны, а также совершать различные банковские операции с казначейством¹⁷¹. Французы предложили англичанам присоединиться к этой организации. Однако Англия не восприняла эту идею с энтузиазмом. Реакция британцев была связана с тем, что «интересы Англии не были идентичны интересам Франции и Италии», во многом потому, что «консолидированный долг, — по сообщениям в *The Times*, — находился в основном в руках англичан»¹⁷².

В самом деле, британские кредиторы принадлежали по большей части к держателям консолидированного долга, французы же (а также большая часть немцев, австрийцев и итальянцев) были кредиторами по вексельным обязательствам хедива и стремились обеспечить выплату по ним доходами Египта, которые были предназначены на погашение консолидированного долга. Вероятнее всего, французские предложения встретили протест в Лондоне не по политическим, а сугубо по экономическим причинам. В связи с этим британцы решили подготовить альтернативный проект реорганизации финансового положения Египта. С этой целью в Каир готовился выехать

---

¹⁷⁰ Вексель представляет собой особый вид ценных бумаг. Покупка векселя фактически означает покупку долга, который обладателю векселя должен выплатить держатель кредита, в данном случае — лично хедив. Консолидированный долг же представляет собой объединение краткосрочных и долгосрочных займов в один большой долгосрочный займ.

¹⁷¹ Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С. 30.

¹⁷² *The Times*. 03/03/1876.

английский финансист и доверенное лицо британского правительства Риверс Вильсон.

6 марта хедив обратился к лорду Стэнли, главе Форин офис, с повторным предложением о назначении английского «комиссара» в администрацию банка, который предполагалось создать по французскому проекту. Без английского комиссара, который представлял бы всех британских держателей, банк изначально был обречен на провал. Дизраэли объявил во время обсуждения этого вопроса в парламенте, что Англия не будет присоединяться к «получастной» банковской организации и согласится лишь на проект полной финансовой контрольной комиссии¹⁷³. Британцы стремились заполучить полноправное место в будущей организации.

Хедив, напуганный рвением англичан и наученный миссией Кейва, не соглашался на подобные условия. Вскоре в Париже составили новый план. Пункт о банке, который с самого начала вызвал возражение англичан, был опущен. Теперь французская сторона предлагала создание Долговой кассы, или Кассы египетского долга, в которую входили бы представители всех держав-кредиторов. Касса должна была контролировать доходы, предназначенные для погашения государственного долга. При этом весь долг, включая и вексельный, следовало консолидировать и обеспечить определенными источниками государственных доходов страны¹⁷⁴. План не устраивал англичан, так как они все равно не получали контроля над финансами страны. Хедив же в целом был согласен с французскими предложениями. Тогда англичане решили пустить в ход свой главный «козырь» — отчет миссии Кейва о состоянии египетской экономики. Отказ хедива опубликовать результаты работы миссии еще больше подорвал позиции Египта на мировом рынке. В итоге 8 апреля 1876 г. Исмаилу пришлось объявить о банкротстве¹⁷⁵.

---

¹⁷³ Parliamentary Debates. 1876. Vol. 22. Col. 1418.

¹⁷⁴ Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С. 32.

¹⁷⁵ Там же. С. 28.

Несмотря на непрекращающееся давление со стороны Лондона, хедив все-таки решился на принятие французского плана. Согласно его декрету от 2 мая 1876 г. была создана «Касса египетского государственного долга». Она аккумулировала весь долг — и консолидированный и вексельный. Появился объединенный долг с оплатой 7 % годовых от номинального капитала, подлежащий погашению в течение 65 лет. Выплату обеспечивали такие статьи государственного дохода, как земельный налог с четырех богатейших провинций, доходы таможен Каира и Александрии, табачный акциз, а также доходы от земель самого хедива. Эти решения опять же больше удовлетворяли держателей вексельного долга. Англичане снова высказали свое несогласие. При этом декрет вызвал серьезную панику на бирже и среди британских держателей долга, которые выражали недовольство не только политикой хедива, но и действиями своего правительства¹⁷⁶. Три из четырех приглашенных представителей (французский, итальянский и австрийский) уже были назначены в комиссию Кассы. Промедление британского правительства могло серьезно помешать планам английских кредиторов. Под их нажимом, Дизраэли в итоге согласился присоединиться к этому проекту. Однако условия его реализации все же должны были быть пересмотрены.

Наиболее подходящей фигурой для ведения переговоров с французами и хедивом по этому сложному вопросу оказался Дж. Гошен (позднее лорд). Будучи одновременно депутатом в парламенте и совладельцем банкирского дома «Фрюлинг и Гошен», он представлял интересы и власти, и бизнеса. Его банк еще в 1860-х гг. давал заем египетскому правителю. Помимо сугубо финансовых изменений (сокращение консолидированного долга путем исключения из него некоторых займов), были предложены и административные нововведения. Так, кроме представителей Кассы, назначались еще два контролера за доходами и расходами Египта. Формально хедив сохранял за собой право смещения представителей и контролеров, которые, в свою очередь, могли влиять на составление бюджета страны.

---

¹⁷⁶ The Times. 05/06/1876.

Англичанам и французам удалось договориться на условиях, предложенных Гошеном. Оставалось лишь убедить хедива принять окончательный вариант англо-французского плана. Именно этот вопрос вызывал наибольшие опасения у европейцев, так как они боялись, что Исмаил не согласится на столь серьезное ограничение своей власти¹⁷⁷. Однако под давлением Гошена и французского представителя Жубера ему пришлось отступить.

18 ноября 1876 г. был опубликован декрет хедива, содержащий постановления по Кассе¹⁷⁸. Долг был разделен на несколько категорий. В частности, выделялись т.н. долг Даиры (он был обеспечен доходами с земель, принадлежавших семье хедива); займы 1864 г., 1865 г. и 1867 г., на которые не распространялись правила конверсии (выплата по ним производилась, как и прежде, по ставке 10% от номинальной стоимости); объединенный долг, который и был консолидирован. Забегая вперед, отметим, что в 1880 г. по закону о ликвидации, объединенный (или консолидированный) долг был, в свою очередь, разделен на два типа: привилегированный долг и общий долг. Первый был обеспечен доходами от железных дорог, телеграфов, порта Александрии и выплачивался по 5 % ставке. На погашение общего долга (по 4 % ставке) были направлены доходы от таможен и табачные пошлины. Срок для всех долгов устанавливался одинаковый — 65 лет¹⁷⁹.

Декрет хедива от ноября 1876 г. в целом соответствовал интересам британцев. Поэтому вскоре они назначили своего представителя в комиссию Кассы. Им стал Эвелин Бэринг (впоследствии лорд Кромер), который до этого 4 года проработал личным секретарем своего кузена лорда Нортбрука, генерал-губернатора Индии с 1872 по 1876 гг. Уже 2 марта 1877 г. Бэринг прибыл в Каир. Теперь, когда и Англия была представлена, Касса, наконец, могла приступить к работе. Кстати, англичане возлагали на Бэринга большие надежды. Один из его коллег Эдвард Маллет писал: «План заключается в том,

---

¹⁷⁷ The Times. 13/11/1876.

¹⁷⁸ Freycinet de C. La Question d’Egypte...P. 162.

¹⁷⁹ Ibid. P. 189.

чтобы Бэринг фактически исполнял роль министра финансов. Пусть над ним будет какой-нибудь марионеточный министр, но за все будет отвечать он»¹⁸⁰.

Так, Египет оказался в финансовой зависимости от европейских держав, и в первую очередь от Франции и Англии. Скоро в Каир прибыли контролеры: француз барон де Маларэ, ведавший расходами египетской казны, и англичанин М. Ромэйн, следивший за доходами.

В прессе Гошена сравнивали с Геркулесом и с восторгом замечали, что ему удалось достичь всех целей, которые перед ним были поставлены¹⁸¹. Эти комментарии подтверждают мнение о том, что на данном этапе Британия считала достаточным установление совместного англо-французского финансового контроля в рамках Кассы на выгодных для английских держателей условиях.

Сложившееся положение устраивало и англичан, и французов¹⁸². Если в Египте и велась какая-то борьба, то исключительно экономического характера: ни о какой схватке за политическое доминирование речи не шло. Разумеется, экономическое влияние обеспечивало обеим державам прочные позиции в регионе. Как писал министр иностранных дел Франции Ш. де Фрейсине, «речь идет не просто о финансовых интересах, но о нашем влиянии в целом в этой стране»¹⁸³.

Намерение Л. Гамбетты, главы французской дипломатии в тот период, и британского премьер-министра У. Гладстона состояло в коллективном управлении¹⁸⁴. Неслучайно, именно этих двух политиков считали создателями англо-французской либеральной антанты¹⁸⁵ в Египте. Первые годы англо-французского кондоминиума являются наглядным примером того, что в действительности консенсус двух держав в колониях был возможен и

---

¹⁸⁰ The National Archives. Foreign Office (далее — FO). 800/8. P. 96.

¹⁸¹ The Times. 27/11/1876.

¹⁸² Power Th. F. Jules Ferry and the Renaissance of French Imperialism. NY, 1944. P. 131.

¹⁸³ DDF. Série 1. T. 3. Doc. 134.

¹⁸⁴ Charmes G. Politique extérieure et coloniale. Paris, 1885. P. XVI.

¹⁸⁵ Под либеральной антантой в Египте чаще всего понимают совместный англо-французский контроль над финансами Египта, осуществлявшийся благодаря политике Гамбетты и Гладстона. Заведую египетскими финансами, англичане и французы, вместе с тем, не брали на себя ответственности за поддержание порядка внутри самого Египта.

функционировал довольно удачно. Один из французских публицистов писал позже: «Вынужденные мирно, без сражений, решить египетский вопрос, Франция и Англия выработали привычку работать сообща, в интересах обеих держав и способствовать прогрессу человечества в целом»¹⁸⁶.

Англия не видела смысла в ухудшении отношений с Францией из-за Египта. Появление новой германской державы на европейской арене вызывало опасения у англичан. Как отмечает историк Борн, Великобритания не хотела «ссориться с Францией из-за Северной Африки»¹⁸⁷. У. Гладстон, глава британского кабинета в тот период, неизменно декларировал свое желание сохранять добрососедские отношения с Третьей Республикой с целью поддержания баланса сил на континенте. Гамбетта в Париже вторил ему.

Создание Кассы мало изменило бедственное положение страны. Впрочем, на наш взгляд, она и не собиралась улучшать финансовое состояние Египта: целью участников Кассы было обеспечение выплаты долга на выгодных для европейцев условиях, что, в конечном итоге, давало им возможность общего контроля над финансами страны. Кроме того, пока подконтрольный Европе Исмаил руководил страной, безопасности канала ничто не грозило. Тем временем, хедив и его двор продолжали делать бессмысленные траты. К примеру, египетская принцесса потратила 150 тыс. ф.ст. на одежду от французского модельера¹⁸⁸. Социальное напряжение в стране нарастало с каждым днем. В этих условиях европейские дипломаты стали чаще вмешиваться во внутренние дела страны. Под их давлением, Исмаил в августе 1878 г. назначил новое проевропейское правительство. Во главе кабинета встал Нубар-паша, христианин и весьма лояльный по отношению к Западу политик армянского происхождения. Он также возглавлял департамент по иностранным делам и министерство юстиции. В правительство вошли три иностранца — англичанин, француз и итальянец. Р.

---

¹⁸⁶ Charmes G. Op. cit. P. XVI.

¹⁸⁷ Bourne K. Op. cit. P. 136.

¹⁸⁸ Cromer. Op. cit. P. 51.

Вильсон был назначен министром финансов, а француз де Блиньер стал министром общественных работ.

Новому правительству «нужно было не только справиться с трудностями, появившимися в результате долгого периода неэффективного управления страной, но также с теми ожидаемыми проблемами, которые вытекали из сложившейся на тот момент ситуации»¹⁸⁹. Несмотря на то, что хедив согласился на создание министерства Нубар-паши, вскоре отношения между правителем и его первым министром сильно ухудшились. Лорд Кромер писал: «С одной стороны, был запуганный правитель, обязанный распоряжаться жизнями и имуществом своих подданных. Он мог легко перенаправить поток общественного недовольства его собственной персоной против своих министров. С другой стороны, существовал министр — не просто христианин, тесно общавшийся с христианами — европейцами, но принадлежавший к национальности, к которой мусульманское население Османской империи имело сильное предубеждение»¹⁹⁰. Армянские корни Нубар-паши вызывали возмущение многих националистически настроенных мусульман. Во многом именно поэтому поддержку в своей политике он получал в основном от министров — европейцев. Наиболее близкие отношения Нубар-паша поддерживал с английским представителем. Еще в апреле 1877 г. Нубар-паша совершил визит в Лондон, во время которого агитировал английских министров за установление британского протектората над Египтом. Также Нубар-паша предложил англичанам идею не препятствовать французам в захвате Туниса, надеясь после этого на лояльность Франции в Египте¹⁹¹. Неизвестно, насколько внимательно в Лондоне прислушивались к советам египетского политика, но можно предположить, что рациональность его советов частично обосновывала доверие, которым пользовался Нубар-паша у англичан.

---

¹⁸⁹ Cromer. Op. cit. P. 64.

¹⁹⁰ Ibid. P. 72.

¹⁹¹ Hanotaux G. Histoire de la nation égyptienne. Paris, 1934. T. 6. Pp. 350-351.

Изменения в управлении страной и сосредоточение власти в руках кабинета министров, назначенного по указке европейцев, вызвали волну возмущения в Египте. Нубар-паша и английский представитель Вильсон были задержаны египетскими офицерами, и лишь вмешательство хедива помогло освободить их из-под ареста. Кабинет был распущен. На короткое время Исмаил попытался сосредоточить власть в своих руках, чувствуя поддержку националистов, представленных по большей части офицерами. Самостоятельность хедива и роспуск проевропейского кабинета не могли не встревожить державы.

Под их давлением Исмаил 26 июня 1879 г. отрекся от престола в пользу своего сына Тевфика. Сам Исмаил немедленно покинул страну. «В 1879 г. хедив Исмаил поднялся на борт своей яхты со своим гаремом и двумя сыновьями. 30 июня яхта пришвартовалась в Неаполе, где Исмаил доживал остаток своих дней в ссылке на оставшиеся у него египетские сокровища. Сын Исмаила Тевфик унаследовал от отца его неприятности и его же неумение с ними справляться. Под давлением европейцев и неуверенный в своей собственной армии, Тевфик был обязан выбирать меж двух господ. Так как Тевфик не мог принять решение, британцы сделали это за него»¹⁹², — пишет историк Уильям Велш.

Однако Исмаил не исчез полностью с политической арены. Позже турецкий султан призывал Исмаила вернуться обратно. Европейские агенты сообщали, что Исмаил немало интриговал при турецком дворе и, скорее всего, имел тайные связи с султаном¹⁹³. Кроме того, они опасались, что бывший хедив может организовать переворот в Египте, поэтому решено было его контролировать, отслеживать его передвижения и контакты¹⁹⁴. Тевфик, наученный горьким опытом отца, не делал попыток сопротивляться европейцам. Турецкий султан писал ему, что «для того, чтобы заставить людей молчать, в Константинополе есть Босфор, а в Египте – Нил». Но

---

¹⁹² Welch W. Op. cit. P. 4.

¹⁹³ DDF. Série 1. T. 3. Doc. 34.

¹⁹⁴ Ibidem.

радикальные методы султана и его умение жестоко и быстро расправляться со своими соперниками были несвойственны боязливому Тевфику¹⁹⁵.

Французский контролер египетских финансов Блиндьер писал министру иностранных дел Ш. Фрейсине, что сами египетские руководители «прекрасно понимают, что будет очень сложно на самом деле ограничить власть уполномоченных, назначенных пятью державами»¹⁹⁶. В том же послании достаточно хорошо выражена французская точка зрения по вопросу общеевропейского вмешательства в египетские дела: «В Кассе египетского долга у нас уже есть один австриец и один итальянец. В комиссии по ликвидации,¹⁹⁷ кроме того, есть один немец. Это начало нового принципа интернационализации, который может, как мы считаем, привести к губительным последствиям». Причем Блиндьер отмечал, что аналогичной точки зрения придерживался и Э. Бэринг. Французы считали желательным англо-французский кондоминиум над Египтом, вмешательство же других европейских стран их раздражало. Однако и уступать свои позиции в Египте англичанам Франция также не собиралась. Разногласия между странами возникали в этот период по вопросам управления железными дорогами и навигации по Верхнему Нилу¹⁹⁸. При этом Фрейсине делал акцент на том, что, несмотря на все эти мелкие споры, основной задачей французских представителей в Каире было поддержание англо-французского «баланса влияния» и «согласия по египетскому вопросу»¹⁹⁹. Именно на это были направлены все усилия французской дипломатии в Египте в этот период.

Бесконечное вмешательство Запада во внутренние дела Египта, беспомощность хедива и растущая экономическая напряженность привели к тому, что офицерство сумело объединить вокруг себя городских жителей и поднять восстание. Во главе движения стоял полковник Ахмет Араби, или

---

¹⁹⁵ Edgar-Bonnet G. Op.cit. P. 51.

¹⁹⁶ DDF. Série I. T. 3. Doc. 8.

¹⁹⁷ Комиссия, готовившая уже упомянутый нами закон по ликвидации долга в 1880 г.

¹⁹⁸ DDF. Série I. T. 3. Doc. 10.

¹⁹⁹ Ibidem.

Араби-паша²⁰⁰. Восстание, которое в египетской исторической науке принято называть революцией 1882 г.²⁰¹, и вызванные им последствия определили развитие Египта на несколько десятилетий вперед. Власть хедива к тому моменту совершенно потеряла авторитет в глазах военных элит. Важнейшим лозунгом оппозиции был националистический «Египет для египтян», ставший результатом копившегося на протяжении нескольких лет недовольства засильем иностранных банкиров, предпринимателей и дипломатов, контролировавших всю финансовую систему Египта и лоббировавших угодных им политических деятелей. Современник событий У. Блант, который встречался с Араби лично, позже описывал его как образованного и толерантного по отношению ко всем религиям человека²⁰², в то время как в европейской прессе его обвиняли в антихристианских настроениях.

Восстание началось 9 сентября 1881 г. Офицеры и до этого предпринимали попытки противостоять власти хедива и европейских контролеров: еще в начале 1881 г. посланники Англии и Франции в своих сообщениях рассказывали о волнениях среди офицеров и общем недовольстве, которое царило в военных кругах. Именно в египетской армии, реорганизованной еще Мухаммедом Али по европейскому образцу²⁰³, появилась та часть вестернизированной интеллигенции, которая, основываясь на европейских идеалах национальной свободы и суверенитета, требовала независимости от Запада.

На стороне восставших оказалась значительная часть населения. Как отмечают исследователи, восстание Араби «было не только путчем группы недовольных офицеров... это было движение с широкой массовой поддержкой, основанное на народном протесте против подчинения египетского истеблишмента, и хедива в частности, иностранцам и

---

²⁰⁰ См. иллюстрацию 3.

²⁰¹ Mayer T. The Changing Past: Egyptian Historiography of the Urabi Revolt, 1882-1983. Gainesville, 1988.

²⁰² Blunt W. The Secret History of the English Occupation of Egypt: Being a Personal Narrative of Events. NY, 1922. P. 129.

²⁰³ Gann L.H., Duignan P. The Middle East and North Africa. Stanford, 1981. P. 19.

неверным»²⁰⁴. В этой ситуации хедив был вынужден пойти на уступки офицерам, в частности был сформирован кабинет министров, в котором важнейшие посты заняли египетские патриоты, сторонники полковника Араби. Европейский контроль был практически полностью ликвидирован к началу 1882 г.

Запад, как писал англичанин А. Милнер, видел в «движении Араби великую разрушительную силу»²⁰⁵. Франция, как и Великобритания, была обеспокоена происходившими в Египте событиями. Европу волновала возможность блокады Суэцкого канала, что стало бы серьезным ударом не только по экономическим интересам западных держав, для которых с момента своего открытия Суэц являлся одним из важнейших торговых путей. Теперь, когда возникла угроза националистического подъема и потери канала, на первое место вышли вопросы стратегического характера – установление режима Араби было бы сильным ударом по позициям держав в Северной Африке и постоянной опасностью для их заморских владений. Как писал французский публицист, «Египет — это Суэц, Суэц — это Индия, а Индия — это Англия»²⁰⁶. Для Франции появление враждебного Западу националистического режима на границах с ее североафриканскими колониями было не меньшей угрозой. Сохранение собственных позиций в Алжире и недавно завоеванном Тунисе было для Третьей Республики одной из важнейших забот на тот момент²⁰⁷.

И Англия, и Франция преследовали в Египте одну и ту же цель — не допустить к власти антагонистичный Западу режим. Французская дипломатия делала ощутимые шаги с целью скрепить англо-французское согласие по египетскому вопросу. Так, в начале 1882 г. в лондонской *Times* отмечалось, что большой вклад в развитие англо-французского сотрудничества в Египте внес глава французского правительства и Кэ д'Орсэ Леон Гамбетта, который

---

²⁰⁴ Sanderson G.N. England, Europe and the Upper Nile. Edinburgh, 1965. P. 14.

²⁰⁵ Milner A. England in Egypt. London, 1926. P. 15.

²⁰⁶ Bonin H. Op. cit. P. 85.

²⁰⁷ Подробнее см.: Айвазян А.А. Египетский вопрос во французской внешней политике в 1880-е годы // Новая и новейшая история. 2011. № 5. С. 83-100.

считал совместное выступление двух держав «не только необходимым, но и выгодным» и призывал к немедленным действиям по усмирению восставших²⁰⁸. В британской прессе о Франции и Англии говорили как о державах, «защищающих Египет» и, соответственно, занимающих особое положение в этой стране. Кроме всего прочего, *Times* утверждала, что британское правительство готово применить силу к восставшим исключительно вместе с Францией²⁰⁹.

Относительно стремления англичан переходить к решительным шагам в Египте, в частности, участвовать в его оккупации, до сих пор идут споры. Правительство У. Гладстона не спешило с активными действиями, что было вызвано серьезными разногласиями в среде британской правящей элиты. Лорд Гренвилль, глава Форин Офис, писал лорду Лиону, английскому послу в Париже, в январе 1882 г.: «Правительство Ее Величества имеет серьезные возражения относительно того, чтобы оккупировать Египет. Эта оккупация вызовет протест как в самом Египте, так и в Турции; она возбудит подозрение и зависть других европейских держав, которые, как считает правительство Ее Величества, со своей стороны, предпримут контр-демонстрации ... С другой стороны, единоличная акция накладывает обязательство управлять в условиях очень неблагоприятных для восточной страны»²¹⁰.

Односторонние решения грозили европейской державе, будь то Англия или Франция, большими проблемами, как в отношениях с другими заинтересованными странами, так и с экономической точки зрения: военная интервенция требовала серьезного бюджета, не говоря уже о том, что было совершенно не ясно, на какой период времени вводились войска.

Французская дипломатия также колебалась. Нерешительность англичан некоторые французские политики воспринимали скорее как хитрый ход с целью замаскировать подготовку к единоличной оккупации. В одном из своих посланий, адресованных французскому послу в Лондоне, Гамбетта выражал

---

²⁰⁸ The Times. 04/01/1882.

²⁰⁹ Ibidem.

²¹⁰ DDF. Série 1. T. 4. Doc. 242.

обеспокоенность по поводу сдержанности англичан в вопросах ведения общей политики в Египте²¹¹. Посол Франции в Лондоне Шарль Тиссо писал министру иностранных дел, что «Англия намерена действовать одна, в случае если взрыв анархии поставит под угрозу ее интересы»²¹². Подобные сообщения приходили в Париж на протяжении всей весны и лета. Так, тот же Ш. Тиссо отмечал в одной из своих депеш мая 1882 г.: «Англия намерена действовать без нас. Она пришла к консенсусу с Германией и другими державами и сделается мандатарием Европы»²¹³. Источник сведений дипломата, к сожалению, неизвестен, однако, вероятно, кто-то пытался ввести французов в заблуждение. О том, что рассуждения, представленные в сообщениях Тиссо, не соответствовали действительности, свидетельствует отрывок из письма премьер-министра Великобритании У. Гладстона, адресованного лорду Гренвиллю: «Чем больше я думаю, тем больше чувствую, что мы не подготовлены к принятию каких-либо мер относительно Египта, как в сотрудничестве с французами, так и без них»²¹⁴. На наш взгляд, Англия не планировала одиночной атаки на войска Араби. Гладстон, противник активного колониального стиля в политике, до последнего сомневался в необходимости военной интервенции.

Вместе с тем, французская дипломатия понимала, что если возникнет угроза блокады Суэца, у англичан не будет иного выхода, как вмешаться. И очевидно, во Франции были готовы к подобному сценарию. Не стоит забывать, однако, что именно первые лица Кэ д'Орсэ, Л. Гамбетта, а затем и Ш. Фрейсине призывали Англию к интервенции, хотя и знали о царивших в Палате депутатов настроениях по поводу Египта. Военному участию Франции в Египте противостояли представители самых разных политических сил — от радикалов до монархистов²¹⁵. В частности, больше всех выступал правый депутат Жюль Делаффос. Ничего удивительного в позиции депутатов,

---

²¹¹ Archives Diplomatiques Françaises (далее - ADF). Correspondances politiques, Angleterre, 1882, N. 794. P. 26.

²¹² ADF. Angleterre, 1882, N. 794. P. 31.

²¹³ Ibid, N. 795. P. 229.

²¹⁴ DDF. Série I. T. 4. Doc. 250.

²¹⁵ Нерсесов Г.А. Указ. соч. С. 110.

желающих помешать французскому вмешательству, не было. Все те же люди годом ранее пытались предотвратить французскую оккупацию Туниса, однако тогда у них ничего не получилось — Палата депутатов проголосовала за выплату 6 млн. франков на проведение операции²¹⁶.

Коренное различие этих двух кампаний заключалось в том, что первая была преподнесена как поход с целью защитить границы Алжира, важнейшей французской колонии в Африке, от нападений со стороны воинственного тунисского племени, а значит его исход напрямую влиял на французские интересы в колониях. Разумеется, это был всего лишь предлог, однако депутаты, помня о том, что за ними внимательно следит французская общественность, не могли проголосовать против обеспечения безопасности Алжира²¹⁷. Что же касается Египта, то даже приход к власти Араби-паши не нес прямой угрозы для французских земель. Кроме того, на тунисскую операцию уже были затрачены значительные средства. Французское правительство не могло себе позволить проводить такие дорогостоящие операции каждый год. Решение парламента отклонить требования министерства иностранных дел о выделении 9,5 миллионов франков было логичным, несмотря на то, что Фрейсине старательно подчеркивал его неожиданность²¹⁸.

Сложно предположить, что Фрейсине не рассматривал вариант отказа со стороны Палаты депутатов. Любопытно, что при этом он не переставал склонять Англию к активным действиям, понимая, что, возможно, Франция не будет участвовать в интервенции. Вероятнее всего, французский министр избрал подобную тактику исходя из интересов Франции в Северной Африке.

В период волнений в Египте в 1881 — 1882 гг. на международной арене активно выступали не только Великобритания и Франция, но и Турция, которая формально являлась сюзереном Египта. С юридической точки зрения, османы имели все права на то, чтобы ввести войска в Египет, не советуясь ни

---

²¹⁶ Annales de la Chambre. Session ordinaire de 1881. T.1 (du 11 Janvier au 12 Avril). P. 812.

²¹⁷ Ibid. P. 809.

²¹⁸ Ibid. Session ordinaire de 1882. T.2. P. 1062.

с кем. Но де-факто Турция была ослаблена после войны 1877-78 гг. с Россией и не могла себе позволить широкомасштабную конфронтацию с Францией и, возможно, Британией. Впрочем, это не отменяло ее желание вступить в дипломатическую игру, которая велась на тот момент. Одной из причин, по которой в Константинополе вновь с интересом смотрели на Нил, было возрождение панисламизма.

Еще со времен Мухаммеда Али в первой половине XIX в. Турция не ставила перед собой цели действительно вернуть контроль над страной. Но в 1880-ые гг. в турецкой дипломатии, а также в турецком общественном мнении наметился существенный поворот. Он был связан, в первую очередь, с планами султана Абдул-Хамида II относительно Северной Африки. Султан, желавший построить настоящую мусульманскую империю под эгидой Турции, хотел усилить свое влияние в Магрибе. Сделать это проще всего можно было, прибегнув к распространению панисламистских идей.

Само движение не было создано султаном, более того, долгое время оно работало против него²¹⁹. Изначально панисламисты были «враждебны по отношению к турецкому владычеству»²²⁰. Но Абдул-Хамид, будучи умным политиком, решил, что если халифат в Константинополе²²¹ нельзя до конца обезопасить от нападков панинсалимстов, то разумнее всего будет возглавить это движение. Чтобы заставить забыть панисламистов, как сильно они не любят турецкий султанат, Абдул-Хамид нашел нового неприятеля — Запад, рвущийся установить свою власть на мусульманских землях.

---

²¹⁹ Фадеева И.Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи: османизм – панисламизм. М., 1985. С. 135.

²²⁰ Leroux E. La Question Egyptienne. Paris, 1881. P. 4.

²²¹ История халифата уходит своими корнями в VII в., когда после смерти пророка Мохаммеда, исламский мир возглавляли по очереди 4 т.н. «праведных халифа». В то время халифат был понятием территориальным: так обозначали созданное в результате мусульманских завоеваний огромное государство, включавшее Аравийский п-ов, Египет, Магриб, Сирию, Палестину, Иран, Ирак, Среднюю Азию и большую часть Закавказья. Просуществовав несколько веков, государство стало постепенно распадаться, однако халиф сохранил за собой верховную духовную власть над исламским миром. Долгое время халифы находились в Египте, при египетских правителях-мамлюках. Однако султан Селим в XVI в. заставил последнего халифа отречься в его пользу, после чего халифами стали считаться турецкие султаны. Проблема легитимности османского халифата стала объектом бурных дискуссий в среде таких авторитетных русских и советских исследователей, как В.В. Бартольд, В.Д. Смирнов, В.А. Гордлевский, А.С. Тверитинова.

В Магрибе панисламистские идеи пришлись бы как нельзя кстати: местное население было настроено, в основном, враждебно по отношению к европейцам, которые где-то, как в Египте, контролировали финансы, а где-то, как в Тунисе, и вовсе ввели свои войска. Религиозный фактор, по расчетам Абдул-Хамида, мог сработать весьма эффективно. Султан не скрывал своих экспансионистских планов в отношении Магриба: в разговоре с французским представителем в Египте де Раном, султан даже заметил, что «Африка должна стать для него компенсацией потери самых лучших европейских провинций»²²².

Франция и Англия были встревожены твердостью намерений султана: в случае их осуществления они теряли как экономический, так и стратегический контроль над Суэцем. В особенности, перспектива обнаружить над Каиром турецкий флаг пугала французов. Посол Франции в Лондоне Поль Шалемель-Лекур настаивал на том, что «державы были бы недовольны и встревожены, если бы задача восстановления порядка в Египте была возложена на Турцию»²²³.

У французов было немало причин для беспокойства. В 1881 г. Третья Республика оккупировала Тунис, с правовой точки зрения являвшийся, как и Египет, частью Османской империи²²⁴. Оккупация Туниса произошла фактически с молчаливого согласия Лондона. В частности, министр иностранных дел лорд Гренвилль ясно дал понять, что не станет препятствовать французам в Тунисе²²⁵. Советский историк А.З. Манфред считает, что «английское правительство было готово показать себя снисходительным и терпеливым в вопросе Туниса, так как через день после завершения тунисской операции, оно рассчитывало разыграть начатую ранее

---

²²² ADF. Angleterre, 1882, N. 794. P. 38.

²²³ Ibidem.

²²⁴ По Бардосскому договору, заключенному 12 мая 1881 г. и подписанному тунисским беим и французским генералом Бреаром, Тунис терял т.н. «внешний суверенитет» — право самостоятельно осуществлять сношения с другими государствами и подписывать с ними договоры. В 1883 г. была подписана Ла-Марсская конвенция, в которой впервые официально было употреблено слово «протекторат», что фактически ставило страну в полную зависимость от Франции.

²²⁵ DDF. Série 1. T. 3. Doc. 150.

большую игру в Египте и считало неразумным раньше времени восстанавливать Францию против себя»²²⁶.

На наш взгляд, английская операция все же была неожиданной и незапланированной, что, впрочем, полностью не противоречит тому, что пишет Манфред. Вероятно, Лондон закрывал глаза на французскую экспансию в Тунисе, надеясь получить ответную услугу в нужный момент, и он настал в 1882 г. в Египте.

Операция в Тунисе и установление там протектората вывели Францию вновь на мировую арену в качестве активного игрока. Но при этом отношения с Турцией были серьезно испорчены. В этой ситуации султан решил использовать в своих интересах сам факт французской оккупации — вторжение европейцев должно было показать арабскому миру, насколько коварен Запад, и что объединиться против него можно под османскими знаменами. Источник, близкий к Абдул-Хамиду, писал, что «события в Тунисе произвели весьма благополучный результат, так как теперь симпатии арабского народа принадлежат полностью Его Величеству»²²⁷.

В Египте султан уже давно не представлял серьезной силы: там еще со времен Мухаммеда Али не оглядывались на Константинополь. Поэтому распространение панисламистских идей в Египте было чрезвычайно важно для Турции. Французский публицист Эрнест Леру писал, что султан хотел чего-то большего, чем «увеличение престижа»: для него «это было практически новым завоеванием»²²⁸. Историк И.Л. Фадеева считает, что «султан прилагал немалые усилия, чтобы вернуть Египет и Тунис, мусульманские страны, под власть Стамбула»²²⁹. На наш взгляд, в конце 1870-х годов Египет стал настолько уязвим, что не только Англия и Франция могли установить там свое финансовое доминирование, но и Турция вполне могла преуспеть в распространении исламистских идей, тем более, что

---

²²⁶ Манфред А.З. Внешняя политика Франции, 1871 – 1891. М., 1952. С. 279.

²²⁷ Leroux E. Op. cit. P. 7.

²²⁸ Ibidem.

²²⁹ Фадеева И.Л. Указ. соч. С. 144.

офицерство придерживалось националистических идей, к которым, естественным образом, подходили и ярко выраженные религиозные представления.

Французский посол из Константинополя писал, что султан якобы вынашивает планы раздела Египта на три вилайета: Нижний Египет был бы отдан Шериф-паше, Средний Египет оставлен хедиву Тевфику, а Верхним Египтом управлял бы ставленник Порты²³⁰. Сложно сказать, насколько заявления французского посла соответствовали действительности. Без сомнения, попытка раскроить Египет по такому плану вызвала бы широкое национальное движение в самой стране, и султан, скорее всего, понимал это. Более того, есть вероятность, что такого плана не существовало: слухи о нем просто были инструментом для нагнетания обстановки.

Точно известно одно — в 1882 г. Каир была направлена миссия турецкого дипломата Дервиш-паши. Официальной целью миссии было выяснить можно ли восстановить в стране порядок мирным законным путем. Но в действительности у дипломата были тайные инструкции – позже о них писал в своей книге египетский публицист и юрист Сайед Камел. По его словам, «за декларируемой идеей усилить власть хедива на самом деле стояло желание установить связь Порты с революционной партией»²³¹. Российский историк И.Л. Фадеева подтверждает, что Дервиш-паша должен был встретиться с Араби, лидером восставших, и вручить ему «орден Меджидие первой степени»²³² в знак дружбы Константинополя²³³. Султан пытался вести двойную игру — с одной стороны, он не хотел упустить возможности вместе с европейцами участвовать в разрешении кризиса, с другой — на случай, если мятежники возьмут власть в стране, заранее подаренный орден был бы весьма кстати. Кроме того, Араби-паша заявлял о том, что упразднит должность хедива. В таком случае, единственным законным главой страны оказывался

²³⁰ ADF. Turquie, 1882, N. 451. Pp. 54-55.

²³¹ Kamel S. La Conférence de Constantinople et la Question Egyptienne en 1882. Paris, 1913. P. 99.

²³² Орден Меджидие был учрежден в 1852 году султаном Абдул – Меджидом I. Его часто вручали иностранным дипломатам, главам государств и военным. Орденом Меджидие в 1890 году был награжден художник Иван Айвазовский.

²³³ Фадеева И.Л. Указ. соч. С. 146.

турецкий султан. Абдул-Хамид и сам был непрочь аннулировать все султанские фирманы, которые давали право наследникам Мохаммеда Али руководить страной²³⁴. Египетский публицист С. Камел так характеризовал султанскую политику в тот период: «получить максимум выгоды от борьбы двух сторон — хедива и военной партии, для того чтобы повысить свой авторитет в Египте и усилить престиж халифата в мусульманском мире»²³⁵. Удивительно, что сам египетский хедив, которого хотел сместить султан, ни о чем не догадывался. Как писал французский публицист Э. Леру, Тевфик по своим внутренним каналам настаивал на том, чтобы турецкие войска совершили интервенцию в Египет с целью «противостояния иностранному влиянию»²³⁶. Еще раньше это сообщала британская газета *Times*²³⁷.

Несмотря на все попытки султана установить свое влияние в стране, миссия Дервиш-паши провалилась: вероятно, посланнику султана и Араби не удалось найти общий язык. По крайней мере, именно так представлял ситуацию в своих посланиях французский посол в Константинополе маркиз де Ноай²³⁸.

Англичане, так же как и французы, были против распространения панисламистских настроений, исходящих от султана. Влиятельная британская газета *Standard* писала, что самая важная цель, которая стоит перед Англией и Францией, — это «помешать панисламистской политике султана»²³⁹.

О том, что Франция старалась всеми силами не допустить турецкого вмешательства в египетские проблемы, знала и российская сторона. Фрейсине признался графу Орлову, что «ни один из кабинетов не рассматривал серьезно турецкую оккупацию Египта» - французские политики не готовы были отдать Египет Турции²⁴⁰. Позже Фрейсине еще несколько раз возвращался к этой теме, настаивая на том, что «турецкая интервенция в Египет представляла бы

---

²³⁴ ADF. Turquie, 1882, N. 451. P. 230.

²³⁵ Kamel S. Op.cit. P. 89.

²³⁶ Leroux E. Op. cit. P. 3.

²³⁷ The Times. 12/09/1881.

²³⁸ ADF. Turquie, 1882, N. 451. P. 233.

²³⁹ Ibid. N. 794. P. 41.

²⁴⁰ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 72. Л. 111.

большую угрозу для французских интересов в Африке»²⁴¹. Французский министр говорил о «возрождении мусульманского фанатизма» и утверждал, что «в таком случае египетский вопрос был бы уже вторичным»²⁴². Последнее, по всей видимости, означает, что в случае панисламистского подъема в Магрибе, Францию волновало бы не столько урегулирование конкретного египетского вопроса, сколько усмирение мусульманских народов французской Африки. Не случайно, во время обсуждений египетского вопроса в Палате депутатов некоторые представители правой оппозиции говорили о том, что Франция не может себе позволить «быть противником Турции» «по причине ситуации в Африке», и именно поэтому должна отказаться от участия в египетском урегулировании²⁴³. Насколько сама Турция готова была с военной точки зрения вмешаться в египетские дела, сложно сказать по европейским источникам, однако одно можно утверждать точно — турецкая угроза была в сознании французских политиков и дипломатов совершенно реальной и определяла их отношение в том числе и к британскому вмешательству, которое казалось в свете сложившихся обстоятельств даже желательными.

В связи с тем, что державы так и не пришли к единому мнению относительно того, как выйти из создавшегося кризиса, французская сторона предложила созвать конференцию, на которой, наконец, можно было бы выработать общий план²⁴⁴. Несмотря на то что конференция должна была открыться в Константинополе, Турция сразу же заявила, что не собирается принимать в ней участия. Разумеется, больше всего султан не хотел совместной европейской интервенции в свои владения, а его нежелание участвовать в конференции было лишь уловкой, чтобы затянуть переговоры. Абдул-Хамид заявлял, что «Египет был не только составной частью империи, но ее сердцем и частью наиболее важной в глазах мусульман»²⁴⁵.

---

²⁴¹ Там же. Л. 120.

²⁴² АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 72. Л. 120.

²⁴³ *Annales de la Chambre. Session ordinaire de 1882. T. 1. P. 203.*

²⁴⁴ Нерсесов Г.А. Указ. соч. С. 109.

²⁴⁵ ADF. Turquie, 1882. N. 451. Pp. 265-266.

По мнению султана, Франция и Англия созывали конференцию, чтобы самим решить судьбу Египта, и если им это удастся, то «это станет плохим примером для других провинций» и свидетельством того, что «Европа берет в свои руки решение вопроса, касающегося внутреннего управления одной из частей Империи»²⁴⁶.

Султан считал, что отсутствие его представителей на конференции сделает ее работу нелегитимной. Он проигнорировал начало работы конференции, но это никак не повлияло на планы англичан и французов. Именно они фактически исполняли роль первой скрипки на конференции. Они же выдвинули в качестве программного документа свою коллективную ноту, составленную 11 февраля 1882 г. Нота, правда, не содержала реальных предложений по решению проблемы: она фактически еще раз утверждала англо-французский кондоминиум в Египте.

23 июня представители держав собрались в здании итальянского посольства в Константинополе. Там присутствовали представители всех стран, участвовавших в Кассе египетского долга (Франции, Англии, Италии, Австро-Венгрии), и других заинтересованных держав, в том числе Германии и России. Султан неоднократно заявлял, что не одобряет конференцию, но в середине июля, поняв, что решение примут без него, тоже присоединился к работе.

Вариантов урегулирования проблемы было несколько. В частности, британское руководство рассматривало, судя по письмам французского посла из Лондона, четыре версии развития событий, и все силовые²⁴⁷. В первую очередь, англичане предполагали возможность интервенции совместно с Францией и Италией. Этот вариант нравился лорду Гренвиллю, по мнению французских дипломатов, больше всего: очевидно, потому что он не выглядел как продолжение англо-французского кондоминиума, который вызывал много нареканий со стороны России и Германии. Кроме того, Гренвиль, вероятно,

---

²⁴⁶ ADF. Turquie, 1882. N. 451. P. 266.

²⁴⁷ ADF. Angleterre, 1882. N. 796. P. 8.

рассчитывал на то, что Италия будет своеобразным противовесом Франции, учитывая напряженность в отношениях двух романских держав. Впрочем, и франко-британское вторжение, как и «чисто английское», рассматривались в равной степени. Был и вариант «европейской» интервенции: правда, французский посол не уточнял, участие каких стран он предполагал.

Стремление лорда Гренвилля привлечь Италию к египетским делам беспокоило французов. Леон Гамбетта, премьер-министр Франции в 1881 — 1882 гг., понимал, что Форин Офис стремится заручиться участием итальянцев и других европейцев только ради того, чтобы «избежать видимости особого положения Англии и Франции в Египте»²⁴⁸. Между тем, французы считали, что сама Италия «умирает от желания осуществить военное вторжение в Египет»²⁴⁹.

Италия, на первый взгляд, действительно должна была быть заинтересована в египетских делах: она не оставляла попыток распространить свое влияние на Эфиопию, кроме того, она только что потеряла надежду на завоевание Туниса, оккупированного в 1881 г. французами. Все это должно было заставить ее включиться в борьбу за пока еще не занятый Египет. Более того, после вторжения французов в Тунис и присоединения Италии к Тройственному союзу, у Рима появился сильный и влиятельный союзник — Германия. На деле же, итальянское присутствие в делах египетского урегулирования практически не прослеживается. Италия была представлена в Кассе египетского долга, но играла роль не более значительную, чем, к примеру, Австрия. Она присутствовала и на Константинопольской конференции (более того, ее проводили в здании итальянского посольства), но фактически возможное участие Италии в интервенции было лишь методом давления на французов²⁵⁰. Пассивность итальянской дипломатии можно объяснить тем, что она, вероятно, не надеялась получить никаких выгод в

---

²⁴⁸ ADF. Angleterre, 1882. N. 794. P. 91.

²⁴⁹ Ibid. N. 796. P. 103.

²⁵⁰ Ibid. N. 795. P. 391.

Египте, где первые роли играли англичане и французы. Рим предпочел сконцентрировать свои силы в Эфиопии, Сомали, а чуть позже и в Ливии.

Непростая ситуация складывалась и с Турцией. Она действительно нужна была странам-участницам конференции для того, чтоб решение, принятое ими, имело законную силу. Со своей стороны, султан продолжал настаивать на том, что англо-французская интервенция неприемлема²⁵¹. Единственный выход был предложить Порте интервенцию, но обставить все так, чтобы в конечном итоге предложение было отвергнуто, что и было сделано. Если бы султан сам отказался посылать войска в Египет, тогда ничего не оставалось, как снарядить европейскую интервенцию, чего англичане вместе с французами и добивались. Так, по одному из условий, поставленных перед султаном, османские войска, направленные в Египет, должны находиться под командованием хедива²⁵². Если же турецких сил будет недостаточно и державы решат вмешаться, то турецкие войска должны будут подчиняться приказам англо-французского командования. Более того, сам султан должен был публично обещать, что войска будут выведены после того, как ситуация нормализуется. Изначально им давался срок в месяц²⁵³. Задержаться в Египте они могли только в том случае, если бы об этом попросил сам хедив. Но и на такую «вольность» султану нужно было согласие «европейского концерта». Разумеется, столь жесткие условия были унижительны для Абдул-Хамида: всем было очевидно, что он никогда не согласится действовать под полным контролем западных держав. Это существенно «снизило бы его престиж и власть султана - халифа, которую он хотел распространить на арабский мир»²⁵⁴.

В то же время, слухи о том, что султан, вопреки всему, собирается отправить отряды в Египет, не переставали циркулировать. Французский дипломат из Перы писал, что эту информацию распространяет сам Абдул-Хамид для того, чтобы «показать Европе и другим мусульманским народам,

---

²⁵¹ ADF. Turquie, 1882, N. 451. P. 165.

²⁵² ADF. Angleterre, 1882, N. 795. P. 333.

²⁵³ Ibid P. 273.

²⁵⁴ ADF. Turquie, 1882, N. 451. P. 411.

что он был готов сделать это»²⁵⁵. Впрочем, в то время ходили и другие слухи: о том, что султан, якобы, не собирается отправлять в Египет свои войска и ждет, пока Араби-паша не упразднит должность хедива²⁵⁶, что позволит султану «покончить с египетской автономией»²⁵⁷. На наш взгляд, султан вряд ли бы стал отправлять свои военные силы в Египет, тем более, что, как мы уже отмечали, турецкая армия еще не успела восстановиться после войны 1877—1878 гг. с Россией. Кроме того, сомнение вызывает необходимость отправки отрядов для распространения исламистских идей: вероятно, проще было бы послать в Египет агентов, которые установили бы отношения с местными радикальными религиозными кругами. Сложно точно сказать, насколько такая практика была распространена в Египте в конце XIX в., но доподлинно известно, что агентурные сети разрослись по всей Северной Африке сразу после Первой мировой войны²⁵⁸. Вместе с тем, султан понимал, какой страх наводит на французов мысль о панисламистском Магрибе и продолжал разыгрывать религиозную карту, чтобы не терять влияние в регионе.

Дипломатические переговоры не принесли ощутимых результатов. Договориться сторонам так и не удалось: англичане и французы не смогли выработать приемлемую для всех тактику в египетском вопросе, Турция осталась ни с чем и была встревожена готовящейся европейской атакой, Германия и Россия, выжидая, держались в стороне от происходящего.

Пока дипломаты спорили в Константинополе, в самом Египте ситуация только ухудшалась. Хедив был фактически отстранен от власти, и ему пришлось бежать из столицы в Александрию. Именно там начались первые серьезные столкновения националистически настроенных египтян с европейцами. Несколько сот человек были убиты, в их числе было немало французов и англичан. Генеральный консул Франции в Египте Сиенкевич в

---

²⁵⁵ Ibid. P. 84.

²⁵⁶ Номинально хедив был ставленником Порты и назначался султаном, но султан так и ни разу не воспользовался своим правом сместить хедива и назначить нового. Со времен Мухаммеда Али хедив превратился в наследственного монарха, власть которого передавалась по мужской линии — от отца к сыну.

²⁵⁷ Фадеева И.Л. Указ. соч. С. 146.

²⁵⁸ Thomas M. Empires of Intelligence: Security Services and Colonial Disorder after 1914. California, 2007.

своем послании Фрейсине отмечал, что, на его взгляд, «только сила может положить конец египетской проблеме»²⁵⁹.

В Европе заговорили о том, что англичанам и французам ничего не остается кроме, как направить к берегам Александрии войска. Когда об этом стало известно султану, взволнованный, он предложил Франции сделку: в случае, если Франция послала бы суда в Александрию, они должны были не останавливаться в пункте назначения, а следовать дальше «своей дорогой». Только в таком случае «дружба Франции и Турции была бы вечной, и вопрос Туниса был бы немедленно решен». На предложение султана французский посол, по его словам, ответил, что «тунисского вопроса не существует»²⁶⁰. Турция предлагала Третьей Республике то, что ей фактически больше не принадлежало.

Внутри самой Франции не было единства по поводу интервенции в Египет. Кэ д' Орсэ не мог осуществить такую важную международную операцию по своему единоличному решению: требовалось согласие Палаты депутатов на вторжение и кредитование операции из государственного бюджета. Фрейсине, по всей видимости, не мог взять на себя такую ответственность, как когда-то Дизраэли, выкупивший значительную долю акций Суэцкого канала на деньги Ротшильдов. 29 июля 1882 г. нижняя палата французского парламента проголосовала против ассигнования на военное вторжение в Египет (417 голосами против 75).

Большинство депутатов посчитало, что, направив значительные силы в Египет и потратив на операцию много денег, Франция «сыграла бы на руку Бисмарку»²⁶¹. Решение англичан пойти на интервенцию некоторые французские политики пытались представить как происки Германии. Так, все тот же французский посол Ш. Тиссо, который до этого утверждал, что Англия готовила единоличное вторжение, сговорившись с Германией, писал про Бисмарка: «Толкая кабинет Лондона на тот путь, по которому мы не сможем

---

²⁵⁹ DDF. Série 1.T. 4. Doc. 407.

²⁶⁰ Ibid. P. 117.

²⁶¹ Histoire de la diplomatie française: De 1815 à nos jours. Paris, 2005. P. 162.

следовать, он находит способ отдалить его от нас. Нынешняя благожелательность к нам не мешает ему воспользоваться нашей полной изоляцией»²⁶². Впрочем, нужно отметить, что общественное мнение было на тот момент не слишком озабочено Египтом: в условиях «хронического страха перед Германией и Бисмарком»²⁶³, колониальная политика рассматривалась как вопрос второстепенной важности.

Фрейсине, вероятно, представлял себе дальнейшее развитие событий: англичане, вынужденные взять на себя интервенцию, пошлют в Египет войска и установят там свой контроль. На совместную с Италией интервенцию англичане вряд ли бы пошли — Италия нужна была скорее как противовес Франции, а без участия последней итальянцы получили бы большой процент влияния в Египте, что было нежелательно для англичан. Каким будет новый режим в Египте, Фрейсине, разумеется, не знал. Скорее всего, сами англичане — тоже. Но было очевидно одно — так удастся избежать турецкого вмешательства и панисламистского взрыва в Магрибе. Французский посол писал из Лондона: «Франция обладает мусульманской империей в Африке и находится не в лучших отношениях с магометанским населением, зависящим от нее»²⁶⁴.

11 июля 1882 г. британские войска под руководством адмирала Сеймура бомбардировали Александрию после того, как войска Араби-паши построили фортификационные сооружения со стороны берега. За бомбардировкой последовала десантная операция: Александрия оказалась почти полностью в руках британцев. 2 августа был оккупирован район Суэцкого канала, 13 сентября в решающей битве при Тель-эль-Кебире армия Араби-паши потерпела окончательное поражение. 15 сентября англичане взяли Каир.

За 1882 г. британские войска установили полный контроль над страной. Вслед за армией в Египет прибыла английская администрация, на которую было возложено бремя восстановления страны. Несмотря на заметный успех

---

²⁶² ADF. Angleterre, 1882, N. 795. P. 389.

²⁶³ Renouvin P. Histoire des relations internationales. Vol. 3. Paris, 1994. P. 21.

²⁶⁴ ADF. Angleterre, 1882, N. 796. P. 28.

британских войск, в самом Лондоне выражались очень разные мнения по поводу оккупации и необходимости ее продления — готового решения, что делать дальше в сложившейся ситуации ни у Гладстона, ни у других британских политиков не было.

Франция при этом сохраняла важные позиции в Египте. Французские держатели все еще имели доминирующее положение в Кассе египетского долга, которая существовала независимо от фактической смены власти в стране. Кроме того, в Париже также понимали, что британская администрация в одиночку не справится с тем, чтобы остановить коллапс египетской экономики. Восстановление городов, решение социальных проблем, усмирение недовольных — все это требовало от англичан больших усилий. В поисках финансирования они были вынуждены прибегнуть к помощи Кассы египетского долга, то есть, во многом, к помощи французов. Как пишет французский историк египетского происхождения С. Саул в исследовании, посвященном экономическим интересам Третьей Республики в Египте, «вплоть до 1914 г., и даже вплоть до 1956 г., французские материальные интересы в Египте были более значительными, чем интересы оккупировавшей его страны» — Великобритании²⁶⁵.

Нежелание французов самим вмешиваться в военную операцию и одновременно стремление обезопасить Египет от султана и Суэцкий канал от контроля непредсказуемых националистов наводило многих на мысль, что на Кэ д'Орсэ были рады сложившемуся положению. Об этом писал из Парижа русский посол граф Орлов. По его мнению, французы «были довольны, что не оказались замешены в решении египетского вопроса с экономической точки зрения»²⁶⁶. Русские дипломаты Н.А. Орлов и П.А. Капнист в своих посланиях подчеркивали, что в целом французское общество встретило новость о британской оккупации одобрительно, и что «подобные настроения на тот момент были сильнее, нежели традиционное соперничество двух западных

---

²⁶⁵ Saul S. Op. cit. P. XV (Introduction).

²⁶⁶ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 72. Л. 328.

держав в стране фараонов»²⁶⁷. Они добавляли, что для Франции «египетский вопрос, в данном случае, был вторичным», по сравнению с необходимостью поддержания безопасности имеющейся колониальной империи²⁶⁸. Через пять лет после оккупации русский посол в Париже Стааль писал, что парижские финансисты не имели ничего против оккупации Египта британцами и чувствовали свои интересы защищенными соседями через Ла-Манш²⁶⁹. Данные уточнения, на наш взгляд, чрезвычайно важны, так как показывают, что вопреки распространенному в историографии мнению²⁷⁰, вторжение англичан в Египет не только не спровоцировало немедленный конфликт, но и было в некоторой степени выгодно Франции и встречено ею на первых порах с одобрением.

Не стоит забывать, что в Египет послал войска либерал Гладстон, который при этом верил, что в скором времени они могут быть оттуда выведены. Консерваторы, пришедшие ему на смену, в частности, лорд Солбсери, понимали, что вывод войск из Египта невозможен: слишком много денег и сил было затрачено на восстановление там порядка. Оккупация Египта соответствовала интересам как британской политической элиты, так и торговых и финансовых кругов. Недовольство оккупацией и активной колониальной политикой в целом выражали только две политические силы - представители движения за «Малую Англию» (Little Englanders)²⁷¹ и ирландские депутаты парламента. Первые обосновывали свою оппозицию официальному курсу тем, что следует, в первую очередь, решить многочисленные проблемы внутри самой страны, и лишь потом тратить деньги налогоплательщиков на неоправданные колониальные мероприятия. Политическую позицию ирландцев в парламенте определяло их собственное

---

²⁶⁷ Там же. Л. 152.

²⁶⁸ Там же. Л. 121.

²⁶⁹ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 66. Л. 160

²⁷⁰ Ротштейн Ф.А. Указ. соч. ; Черкасов П.П. Указ. соч.

²⁷¹ Считается, что термин появился только в период второй бурской войны (1899-1901), однако само движение возникло намного раньше. Его представители выступали за концентрирование основного внимания на внутривнутриполитических проблемах, а также за то, чтобы территория государства ограничивалась лишь Британскими островами, отсюда и название «Малая Англия». Они протестовали против колониальной политики и экспансии.

положение в Британской империи, и многовековое противоборство с англичанами.

Оккупация в 1882 г. не привела Англию и Францию к немедленному столкновению. Отношения все еще сохранялись на прежнем уровне, а само присутствие англичан не мешало французам и дальше доминировать в Кассе египетского долга и иметь весомое слово в вопросе египетских финансов. Как нам кажется, представление о крайней неприязни французов по отношению к англичанам в связи с событиями 1882 г. серьезно преувеличено. Однако французы, разумеется, ждали, какими будут дальнейшие шаги британцев, с которыми они до 1882 г. совместно решали проблемы на месте. Но оккупация была осуществлена силами англичан и на их деньги, ситуация уже не могла быть прежней. Вскоре в Париже это поняли.

1.2. Египет в дипломатической игре России и Германии в 1882 г.

Египетский вопрос не был делом исключительно двух стран. Германский канцлер Бисмарк выступал в своей излюбленной роли арбитра во время больших Лондонских конференций по Египту, а также ни на минуту не упускал из-виду дипломатические переговоры по вопросу, которые велись на протяжении всех 1880-х гг. Свои интересы в Египте имела и Россия. В Кассе египетского долга право голоса имели Италия и Австрия. Последние, однако, не сыграли какой-либо значительной роли в развитии вопроса, уступив солирующие позиции Англии и Франции, а также не желая переходить дорогу Германии и России, которые, в отличие от итальянцев и австрийцев, были всерьез погружены в происходящее на Ниле. Каждая из них пыталась использовать противостояние в Египте в своих целях.

Как и другие державы, Россия впервые всерьез заинтересовалась Египтом после открытия Суэцкого канала, который создал новые торговые

перспективы для европейских стран. На церемонию открытия канала «Общество развития промышленности и русской торговли» снарядило специального представителя К. Скальковского, который позже написал книгу о важности канала для заморской торговли России²⁷². В этой работе Скальковский детально проанализировал все выгоды, которые канал мог бы принести торговле²⁷³. Открытие канала стимулировало импорт в Россию азиатских экзотических товаров, к примеру, какао, кофе, рома и риса, за ввоз которых взималась немалая пошлина. До 1869 г. России приходилось закупать все вышеперечисленные товары через посредников. Отныне же русские купцы могли обходиться без их услуг, приобретая все напрямую. Скальковский, впрочем, писал, что истинный интерес России все же «не в количестве импортированных товаров и праве взимать таможенную пошлину, но в том, что для нее открылись далекие рынки»²⁷⁴.

Торговое общество, которое представлял К. Скальковский, пользовалось определенной протекцией со стороны государства — как раз тот случай, когда «флаг следовал за коммерцией». Купеческая инициатива оказывала некоторое влияние на активность России в районе Суэцкого канала. Например, в момент английских бомбардировок русское правительство отправляло специальные ноты британцам, требуя нормального прохода русских торговых кораблей²⁷⁵.

О коммерческих интересах России в Суэце и на берегах Нила писала и газета *Московские Ведомости*. В 1882 г. после окончания египетского кризиса в издании была опубликована статья «Торговля России с Египтом»²⁷⁶. В ней отмечалось, что российские торговые интересы находятся в основном в Александрии и Каире. Россия в египетской экономике занимала место куда более скромное, нежели Великобритания (половина всего экспорта в Египет),

---

²⁷² Скальковский К. Суэцкий канал и его значение для русской торговли. СПб, 1870.

²⁷³ Там же. С. 225.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ АВПРИ, Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, дело 61 (1). Л. 432.

²⁷⁶ Московские ведомости. 17/12/1882.

Франция и Италия²⁷⁷. Впрочем, среди крупных импортеров из Египта Россия была на третьем месте после Великобритании и Турции. Последняя, кстати, закупала одинаковый с Россией объем египетского хлопка. Еще до британской оккупации хлопок был главной статьей дохода египетской экономики²⁷⁸. Россия продавала на Восток лошадей, рогатый скот, хлеб, муку, шелк и лес.

На наш взгляд, не стоит преувеличивать экономические интересы России, связанные с Египтом. Достаточно привести только некоторые данные. В частности, начиная с 12 января (1 января) по декабрь 1882 г., только три русских судна (одно торговое и два военных) прошли через Суэцкий канал. Для сравнения, через Суэц за год прошли 737 британских корабля²⁷⁹. Более того, на всем пути от Владивостока до Суэца, русские суда не совершили ни одной сделки в портах посредников. Цифры показывают, что русская торговля в Суэце была представлена, но этого было явно недостаточно, чтобы оправдать вмешательство императорской дипломатии в дела Египта.

Россия, для которой на первом месте стоял Восточный вопрос, рассматривала египетские дела скорее в контексте англо-русских отношений в регионе. Для нее египетский и Восточный вопросы были тесно связаны. Министр иностранных дел Н.К. Гирс писал графу Орлову в июне 1882 г.: «Что же касается нас, то мы не стали бы жаловаться, если бы сложности на Востоке были сконцентрированы в Африке, где наши интересы напрямую не затронуты»²⁸⁰. На наш взгляд, России, в определенной степени, была на руку конфронтация держав в Египте: она отвлекала Англию и Турцию от Балкан — крайне важного для российской дипломатии региона.

Но была и другая сторона медали. Как писал крупнейший французский специалист по истории международных отношений Пьер Ренувен, «российская политика была сосредоточена на Балканах, она искала выходы на

---

²⁷⁷ В 1882 году, по данным газеты, экспорт из Египта в Россию составил 10 961 636 рублей. Из России в Египет экспортировалось товаров на сумму 18 388 477 рублей.

²⁷⁸ Ротштейн Ф. А. Указ. соч. С.

²⁷⁹ Московские ведомости. 17/12/1882.

²⁸⁰ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 73. Л. 91.

«свободные моря», к Средиземноморью»²⁸¹. Стремлению России утвердить свои позиции в Средиземноморье противоречило укрепление английского влияния в Египте.

Отношение России к британскому присутствию было крайней противоречивым: скорейший вывод войск из Египта решил бы конфликт англичан с Францией и дал бы им возможность полностью сосредоточить свои силы в других регионах, например, в Персии или Средней Азии, что было, разумеется, нежелательно для Петербурга; однако затянувшаяся оккупация меняла баланс сил в Восточном Средиземноморье в пользу Британии. Без сомнения, столкновение двух интересов влияло на сложную и иногда противоречивую деятельность России по египетскому вопросу.

В данном контексте совершенно неудивительно, что Петербург сразу же отреагировал на конфликт, который разгорался летом 1882 г. вокруг Египта. В июле русский посол в Париже граф Орлов передал Фрейсине официальное послание из Петербурга: Россия выражала протест против намерения Франции и Англии установить в Египте «единоличный контроль»²⁸². Посол России в Берлине пытался привлечь внимание главы германской дипломатии графа П. Хатцфельда к обсуждению проблемы, но, как писал французский дипломат барон де Курсель из Германии, Хатцфельд довольно холодно отреагировал на активность русской дипломатии в египетском вопросе²⁸³. Граф Орлов, кстати, был широко известен своими прогерманскими симпатиями, дружил с Бисмарком и всячески противился сближению с французами, в том числе в деле Египта. В мае 1882 г., за несколько месяцев до оккупации, Орлов отправил Гирсу подробный отчет по египетскому вопросу. Посол в Париже отмечал, что дела в стране обстоят плохо, потому что власть хедива слабеет. Любопытно, что сразу же после описания ситуации в Египте, Орлов пишет про Германию: «Я вижу в действиях Германии только самое искреннее

---

²⁸¹ Renouvin P. Op. cit. P. 34.

²⁸² ADF. Allemagne. Juillet – septembre 1882. P. 8.

²⁸³ Ibidem.

стремление поддерживать с нами хорошие отношения»²⁸⁴. И сразу же добавляет, что собирается поехать в гости к Бисмарку в Баден²⁸⁵. Подобную подачу информации можно трактовать лишь намерением Орлова продемонстрировать Петербургу нежелательность поддержки французов в деле Египта. Данный тезис подтверждается письмами, которые Орлов отправлял Гирсу. В июне 1882 г. он писал в Петербург: «Кабинет под руководством Фрейсине, как мне кажется, скоро ждут большие перемены. Главу кабинета атакуют со всех сторон. Правые и сторонники Гамбетты ставят Фрейсине в вину его политику «мир любой ценой». Другие считают, что у страны нет осмысленного политического курса. Мне кажется, последнее соответствует истине. Я вижу Фрейсине каждый день, и я успел убедиться, что он меняет свои решения каждые 24 часа»²⁸⁶. Отставка Фрейсине, по мнению Орлова, была предопределена. Мы склонны согласиться с мнением посла, который довольно точно отразил состояние дел в Париже. Фрейсине действительно так и не сумел сформулировать четкой внешнеполитической программы, именно поэтому его действия часто выглядели как метания отчаявшегося политика. При этом, послания Орлова, как нам кажется, еще раз должны были убедить Гирса в том, что России следует занимать скорее выжидательную позицию.

О египетском вопросе Орлов писал мало: будучи во многом дипломатом старой школы, который считал, что вся мировая политика делается в Европе, Орлов делал упор на расстановку сил на континенте, которая была, на его взгляд, неизменно в пользу Германии. Любопытно, что германофильские настроения первых лиц русской дипломатии — Н. К. Гирса, Н.А. Орлова, П.А. Капниста — соотносились с почти «бисмаркианской» политикой России в Египте, основанной на поддержании напряжения между оппонентами. Петербург, не имея прямых интересов в Египте, пытался использовать возникший там англо-франко-турецкий конфликт в своих целях.

---

²⁸⁴ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 72 (1). Л. 126.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Там же. Л. 139.

Очевидно, что отношение к египетскому вопросу определялось русскими политиками не интересами, непосредственно связанными с самим Египтом, а тем, какие державы задействованы в соперничестве за доминирование над ним. В 1882 г. Капнист, некоторое время фактически исполнявший обязанности русского посла во Франции, писал из Парижа: «В то время как в интересах России укрепить турецкую власть в Египте для того чтобы избежать преждевременного распада Османской империи, Франция будет воспринимать всякое усиление власти султана как потенциальную угрозу своим колониям»²⁸⁷. Эту тенденцию чувствовали и в Париже. Министр иностранных дел Франции Шарль Дюклерк отмечал, что «позиция, которую принял Петербург с того момента, как в Египте начались осложнения, способствует увеличению османского влияния на берегах Нила и турецкой интервенции»²⁸⁸. Разумеется, пишет министр, в этой ситуации Франция и Россия могут быть только соперниками. Из высказываний двух дипломатов очевидно, что Россия пыталась использовать ситуацию в Египте для укрепления своих позиций в Восточном вопросе.

Надо отметить, что еще Николай I поддержал османов и отправил войска против египетского паши Мухаммеда Али в 1833 и 1840-м году. В обмен он надеялся на то, что проливы перейдут под контроль России. В течение века отношение к противостоянию хедива и султана менялось. Перед Крымской войной Петербург стал симпатизировать претензиям хедива на независимость для того, чтобы заручиться поддержкой Египта в будущей войне с Турцией и Францией. Правда, после окончания новой русско-турецкой войны и заключения мира в 1878 г. Россия вернулась к своей исходной позиции: стала вновь поддерживать турок в вопросе Египта. Русский подход к египетскому вопросу во многом определялся взаимоотношениями Петербурга с Константинополем.

---

²⁸⁷ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 72 (1). Л. 229.

²⁸⁸ Там же. Л. 257.

Говоря о Восточном вопросе, нельзя забывать постоянное соперничество, существовавшее между Россией и Англией. Британская оккупация Египта беспокоила Россию не столько потому, что она опасалась за свои торговые или иные интересы: она раскачивала Османскую империю и меняла баланс сил на Ближнем Востоке в пользу Англии. Для Англии, по словам российского дипломата А. Гирса, Египет — «это путь домой, в особенности после открытия Суэцкого канала»²⁸⁹. Тут же Гирс уточнял, что, в тот момент, когда Англия получит власть над Египтом, она станет существенно сильнее, независимо от того, как будет складываться ситуация в Европе. Только египетский вопрос, по мнению дипломата, мог подтолкнуть англичан к войне с другой европейской державой²⁹⁰. Не случайно, когда Палата депутатов отклонила запрос Фрейсине на кредит для военной операции, русская дипломатия начала всерьез беспокоиться, что Египет уже в руках англичан. Капнист и вовсе писал, что сомневается, «сумеет ли французское правительство принять участие в общих действиях Европы по защите Суэцкого канала, не имея согласия Ассамблеи»²⁹¹. Он боялся, что Франция будет отныне «обычным зрителем событий, которые будут происходить на Востоке, и ее вес в балансе сил «европейского концерта» будет сведен практически к нулю»²⁹². И относительно спокойное отношение французов к возможной британской интервенции в Египет удивляло и раздражало русских дипломатов. «Французы сейчас воспринимают возможное установление британской власти в Египте как залог безопасности своих владений в Африке», — сообщал Капнист²⁹³. Вероятно, кроме желания подтолкнуть Францию к противостоянию с Великобританией, Петербург испытывал также недовольство установлением власти англичан в стратегически важном регионе.

---

²⁸⁹ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 72 (1). Л. 209.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Там же. Л. 198.

²⁹² Там же. Л. 199.

²⁹³ Там же. Л. 200.

Бомбардировка Александрии исключительно силами британского флота вызвала гнев Александра III²⁹⁴. Император назвал ее «настоящим концом европейского концерта»²⁹⁵. Барон де Курсель писал в Париж, что Гирсу понадобилось много терпения и усилий, чтобы успокоить императора и внушить ему «более сдержанные оценки»²⁹⁶. Разговоры о том, что военная операция англичан в Египте подрывает европейский концерт, исходили, скорее всего, от графа Орлова. 30 июня (12 июля) 1882 г. он замечал в своем письме в Санкт-Петербург: «В Александрии шумят пушки. Остается спросить себя, где же сейчас европейский концерт и конференция, которая должна была стать его воплощением на деле»²⁹⁷. Не стоит забывать, что Орлов всячески пытался внушить императору необходимость дружбы с Германией, которая в ситуации развала «европейского концерта» была как нельзя кстати.

Позиция России по поводу Египта была важна для англичан. Лондон пытался вести переговоры с Петербургом по поводу восстановления порядка в Египте. Видный британский политик, либерал Чарльз Дилк специально встречался с русским представителем в Лондоне, чтобы заверить его в том, что англичане готовы к военному сотрудничеству с Турцией. Если же она откажется и примет единоличные действия по интервенции, Англии ничего не останется, как использовать силу, чтобы «помешать высадке турецких войск» в Египте²⁹⁸.

В игру вступила и Германия, которая в период египетского кризиса 1882 г. действовала в схожей с Россией манере: с одной стороны, делала авансы турецкому руководству, а с другой, старалась настроить французов против англичан²⁹⁹. *Times* писала о Бисмарке, что «какими бы заинтересованными не были его взгляды, они имеют лишь отдаленное отношение к нынешней

---

²⁹⁴ ADF. Allemagne. 1882, juillet – septembre. P. 144.

²⁹⁵ Ibid. P. 50.

²⁹⁶ Ibidem.

²⁹⁷ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 73. Л. 106.

²⁹⁸ ADF. Angleterre. 1882, juillet – septembre. P. 176.

²⁹⁹ На стр. 81 данной диссертации мы приводим слова французского дипломата Ш. Тиссо, который в 1882 г. сказал о том, что канцлер Бисмарк повлиял на решение англичан об оккупации Египта: ««Толкая кабинет Лондона на тот путь, по которому мы не сможем следовать, он находит способ отдалить его от нас».

ситуации в Египте»³⁰⁰. В отличие от Франции или Англии, египетский вопрос для Германии играл не столь существенную роль. Но германский канцлер принимал активное участие в обсуждении проблемы и выступал в роли арбитра на Константинопольской конференции, хотя и был непоследователен в своей позиции. В июне 1882 г., вероятно, с целью внести разлад в отношениях Франции и Англии он убеждал французов, что им не стоит идти на совместную с англичанами интервенцию, потому что в итоге они все равно останутся в убытке, и настаивал на необходимости турецкой оккупации, а также предлагал «купить» Араби-пашу за «кругленькую сумму» и решить тем самым вопрос³⁰¹.

Историк Сандерсон писал, что в то же время Бисмарк до 1882 г. не раз подталкивал англичан к установлению протектората над Египтом, вероятно, надеясь на то, что это спровоцирует конфликт с французами³⁰². При этом германский министр иностранных дел еще в период Константинопольской конференции предупреждал французского посла о том, что Россия «раздражена вторжением англичан» (имеется в виду бомбардировка Александрии) и готова к тому, чтобы «прекратить всякие переговоры, если кабинет Лондона продолжит осуществлять самостоятельное вмешательство, не принимая во внимание существующие договоренности (негласное соглашение о англо-французском кондоминиуме. — *A.A.*)»³⁰³. По словам Хатцфельда, русские были «взволнованы и раздосадованы английской инициативой»³⁰⁴. Он же сообщал французам, что Россия готова покинуть конференцию, что приведет к свертыванию общих переговоров держав по Египту. Данные Хатцфельда были верными: Россия действительно грозилась отозвать своего представителя с Константинопольской конференции, «если кабинеты не выработают определенную линию поведения по отношению к Англии и будут продолжать молча наблюдать материальный прогресс этой

---

³⁰⁰ ADF. Angleterre. 1882, juillet – septembre. P. 176.

³⁰¹ DDF. Série I. T. 4. Doc. 392.

³⁰² Sanderson G.N. England... P. 28.

³⁰³ ADF. Allemagne. 1882, juillet – septembre. P. 146.

³⁰⁴ Ibid. P. 146.

державы в Египте»³⁰⁵. В то же время русский посол писал из Германии: «Если действия Англии станут объектом общего внимания и озабоченности, Россия продолжит работать в рамках конференции»³⁰⁶. Хатцфельд, не видя прямой угрозы в сближении Франции и России в Египте, рассчитывал, что англичане начнут просить помощи у Берлина и англо-германский союз станет реальностью. Сабуров же в Берлине убеждал французского посла де Курселя, что Франция просто обязана принять антианглийскую позицию по египетскому вопросу³⁰⁷. В то же время Сабуров признавал, что и Франция и Англия не стремились к конфликту, потому что он неизбежно «толкал бы одну из них в объятия Германии»³⁰⁸.

Гирс также пытался внушить французам необходимость противостоять политике Англии в Египте. В период самого кризисного этапа лета 1882 г. Гирс отправил две инструкции русскому послу в Лондоне. Первое письмо касалось желания турецкой стороны принять в Александрии русского представителя, чтобы привлечь его к работе в комиссии по расследованию событий погрома, который учинили в городе националисты. Идея созвать комиссию принадлежала англичанам. Гирс, желая саботировать работу англичан, дал понять, что Россия не собирается отправлять никого для участия в комиссии³⁰⁹. Второе письмо было посвящено собственно трагическим событиям в Александрии³¹⁰. Гирс живо интересовался позицией Франции по поводу британской бомбардировки Александрии.

Главное отличие русской позиции по Египту от той, которую занимала Германия, заключалось в том, что Россия была заинтересована в судьбе Восточного вопроса, связанного с египетским, намного больше Германии. Отсюда постоянное противостояние англичанам и их стремлению установить свой протекторат в Египте и занять более выгодные позиции в Восточном Средиземноморье. Германия же могла позволить себе лавировать между

---

³⁰⁵ ADF. Allemagne. 1882, juillet – septembre. P. 153.

³⁰⁶ Ibidem.

³⁰⁷ Ibidem.

³⁰⁸ Ibid. P. 155.

³⁰⁹ Ibid. P. 54.

³¹⁰ Ibid. P. 55.

Англией и Францией в вопросе Египта. Именно поэтому Бисмарк стремился выступать в качестве арбитра в Константинополе. Создавать напряжение между Францией и Англией было постоянным стремлением Берлина.

Вскоре после того, как британцы оккупировали Египет, Бисмарк дал понять Франции, что готов поддержать ее недовольство и протест при первом же удобном случае. Канцлер в разговорах с французскими дипломатами выражал «недовольство» действиями Форин Офис и даже с жесткостью заметил однажды: «Я им не дам никакого совета» (*Ich gebe ihnen keinen Rath*). Последнее выражение, очевидно, следует оценивать как негласное обещание не помогать англичанам в их египетской политике, что, впрочем, французы воспринимали также с большой осторожностью, зная переменчивый характер германской поддержки³¹¹.

1.3. Обострение англо-французского конфликта в Египте в 1880-е гг. и политика России, Германии и Турции

Франция в 1882 г. еще не возражала открыто против британского присутствия в Египте. Но скоро в Париже начали осознавать, что оккупация будет не временным явлением, как все надеялись, а затянется на долгие годы. Назначенный глава британской администрации лорд Кромер писал, что у Британии два варианта: либо «политика быстрой эвакуации», либо «политика реформ» — «принятие первой из них было полностью разрушительно для другой»³¹². «Принятие политики реформ подразумевало продление британской оккупации на неопределенный срок и возрастание европейского вмешательства, без которого прогресс был просто невозможен», — подчеркивал Кромер³¹³. Вероятно, под «европейским вмешательством» Кромер понимал работу британской администрации, которая фактически получила всю полноту власти в стране. Сам Кромер был сторонником

---

³¹¹ DDF. Série I. T. 4. Doc. 574.

³¹² Cromer. Op. cit. P. 333.

³¹³ Ibidem.

«политики реформ». Собственно, в Каир он приехал с программой широкомасштабных реформ, на которые нужны были немалые средства. Державы не стремились помогать англичанам в деле восстановления страны: это значило бы спонсировать упрочнение британских позиций в Египте.

Французское руководство было разочаровано из-за крушения надежд на восстановление существовавшего прежде англо-французского кондоминиума в египетских делах. «Французское правительство в тот момент реально интересовал только вопрос продления англо-французского контроля в том виде, в котором он существовал до оккупации», — писал позже лорд Кромер³¹⁴. На Кэ д'Орсэ понимали, что ситуация для Франции постепенно ухудшается: решимость англичан ликвидировать двойственный контроль была налицо³¹⁵. Французский посол в Лондоне уверял министра иностранных дел, что лучше «сохранять хорошие отношения с Великобританией», пусть и «ценой жертвы», нежели ввязываться в борьбу, к которой Франция «плохо подготовлена»³¹⁶.

По мере ужесточения позиции британских политиков по египетскому вопросу, тональность сообщений французского посла менялась. Он отмечал значительное «охлаждение между двумя странами», вызванное спором за Египет³¹⁷. В Британии в 1882 г. еще не было четкой позиции по Египту. Кромер писал в своей книге: «Через несколько часов после битвы при Тель-эль-Кебуре лорд Дафферин³¹⁸ был информирован о том, что правительство Ее Величества размышляет о скором выводе английских отрядов из Египта»³¹⁹. В вывод войск из страны в течение нескольких месяцев поначалу, вероятно,

---

³¹⁴ Cromer. Op. cit. P. 339.

³¹⁵ DDF. Série I. T. 4. Doc. 539.

³¹⁶ Ibidem.

³¹⁷ Ibid. Doc. 555.

³¹⁸ Фредерик Дафферин — британский дипломат, в 1882 г. находился в Египте. Именно он не позволил членам египетского кабинета казнить Араби-пашу и добился его ссылки на Цейлон. Тогда же он был назначен британским комиссаром, которому было поручено составить план переустройства страны. Позже он написал отчет, в котором утверждалось, что оккупация принесла Египту пользу, а также содержались предложения по включению местной элиты в процесс управления страной. В дальнейших реформах Кромер учел многие его предложения.

³¹⁹ Cromer. Op. cit. P. 341.

верил и премьер-министр Гладстон. Однако чем больше проходило времени, тем отчетливее политики понимали, что быстрой эвакуации не будет.

Англо-французский кондоминиум был заменен контролем, который осуществлял теперь т.н. «консультант» — британец. Французы сохранили свои позиции в Кассе египетского долга, следовательно, и финансовые рычаги давления на британцев. Как отмечает лорд Кромер, «с этого момента и до подписания англо-французской Антанты 1904 г., французские действия в Египте были постоянно враждебны Англии, с большей или меньшей силой»³²⁰.

На фоне ухудшения англо-французских отношений стал заметен другой процесс — налаживание русско-французских связей. Потепление между Францией и Россией настало и в Восточном вопросе. Новый глава Кэ д'Орсэ Дюклерк, заменивший Шарля Фрейсине, спешил встретиться с русским послом, чтобы обсудить с ним общие интересы двух стран на Востоке. По свидетельствам посла Орлова, в ходе разговора Дюклерк предложил схему раздела Османской империи. «Константинополь — России, западная часть Балканского полуострова — Австрии, Египет — Англии, таково, на мой взгляд, естественное решение Восточного вопроса», — якобы сказал Дюклерк³²¹. На вопрос русского представителя, какой кусок империи Франция хотела бы получить, министр ответил, что «Франция хочет только, чтобы ее оставили в покое, а ее африканские владения ей уже доставили немало проблем, новых ей не надо»³²². Разумеется, можно предположить, что, как и всякий дипломат, Дюклерк многое недоговаривал. Однако подобная позиция министра была в определенной степени ожидаемой после провала Фрейсине: Дюклерк не хотел, чтобы его постигла судьба предшественника, а задачу французской дипломатии видел в обеспечении безопасности европейских границ страны. По словам сотрудника русского посольства в Париже

---

³²⁰ Cromer. Op. cit. P. 341.

³²¹ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 72 (1). Л. 215.

³²² Там же.

Капниста, британская оккупация не «расшевелила» французов³²³. Внешняя политика служила, как он пишет, скорее «предлогом для усиления борьбы внутри самой страны, это было единственное, что в действительности волновало и интересовало абсолютное большинство французов»³²⁴. Французские партии использовали промах Фрейсине в своих целях³²⁵. Таким образом, египетский вопрос в первые годы после оккупации стал предметом спекуляций на французской политической арене.

Русские дипломаты писали о том, что французы даже испытывают «симпатию по отношению к действиям англичан в Египте»³²⁶. Вероятно, еще и потому, что они понимали важность своих позиций в Кассе египетского долга. В разговоре с послом графом Орловым министр Дюклерк сказал: «Англичане не понимают египетский вопрос. Если они хотят реорганизовать Египет только своими силами, они ослабнут и станут зависимы там от других держав. Только с помощью Франции они смогут основать что-то стабильное в Египте»³²⁷. Орлов, как всегда критически настроенный по отношению к французам, в письме в Петербург написал: «Ясно, что французское руководство хотело бы воспользоваться победой Англии, не израсходовав ни одного патрона»³²⁸.

Беседа между Дюклерком и Орловым состоялась в ноябре 1882 г., буквально через два месяца после введения британских войск на египетскую территорию. Но уже в декабре 1882 г. Орлов писал о том, что между кабинетами Лондона и Парижа установились «прохладные отношения»³²⁹. В разговорах с Орловым французский министр много говорил про «британское высокомерие и необходимость положить ему конец»³³⁰.

А.П. Моренгейм, назначенный послом в Великобританию, писал императору из Лондона: «Когда настанет момент покидать регион Суэца,

---

³²³ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 72 (1). Л. 225.

³²⁴ Там же. Л. 226.

³²⁵ Там же.

³²⁶ Там же.

³²⁷ Там же. Л. 272.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Там же. Л. 304.

³³⁰ Там же.

англичан ждут очень большие сложности»³³¹. Царь отреагировал на послание одним предложением: «То-то и скверно». Вероятно, Александр III имел в виду тот факт, что сложности скорее всего отпугнут англичан от эвакуации своих войск из Египта. Российские дипломаты с самого начала были склонны считать, что англичане изначально замыслили протекторат над Египтом и «чем дальше, тем больше в Англии распространяется это идея»³³².

Русская пресса начала жесткую кампанию против британцев в Египте. Газета *Московские Ведомости*, главным редактором которой был консерватор М.Н. Катков, опубликовала серию статей об опасных амбициях британцев на Ниле. «Завоевание Египта — первый шаг к осуществлению грандиозной идеи. С хедивом, сведенным к позиции индийского раджи, действующим по указке английского представителя, англичане хотят стать хозяевами всей нильской долины»³³³. Анонимный автор статьи также добавлял, что контроль над дорогой в Индию не обеспечить одним Суэцким каналом: важно доминировать еще и на Красном море. В любом случае, англичане никуда не уйдут из Египта ни сейчас, ни в ближайшее время — такой вывод делал автор статьи, а вслед за ним еще и большинство российских изданий³³⁴.

Любопытный разговор состоялся вскоре после оккупации между французским министром Дюклерком и русским дипломатом Капнистом. Из него выяснилась интересная подробность: итальянское руководство также было крайне обеспокоено английским присутствием в Египте и искало поддержки у Франции и России. «Антанта, предложенная Италией (Франции. — А.А.), в данный момент могла бы сослужить хорошую службу, если она действительно будет иметь продолжение и это не просто теория», - сказал Капнист Дюклерку³³⁵. «Такая антанта могла бы дать некоторые гарантии против Англии», — добавил русский дипломат. Очевидно, Италия искала союзника в Средиземноморье, но так и не нашла надежной поддержки в лице

---

³³¹ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 61 (1). Л. 575.

³³² Там же. Л. 593.

³³³ *Московские ведомости*. 11/12/1882.

³³⁴ Там же.

³³⁵ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 61 (1). Л. 232.

Франции. Через пять лет итальянцы вступили в Средиземноморскую антанту с англичанами и австрийцами, что, впрочем, не помешало им еще несколько лет спустя начать сближение с Францией по тем же вопросам средиземноморской политики. Все эти события и разговор Дюклерка и Капниста, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что у Рима не было четкой линии по египетскому вопросу.

Важно вспомнить, что кроме Франции, Великобритании, России и Германии, была еще одна сторона, которая имела непосредственные интересы в Египте — Турция. В первые годы после оккупации турецкий султан еще рассматривал возможность вмешательства в египетский вопрос. В октябре 1883 г. французский посол в Константинополе в письме министру иностранных дел М. Шалемель-Лакуру пересказывал подробности беседы с турецким правителем: «Султан осведомлен о том, что англичане предпринимают попытки в Египте для того, чтобы подчинить себе эту страну и, определенно, создать там свой протекторат. Он хотел бы договориться с французским правительством о политике, которой нужно следовать в этом вопросе. Султан также хотел бы довести до вашего сведения другой вопрос. Он убежден, что Англия намеревается отделить от его империи всю ее арабскую часть для того, чтобы создать арабское государство, зависимое от англичан. Если англичанам удастся осуществить подобный план, это будет концом Османской империи»³³⁶. Турецкое руководство, таким образом, видя во Франции обиженную сторону, пыталось найти с ней общий язык, чтобы помешать англичанам распространить свое влияние. Более того, из разговора очевидно, что Турцию волновал не столько сам Египет, сколько ее влияние в подчиненных ей арабских территориях. Посол писал также, что в ходе разговора «султан утверждал, что интересы Франции и Турции в Средиземноморье идентичны»³³⁷. Теперь, когда баланс сил в нильском регионе изменился, Турция, которая еще в начале 1882 г., казалась Парижу

---

³³⁶ DDF. Série I. T. 5. Doc. 118.

³³⁷ Ibidem.

самой главной угрозой ее колониальным владениям на Севере Африке, искала поддержку у самой Франции.

Нет ничего удивительного в том, что теперь французы повернулись в сторону Турции: вместе они могли усложнить англичанам задачу по установлению в Египте британского контроля. Так, генеральный консул Франции в Египте писал: «Хедив боится турецкой интервенции, его министры ее желают, но не осмеливаются ее требовать без согласия со стороны англичан... Мы должны приветствовать эту интервенцию, так как английское вмешательство мне кажется чрезвычайно опасным для будущего Египта»³³⁸. Хедив, которому удалось вернуть власть только при помощи английского оружия, был всячески заинтересован в том, чтобы англичане сохраняли свое доминирующее влияние в стране как можно дольше. Однако окружение египетского главы не поддерживало его англофильские настроения. Османы пытались использовать недовольство местных элит в своих интересах. В этой ситуации для англичан было очень важно если не узаконить свое положение в Египте, то хотя бы добиться фактического признания оккупации великими державами, в частности, Германией, которая на тот момент так и не определилась с тем, кого поддерживать в споре.

В начале 80-х годов, после оккупации, в большинстве колониальных споров Бисмарк оказывался на стороне французов, тем самым он стремился продемонстрировать всю ценность своей «дружбы» англичанам, которые, по задумке канцлера, должны были искать расположения Берлина. Французский посол в Берлине в своих донесениях отмечал, что канцлер «был готов применить определенные меры и отойти от того олимпийского безразличия, с которым мы сталкивались на протяжении более двух лет»³³⁹. Франко-германское «сближение» в особенности хорошо было заметно в 1884 г. Бисмарк в личных беседах с французским послом на протяжении всего 1884 г. жестко оценивал британскую политику в Египте, говоря, что своей

---

³³⁸ DDF. Série 1. T. 5. Doc. 159.

³³⁹ Affaire d’Egypte. Doc. 385.

активностью в этом регионе «англичане нашли средство навредить всему миру»³⁴⁰. В Париже были только рады поддержке Бисмарка. Французские дипломаты в 1884 г. с удовлетворением отмечали, что «немцы совершили большой поворот в их пользу в Египте»³⁴¹.

Проявлением франко-германского сотрудничества стал созыв конференции в Берлине в 1884 г. Подготовка к ней велась на протяжении года, и она стала важным этапом в колониальной истории. Основной проблемой был раздел Конго. В 1884 г. возник острый конфликт между Англией и Францией по поводу центральноафриканского региона. К 1884 г. большая часть территории Конго была под властью бельгийского короля Леопольда II, на службе у которого находился знаменитый американский исследователь, журналист и авантюрист Г.М. Стэнли. Однако эта территория интересовала также и французское правительство, которое снарядило экспедицию во главе с морским офицером, путешественником П.П. де Браззой. В целом французы и бельгийцы были готовы мирно поделить между собой всю территорию бассейна реки Конго, однако в это вмешалась третья сторона. Англичане, которые также стремились обосноваться в Центральной Африке, решили сделать это не напрямую, а посредством своего давнего союзника и сателлита Португалии. 26 февраля 1884 г. Великобритания подписала соглашение с Португалией. По этому договору Англия признавала «права» португальцев на устье реки Конго. Жюль Ферри выразил протест против этого договора. Этот инцидент свидетельствовал о том, что англо-французское соперничество в Африке не ограничивалось Египтом. Любопытно было, как в этой ситуации поведет себя Германия. И Бисмарк поддержал французов. Этого оказалось достаточно для того, чтобы англо-португальский договор был аннулирован. В результате для рассмотрения этого спорного вопроса было решено созвать международную конференцию.

---

³⁴⁰ Affaire d’Egypte. Doc. 405.

³⁴¹ Ibid. Doc. 410.

Конференция не имела никакого отношения к египетскому вопросу, но ее результаты добавили «очков» французам в зарождающемся противостоянии с Британией. Официально инициатива созыва конференции принадлежала Бисмарку. Французский посол в Германии писал о том, что «предварительное согласие между двумя кабинетами, парижским и берлинским, будет преамбулой созыва конференции»³⁴². Германия еще в подготовительный период созыва обещала французам свою поддержку. Конференция открылась в Берлине в ноябре 1884 г. В ее работе приняли участие 13 европейских государств и США. Франция, Германия и США удовлетворили претензии Бельгии и передали ей территорию Конго вместе с устьем реки. Португалии, поддерживаемой Великобританией, удалось получить лишь небольшой участок южного берега реки Конго. Англия потерпела в этом вопросе серьезное поражение. 26 февраля 1885г. был подписан Заключительный акт Берлинской конференции³⁴³. Было решено объявить бассейн реки Конго зоной свободной торговли, торг невольниками в очередной раз был запрещен, такие же постановления с некоторыми оговорками³⁴⁴ были приняты относительно бассейна реки Нигер.

Поведение великих держав в период Берлинской конференции отразило существующую на тот момент расстановку сил в колониальной политике. В частности, проявилась изолированность Великобритании: она не получила поддержки Германии и в итоге уступила в споре за Конго. Кроме того, постановления, принятые участниками конференции и обязывающие великие державы в случае захвата страны провозглашать протекторат и соблюдать некоторые формальности, «свели на нет стандартную британскую политику «неофициальной империи»³⁴⁵ в Африке»³⁴⁶. Эти решения остро ставили и

---

³⁴² DDF. Série I. T. 5. Doc. 385.

³⁴³ История Африки в документах. С. 14.

³⁴⁴ Судоходство на Нигере, как и на Конго, было объявлено открытым для всех держав. Однако отличие заключалось в том, что если на территории Конго за исполнением постановлений конференции должна была следить международная комиссия, то на Нигере этими вопросами ведали Англия и Франция, каждая в пределах своих владений.

³⁴⁵ Имеется в виду принятая в конце XIX в. практика отправлять отряды или экспедиции на незанятые территории Африки и Азии, занимать их, но не признавать их при этом своими официальными протекторатами.

проблему Египта, который официально не принадлежал англичанам и все еще оставался под номинальной властью турецкого султана. Таким образом, конференция имела важное значение еще и потому, что вводила новые правила в колониальной борьбе, которые шли вразрез с британской практикой.

Британия действительно находилась в затруднительном положении в начале 80-х г. С одной стороны, Франция, Россия и временно Турция с Германией объединились, чтобы усложнить условия британского присутствия в Египте. С другой — само присутствие в Египте дорого обходилось Великобритании как в прямом, так и в переносном смысле. Среди британского истеблишмента не было единства по египетскому вопросу. Долгое время в Англии шла непрекращающаяся борьба между сторонниками продления оккупации и теми, кто выступал за скорейший вывод войск из Египта³⁴⁷. В частности, о необходимости эвакуации британских войск говорила либеральная оппозиция в лице У. Харкурта во времена кабинета консерватора Солсбери. Гладстон постоянно подчеркивал временный характер оккупации, и даже Солсбери в разговоре с французским послом У.Г. Ваддингтоном³⁴⁸, на упреки в агрессивной политике британцев в Египте, гневно заметил: «У вас сильно ошибаются, если считают, что мы хотим оставаться в Египте на долгое время. Мы только ищем средства для того, чтобы уйти оттуда достойно; отряды, которые мы держим там, были бы намного полезнее в Индии»³⁴⁹. Правда, несмотря на внутренние разногласия по этому вопросу и декларации Форин Офис с обещаниями скорейшей эвакуации, действия британских политиков подтверждали худшие опасения Петербурга и Парижа о том, что англичане совершенно не собираются уходить из Египта³⁵⁰. Заявления Форин Офис о выводе войск в середине 80-х гг. превратились уже в простую формальность.

---

³⁴⁶ Sanderson G.N. England... P. 24.

³⁴⁷ The Cambridge History of British Empire... P. 152.

³⁴⁸ С февраля по декабрь 1879 г. занимал пост премьер-министра Третьей Республики, после отставки в 1883 г. согласился принять пост посла Франции в Великобритании, на котором проработал 10 лет.

³⁴⁹ Affaire d’Egypte. Doc. 41.

³⁵⁰ Ibid. Doc. 40.

Самой большой «головной болью» для англичан был финансовый вопрос. В первые годы после оккупации им так и не удалось навести порядок в экономике Египта. Усмирение восстания в Судане опустошило египетскую казну. Финансами страны фактически управляла Касса египетского долга, по сути контролируемая французами. Разумеется, французы не спешили помогать британской администрации.

Для того чтобы урегулировать финансовые проблемы Египта, англичане выступили с инициативой созыва конференции. Французские дипломаты в Берлине немедленно приступили к обсуждению новости с немецкими коллегами. Французы пытались заранее заручиться поддержкой Германии для того, чтобы оказать давление на англичан³⁵¹. Бисмарк не давал им никаких гарантий, однако по тону сообщений, поступающих из Берлина, было понятно, что Германия займет благоприятную для французов позицию.

Конференция открылась летом 1884 г. в Лондоне. В качестве выхода из сложившегося тяжелого положения англичане выдвинули предложение передать египетской казне излишки доходов, накопившихся от тех бюджетных поступлений, которые были забронированы за Кассой египетского долга на уплату кредиторам процентов по долгам Египта. А по египетскому закону 1880 г. (т.н. закон о ликвидации) эти излишки были предназначены на погашение основной суммы долга.

Русский посол в Лондоне Е.Е. Стааль получил инструкции относительно позиции России во время конференции. В тексте Гирс давал не столько конкретные указания, сколько представлял российскую позицию по вопросу британской оккупации в целом³⁵². Несмотря на то что конференция затевалась для того, чтобы решить финансовые проблемы, Гирс считал, что на ней необходимо снова остро поставить вопрос вывода британских войск из Египта: «Если парламент (британский. — А.А.) возьмет на себя обязательство

---

³⁵¹ DDF. Série I. T. 5. Doc. 264.

³⁵² Инструкции Гирса изначально были опубликованы в дипломатической переписке Стааля. Документы были подготовлены княжной Орлов-Давыдовой. Позже документы были опубликованы в The Slavonic Review.

эвакуировать войска в фиксированные сроки и объявит об этом на конференции, нам останется только аплодировать»³⁵³.

Однако и русская сторона, и все остальные участники понимали, что принимать решение о немедленной эвакуации в ситуации экономической разрухи было невозможно и губительно для самого Египта. Кроме невыполнимого условия эвакуации, у Петербурга были и реальные требования. В частности, Петербург хотел «хотя бы пропорционального» (остальным заинтересованным державам. — *А.А.*) участия в делах Египта. «Небольшое число интересов России в Египте нельзя считать мотивом для исключения, наоборот, это значит, что Россия может быть объективной в вопросе, что только поможет общему делу», — писал министр³⁵⁴. Гирс советовал послу Стаалю не принимать предложения англичан по сокращению процентов по египетскому долгу. Не забыл Гирс и про Суэцкий канал. На его взгляд, лучшим решением была бы нейтрализация Суэцкого канала. Гирс настаивал на том, чтобы англичане приняли в Египте т.н. «нижнедунайскую модель»: создание европейской комиссии, состоящей из делегатов заинтересованных стран, которая будет контролировать работу канала. На наш взгляд, Гирс, как опытный политик, понимал, что англичане ни в коем случае не согласились бы принимать контроль европейской комиссии: расчет был сделан на то, чтобы еще больше затруднить положение противника.

В условиях существующего противостояния Британии с Францией и Россией, английские предложения не имели никакого успеха. Бисмарк также не благоволил англичанам. В апреле 1884 г. Германия провозгласила протекторат над своей первой африканской колонией — Германской Юго-Западной Африкой. Форин Офис оказался перед свершившимся фактом, что было воспринято, как Бисмарк и ожидал, без всякой симпатии. Отношения между Берлином и Лондоном существенно охладились, что было заметно и на конференции. Вот что сказал германский канцлер французскому послу де

---

³⁵³ Giers K. Russo-british relations in Eighties // Slavonic Review. Vol. 3. No. 7. June, 1924. P. 182.

³⁵⁴ Giers K. Op.cit. P. 184.

Курселю по этому поводу: «Их поведение (англичан. — *A.A.*) на конференции вызвало у вас недовольство, оно также вызвало раздражение у русских. Что до меня, то я не удовлетворен поведением графа Мюнстера; он не выполнил свои инструкции; он должен был быть куда более твердым в своих высказываниях... Он не хотел раздражать лорда Гренвилля и своих многочисленных друзей в Лондоне»³⁵⁵. Бисмарк даже обещал французам, что за англофильские настроения Мюнстер, представлявший интересы Германии на конференции, поплатится своим местом. Мюнстера так и не уволили, а риторика Бисмарка была направлена на то чтобы усилить франко-британские противоречия. Ссориться с англичанами канцлер тоже не собирался, оставляя за собой возможность для очередного маневра.

Франция же постепенно шла на открытый конфликт с Великобританией из-за Египта. Один из французских дипломатов в 1885 г. писал: «Мы не просто так придаем огромную важность египетскому вопросу, не просто так превращаем его в проблему первостепенной важности, центр колониальной политики»³⁵⁶. Если экономические интересы Франции оставались более-менее нетронутыми, то ее политическое влияние в столь важном для нее регионе уменьшалось с каждым днем.

1884-1885 гг. показали Франции, что Россия намерена публично поддерживать ее претензии к англичанам. В свою очередь, Франция делала ответные «реверансы». Влиятельный французский политик Жюль Ферри в одном из своих выступлений затронул этот вопрос: «Без сомнения, отношения между Россией и Францией за время моего пребывания в Кэ д'Орсэ улучшились... Можно сказать, что Франция первой в 1884 г. признала интересы, которые Россия, в силу своих владений на Тихом океане, имеет в Суэцком канале. Франция больше всех настаивала на том, чтобы Россия, наряду с другими державами, стала гарантом долга, который Египет занял, чтобы выплатить компенсации пострадавшим в Александрии во время

---

³⁵⁵ DDF. Série 1. T. 5. Doc. 405.

³⁵⁶ Charmes G. *Politique extérieure et coloniale*. Paris, 1885. P. XXVII.

беспорядков. Франция также настаивала, чтобы Россия имела своего представителя в администрации Кассы египетского долга, что ставило ее на один уровень с другими державами, контролировавшими египетские дела. В ходе дипломатических переговоров, которые за этим последовали, Россия и Франция шли рука об руку»³⁵⁷.

Провал переговоров с Францией и Россией на конференции еще раз показал шаткость позиций британской администрации в Египте. Лорд Кромер столкнулся с крайне серьезным сопротивлением со стороны участников Кассы. Кромер предпринимал меры, чтобы ослабить оппозицию британцам внутри самого Египта. В частности, он вынудил хедива уволить и выслать из страны его советника адъютанта графа делла Сала с супругой урожденной княжной Гагариной: пара была известна своей публичной критикой британской оккупации³⁵⁸. Но даже такие резкие меры не могли бы скрыть очевидного: британцы находились в тупике, так как развитие страны не было возможно без реформ, а деньги на реформы нужно было просить у Кассы.

В марте 1885 г. Гладстон предпринял очередную попытку решить эту проблему. Если предложения, высказанные на конференции 1884 г., соответствовали по большей части интересам англичан, то новый план был составлен с учетом французских требований³⁵⁹. Этот факт сыграл решающую роль в том, что новый план британцев был одобрен остальными державами и официально принят. Согласно Лондонской конвенции, подтверждался и закреплялся международный контроль над египетскими финансами, который по-прежнему должна была осуществлять Касса египетского долга. Текущий долг Египта не должен был превышать 1 млн. ф. ст. Весь доход, с вычетом уплаты долга и расходов на администрацию, делился поровну между Кассой и египетским правительством. Наконец, как и хотели французы, был поднят вопрос о статусе канала и его возможном переходе под международный контроль.

---

³⁵⁷ Hansen J. Op .cit. Pp. 12 – 13.

³⁵⁸ Hornik M. P. The Mission of Sir Henry Drummond Wolff to Constantinople, 1885 – 1887 // The English Historical Review, vol. 55, No. 220. Oct., 1940. P. 599.

³⁵⁹ DDF. Série I. T. 5. Doc. 507.

Итоги конференции 1885 г. были хорошо приняты державами. В частности, Франция рассматривала их как положительный сдвиг в английской политике. «Это начало международной системы, установленной в Египте. После переговоров о свободе канала последует вопрос о нейтрализации Египта, и как необходимое последствие, последует эвакуация англичан из страны», – писал французский посол в Лондоне Ваддингтон³⁶⁰. Кроме того, в Кассу, в качестве равноправных партнеров, вступили Германия и Россия.

Принятие французских финансовых требований и вступление в Кассу Германии и России, которые вполне ожидаемо блокировали бы почти любые английские инициативы, в частности ассигнование на военные операции, были значительными уступками Великобритании французам. Так Англия пыталась отвести внимание от самой главной проблемы — эвакуации британских оккупационных сил из Египта. «Для англичан было проще всего навсегда обосноваться в долине Нила, забыв все обещания, сделанные Гладстоном, упразднив одним махом все капитуляции и последние следы международного присутствия в Египте»³⁶¹, – писал в 1887 г. французский журналист С. Де Шонски.

Сформировавший в 1885 г. кабинет лорд Солсбери, утверждая, что поддерживает курс своего предшественника Гладстона на скорую эвакуацию войск из Египта, на деле был намерен закрепить положение британцев в нильской долине. По крайней мере, именно об этом свидетельствовала миссия Друммонда–Вольфа в 1887 г. в Константинополь. Решение англичан отправить посланника в Турцию было принято под влиянием Германии, а точнее благодаря постепенному и крайне осторожному сближению Лондона и Берлина.

Жесткий политический курс канцлера по отношению к Великобритании в египетском вопросе произвел некоторый эффект: уже в 1884 г. англичане стали искать пути налаживания отношений с Бисмарком. Делалось это не по

---

³⁶⁰ DDF. Série I. T. 5. Doc. 507.

³⁶¹ Chonski de S. Croquis égyptiens. Paris, 1887. P. 170.

официальным каналам, а в частном порядке. Например, известно, что глава английской дипломатии лорд Гренвилль пытался установить контакт с немцами через сына Бисмарка. Последний путешествовал по Европе, и его поездка имела ярко выраженный политический характер³⁶². На приглашение лорда Гренвилля он, по словам канцлера, должен был ответить отказом и вообще, находясь в Англии, избегать контактов с ним. Данное поведение отражало текущее отношение Бисмарка к лорду Гренвиллю (к которому, судя по его собственным высказываниям, канцлер испытывал личную неприязнь³⁶³) и к английской дипломатии в целом. В Париже же, наоборот, он надеялся, что сыну удастся встретиться с некоторыми французскими политическими деятелями, и, в особенности, с Жюлем Ферри.

Однако по свидетельствам английских документов, встреча Герберта Бисмарка и Гренвилля все же состоялась, что, без сомнения, произошло с ведома и одобрения Бисмарка-старшего³⁶⁴. Во время беседы с главой Форин Офис сын канцлера дал понять английскому министру, что Берлин готов пойти на сотрудничество с Лондоном в египетском вопросе, в случае если последний даст согласие «уважать права Германии»³⁶⁵. Таким образом, Бисмарк предлагал сделку: помощь в Египте в обмен на лояльность Британии в интересующих Германию вопросах (каких именно, в беседах дипломатов не поясняется, но можно предположить, что Бисмарк не собирался ограничиваться лишь колониальной сферой). Англичане, придерживаясь своей традиционной дипломатии, не дали определенного ответа. В вопросе с египетскими финансами Бисмарк заявлял французским представителям, что не хочет открыто занимать чью-либо сторону и готов лишь исполнять роль стороннего наблюдателя³⁶⁶. Уже в начале 1885 г. французский посол писал в Париж, что Бисмарк неискренен по отношению к Франции и ведет двойную

---

³⁶² DDF. Série I. T. 5. Doc. 405.

³⁶³ Ibidem.

³⁶⁴ Foundations of British foreign policy. Doc. 166.

³⁶⁵ DDF. Série I. T. 5. Doc. 405.

³⁶⁶ Ibid. Doc. 469.

игру³⁶⁷. С этого времени канцлер избегал резких высказываний относительно Англии и больше не давал щедрых обещаний французам, что, очевидно, было связано с зондажом ситуации на предмет улучшения англо-германских отношений.

Руководствуясь тем, что немцы не станут больше открыто противостоять Англии в египетском вопросе, Солсбери решил поставить точку в противостоянии с Россией и Францией. Сделать это можно было законным путем, склонив султана к соглашению. Проект Друммонд-Вольфа, который он собирался представить, должен был несколько успокоить представителей великих держав.

Друммонд-Вольф был сыном известного путешественника, ученого и удачливого дипломата. Он сумел завоевать доверие Палаты общин своим блестящим знанием иностранных дел, в частности, он был большим специалистом по ближневосточной политике. Любопытно, что будущий министр иностранных дел Франции Габриэль Аното случайно встретился с Генри Друммонд-Вольфом в поезде, который вез дипломатов в Константинополь. Аното потом писал в своих мемуарах: «В вагоне неожиданно у меня завязался разговор с благородным англичанином. Я узнал, что зовут его сэр Друммонд-Вольф, он еврей, финансист, и его направили с секретной миссией к султану обсуждать египетские дела, которые наделали немало проблем в отношениях Англии и Франции»³⁶⁸.

Итак, в 1887 г., будучи полномочным представителем Ее Величества в Константинополе, Генри Друммонд-Вольф представил проект конвенции, которую Турция должна была подписать вместе с Англией. И она была действительно подписана 15 мая. Документ содержал 7 статей, 2 протокола и сопроводительное письмо³⁶⁹. Согласно конвенции, английские войска должны были быть эвакуированы в течение 3-х лет при условии «интернационализации» Египта, то есть страна переходила под

---

³⁶⁷ Ibid. Doc. 475.

³⁶⁸ Hanotaux G. Mon temps, IV, La Question d'Orient. Paris, 1947. P.19.

³⁶⁹ Ministère des Affaires étrangères. Documents diplomatiques. Affaire d'Egypte. 1884 – 1893, Paris, 1893. P. 61.

международный контроль. Впрочем, в щедром обещании британцев был серьезный подвох, а именно: Лондон сохранял за собой право повторной оккупации Суэцкого канала в случае, если ему грозит «внутренняя или внешняя опасность». Более того, по конвенции несколько британских отрядов оставались в Египте для «обеспечения порядка» в египетской армии. Важный пункт касался также нейтрализации Суэцкого канала. В своем письме Друммонд-Вольфу лорд Солсбери писал, что нужно обязательно уточнить во время переговоров, что Англия не покинет Египет, если остальные державы не примут условия, зафиксированные в конвенции. В особенности, другим державам запрещалось осуществлять интервенцию в Египет, что также полностью соответствовало британским интересам³⁷⁰.

Журналист и главный редактор вестника министерства иностранных дел Франции *Le Constitutionnel* подчеркивал, что «все преимущества по конвенции на стороне Англии, которая меняет или вовсе аннулирует султанские фирманы, способствуя исключительно своему влиянию»³⁷¹. По его мнению, «сохранение отрядов в Египте было отрицанием неприкосновенности египетской территории»³⁷². А подписать эту конвенцию значило бы «быть обязанными дипломатически признать протекторат англичан над Египтом и отказаться навсегда от своих справедливых требований и надежды вернуть себе влияние в Египте, приобретенное в течение века кропотливой работой и жертвами»³⁷³. Шонски выражал фактически общее мнение по вопросу. Присоединение к конвенции положило бы конец всем французским претензиям в Египте. Говорить о пересмотре египетского вопроса больше не смогла бы и Россия.

Протест Кэ д'Орсе, который активно поддержала французская пресса, был незамедлительной реакцией на новость о том, что Турция и Англия подписали конвенцию. Конвенция была так плохо принята, потому что, по мнению французов, пыталась уничтожить те немногие права и привилегии,

---

³⁷⁰ DDF. Série I. T. 5. Doc. 178.

³⁷¹ Chonski de S. Op. cit. P. 164.

³⁷² Ibid. P. 167.

³⁷³ Ibidem.

которые остались у Третьей Республики после бомбардировки Александрии³⁷⁴. Интересно, что Шонски в своей критике конвенции уверенно опирался на поддержку России. Он приводил отрывки из российских газет, которые выступали против конвенции. В частности, Шонски ссылаясь на посольскую газету *Север*: «Русское общественное мнение было неприятно поражено заключением конвенции с Портой. Наши газеты активно протестовали против препятствий, которые она создает для международных прав и интересов»³⁷⁵. Газета *Россия*, которую цитировал Шонски, писала о том, что страна «не может принять это соглашение, которое вредит нашим интересам»³⁷⁶. Газета также отмечала, что Турция была не в том положении, чтобы заключать такие соглашения: «Нужно напомнить Турции, что если она не отвергнет требования Англии, Россия будет вынуждена возместить себе все те привилегии, которые будут предоставлены Лондону»³⁷⁷. Газета добавляет, что Турция не дала России контролировать «вход в Черное море», так что она не имеет сейчас права «делать из Египта английский бульвар в этой части Востока, которая так близка к нашим владениям». В конце 80-х гг. восточный аспект противостояния Англии и России сохранялся и влиял на отношение России к египетской проблеме.

Историк М. П. Хорник считает, что конвенция была искренней попыткой англичан выйти из египетского кризиса³⁷⁸. По мнению исследователя, Солсбери сделал серьезный шаг в сторону решения проблемы, предлагая интернационализацию Египта. Желание премьер-министра решить египетский вопрос было вызвано «сближением России и Франции, которое именно тогда впервые стало явным и публичным».³⁷⁹ Об этом писал и другой историк У. Ланджер в книге, посвященной истории русско-французского альянса³⁸⁰.

---

³⁷⁴ Chonski de S. Op. cit. P. 170.

³⁷⁵ Ibid. P. 177.

³⁷⁶ Ibidem.

³⁷⁷ Ibidem.

³⁷⁸ Hornik M. Op. cit. P. 599.

³⁷⁹ Ibidem.

³⁸⁰ Langer W. The Franco-Russian Alliance. Cambridge, 1929. P. 92.

25 мая русский посол в Лондоне Стааль послал в Петербург письмо, информирующее о том, что Англия и Турция подписали конвенцию по Египту.³⁸¹ Стааль, как истинный дипломат, был очень аккуратен в своих оценках: «Большая часть статей требуют одобрения Европы. Было бы преждевременно высказываться по поводу всего комплекса мер, которые предусмотрены для того, чтобы подействовать на международную ситуацию в Египте... Вероятно, державы по-разному отнесутся к изменениям, которые будут происходить в египетской политике»³⁸². Любопытно, что Стааль не показал всю двусмысленность конвенции, которая под видом эвакуации давала англичанам право остаться в Египте на долгие годы и вызвала гнев российских и французских дипломатов. Стааль там же добавил, что необходимо ждать французской реакции и не выступать первыми с заявлениями. Через месяц он снова вернулся к теме конвенции. Посол подчеркивал, что «на данный момент, разговор не идет просто о проекте»³⁸³. Его судьба, по мнению Стааля, будет во многом зависеть от того, что решит Европа и, в частности, от решения Франции. Он также пишет, вероятно, не без сожаления, что по мнению английских изданий, Россия куда более враждебна по отношению к конвенции, чем Франция³⁸⁴. Как себя поведет Франция, Стааль точно не знает, но предполагает, что существенную роль в данной ситуации могут сыграть финансисты. Их влияние, по его мнению, может отразиться на политике Франции³⁸⁵. Посол пишет про высокопоставленных держателей египетских активов, которые попытаются сделать все, чтобы избежать любых потрясений, способных затронуть египетский долг³⁸⁶. В Лондоне, по словам Стааля, букмекерские конторы принимали ставки на то, как отреагирует Франция. Настолько ее реакция казалась англичанам непредсказуемой. Без сомнения, посол в Лондоне, находился под влиянием местных политических элит.

---

³⁸¹ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 66. Л. 136.

³⁸² Там же. Л. 136 – 138.

³⁸³ Там же. Л. 158.

³⁸⁴ Там же. Л. 159.

³⁸⁵ Там же. Л. 159.

³⁸⁶ Там же. Л. 160.

Британская пресса в этот период писала о том, что Париж и Петербург согласовали свои действия и выступают против Лондона единым фронтом³⁸⁷. Влиятельное британское издание *The Times* уверяло, что французский посол имел длительную беседу с турецким визирем, который уже до этого был информирован о том, что Россия будет противостоять конвенции. В ход пошли угрозы сразу с двух сторон: в случае, если договор будет ратифицирован, Франция грозила Турции оккупировать Сирию, а Россия — Армению. К сожалению, неизвестно, насколько достоверна была информация, напечатанная *The Times*, однако очевидно, что отмеченные территории действительно входили в сферы интересов двух держав. В середине июля 1887 г. (то есть через два месяца после подписания) стало понятно, что идея конвенции полностью провалилась³⁸⁸.

Давление со стороны Франции и России оказалось настолько сильным, что «даже сторонники правительства в Англии заранее смирились с возможным проигрышем их премьер-министра»³⁸⁹. В тяжелом положении находились не только англичане, но и турецкий султан. Во дворце ходили слухи, что его вынудили принять предложение англичан, иначе ему грозили потерей трона³⁹⁰. Султану пришлось отказаться от ратификации договора: угрозы двух крупнейших игроков на Востоке возымели свой эффект.

Солсбери был взбешен: в особенности, его разозлила позиция французов. «Они самые неразумные люди, о которых я когда-либо слышал или представлял себе», — говорил премьер-министр³⁹¹. Любопытно, что премьер-министр винил во всем скорее Россию, а Франция, на его взгляд, шла у русских на поводу.

Однако, нет сомнений, что в самой Франции был решительный настрой в египетском вопросе³⁹². Англичане оставались в Египте, но необходимость

---

³⁸⁷ Там же. Л. 181.

³⁸⁸ Affaire d’Egypte. Doc. 62, 67.

³⁸⁹ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 66. Л. 179.

³⁹⁰ DDF. Série I. T. 6. Doc. 55.

³⁹¹ Hornik M. P. Op. cit. P. 609.

³⁹² «Feycinet was absolutely determined to make life of the English in Egypt not worth living» (Hornik M. P. Op. cit. P. 610).

постоянно оправдываться перед Европой и обещать скорейшую эвакуацию своих войск никуда не исчезла. Державы отказались признавать официально привилегированные позиции Британии в нильской долине. Очередное обещание сделал и сам Друммонд-Вольф в 1887 г., подчеркивая, тем не менее, роль Британии как державы, ответственной за благополучие Египта: «Правительство Ее Величества отрицает всякое намерение аннексировать Египет или установить там свой протекторат. Уже несколько раз мы выдвигали идею, что Англия должна оккупировать Египет на временной основе, но это было бы нарушением традиционной британской политики и отказом от обязательств, взятых перед султаном, а также международным сообществом»³⁹³.

Франция и Россия одержали первую серьезную победу в египетском вопросе. Таким образом, к концу 80-х годов интересы двух держав в Египте значительно совпадали. Более того, часто инициатором противостояния британской оккупации, как в случае с миссией Друммонд-Вольфа, выступала не Франция, которую принято представлять непримиримым соперником Великобритании, а Россия. Свою роль в становлении конфликта Англии и Франции сыграла и Германия: оказывая поддержку Франции сразу же после оккупации и вселяя в нее надежду на возможность заставить британцев эвакуировать Египет, Бисмарк пытался достичь своей давней мечты — столкнуть англичан и французов и склонить Британию к союзу. Турция, изначально представлявшая угрозу в глазах французов, в начале 80-х годов стала временным союзником в борьбе против британской оккупации. Однако султан был недостаточно силен, чтобы участвовать в играх европейской дипломатии на равных — кризис, связанный с подписанием конвенции Друммонда-Вольфа, продемонстрировал непрочность позиций Турции, которая постепенно теряла вес в египетском вопросе.

Великобритания, в свою очередь, была вынуждена идти на определенные уступки державам, чтобы получить их согласие в Кассе

---

³⁹³ Documents diplomatiques concernant l’Egypte de Mehemet –Ali jusqu’en 1920. Paris, 1920. P. 48.

египетского долга. На наш взгляд, эвакуировать свои войска в начале 1880-х гг. она не могла, так как в стране начался бы хаос, а во второй половине 1880-х гг., с приходом лорда Солсбери, уже не намерена была этого делать.

Глава 2. Египетский вопрос и его место в перегруппировке сил в Европе в конце 1880-х — начале 1890-х гг.

2.1. «Египетский след» в Средиземноморской Антанте 1887 г.

Провал конвенции Друммонд-Вольфа и ряд уступок англичан в египетском вопросе показали, что совместные франко-русские действия могут быть достаточно эффективными. В одиночку Англия едва ли могла им что-либо противопоставить. Известно, что Солсбери как-то сказал в сердцах: «Как бы я хотел, чтоб мы никогда не посылали отрядов в Египет!»³⁹⁴. После того, как Франция и Россия сорвали подписание конвенции Друммонд-Вольфа в 1887 г., англо-турецкие переговоры были возобновлены уже в 1888 г. Об этом в своем секретном послании из Константинополя сообщал французский посол Монтебелло³⁹⁵. Турки пытались договориться с английским правительством неофициально, через сына лорда Солсбери, который в это время прибыл в Константинополь «на каникулы». Турецкий султан призывал британское правительство к урегулированию проблемы вывода английских войск из Египта. Официально англичане не реагировали на турецкие предложения, однако тайные англо-турецкие переговоры действительно имели место, правда, они так и не принесли никакого результата.

Чем быстрее Франция и Великобритания отдалялись друг от друга, тем чаще они искали поддержки у Германии. Последняя хоть и заигрывала с Францией, но всегда понимала, что политический и военный союз между двумя странами невозможен. Во Франции после падения кабинета Ж. Ферри в 1885 г. к власти пришли правые, выступающие против какого-либо сотрудничества с Германией. В это же время на политической арене появился генерал Ж. Буланже, призывающий французскую нацию к реваншу за

---

³⁹⁴ Foundations of British foreign policy. P. 423.

³⁹⁵ DDF. Série I. T. 7. Doc. 93.

поражение во франко-прусской войне. Все это создавало напряжение в отношениях Парижа и Берлина.

Параллельно с конца 1880-х гг. постепенно наблюдалось сближение Англии и Германии, инициированное лордом Солсбери, с одной стороны, и «железным канцлером», — с другой. Лондон хотел укрепить свои позиции в Египте, а Германия казалась в этом деле подходящим партнером. Особую роль сыграла гибкая политическая линия, проводимая Солсбери, который летом и осенью 1885 г. «усиленно обхаживал Бисмарка»³⁹⁶.

Сближение двух стран отразилось в заключении Средиземноморской Антанты в 1887 г. Советский историк Н. А. Ерофеев писал, что Англия, приверженная политике «блестящей изоляции», пошла на соглашение из-за напряженности в отношениях с Францией в Египте. «Несмотря на рост англо-германских противоречий в связи с борьбой за колонии, английское правительство продолжало считать своим главным противником Францию»³⁹⁷, - отмечал Ерофеев. Свою роль сыграла и временная, но ощутимая изоляция Британии на международной арене, вызванная отчуждением Германии. Охлаждение в англо-германских отношениях проявилось на конференциях середины 80-х, в частности, в решениях Берлинской и Лондонской конференций 1884 г. Любопытно, что сама Германия в Средиземноморской Антанте не участвовала: в нее вошли Австро-Венгрия и Италия, находящиеся в военно-политическом союзе с Берлином. Как такого договора подписано также не было - державы лишь обменялись нотами в 1887 г.

Основной декларируемой целью Средиземноморской Антанты было сохранение статус-кво в Средиземном, Адриатическом, Эгейском и Черном морях. Она имела двойную направленность. С одной стороны, Австро-Венгрия хотела придать договоренностям 1887 г. антирусский характер. С другой стороны, итальянцы, являвшиеся французскими конкурентами в Средиземноморье, стремились сотрудничать с Англией против Франции. В

---

³⁹⁶ Монархи, министры, дипломаты ... С. 172.

³⁹⁷ Ерофеев Н. А. Указ. соч. С. 154.

обмен на поддержку в египетских делах, Солсбери был готов посодействовать Италии в ее притязаниях на Триполи³⁹⁸. Средиземноморская Антанта, по мнению историка Тэйлора, «защищала английские интересы в Египте, итальянские интересы в Триполи и интересы всех трех держав в Константинополе»³⁹⁹. Впрочем, ее значение и влияние в международных делах было ограниченным.

Солсбери, будучи талантливым дипломатом, весьма умело обставил участие Англии в этом соглашении. Великобритания «вольнo трактовала свои обязательства, оговорив право устанавливать характер отношений со своими партнерами в зависимости от обстоятельств»⁴⁰⁰. Так, военное вмешательство англичан на стороне членов Антанты фактически сводилось на нет целым рядом оговорок, которые внесло в соглашения английское правительство. Солсбери в письме королеве Виктории сообщал о встрече с итальянским представителем, передавшим ему меморандум. В нем «было предложение альянса на случай войны с Францией», точнее «документ заканчивался предложением каждой державе предоставить морскую помощь в случае войны одной из них с Францией». На это премьер-министр ответил, что, во-первых, «Англия никогда не обещала материальную помощь в случае какой-то неопределенной войны, причины и цели которой неизвестны», а во-вторых, «любое обещание, даже дипломатического сотрудничества, не может быть направленно против одной единственной державы, как, например, Франции»⁴⁰¹. Солсбери подчеркивал, таким образом, отсутствие постоянных союзников и постоянных врагов у Великобритании. Кроме того, британский премьер-министр очерчивал определенные границы соглашения, отмечая, что «характер этого сотрудничества должен быть решен ими (участниками соглашения. — А.А.),⁴⁰² когда появится в этом необходимость, в зависимости

---

³⁹⁸ Тэйлор А. Дж. П. Указ. соч. С. 328.

³⁹⁹ Там же. С. 330.

⁴⁰⁰ Романова Е.В. Указ. соч. С. 63.

⁴⁰¹ Foundations of British foreign policy. Doc. 175.

⁴⁰² Насчет того, кого подразумевает Солсбери, говоря «они», А.Дж. П. Тэйлор высказывает мысль, что сам Солсбери понимал под словом «они» англичан, а итальянцы по своей наивности считали, что Солсбери имеет в виду английское и итальянское правительства.

от сложившейся ситуации»⁴⁰³. Таким образом, членство Великобритании в Средиземноморской Антанте знаменовало временное сближение с Германией и в то же время не изменило традиционной политике «блестящей изоляции». Кроме того, договоренности Англии с Италией и Австрией мешали сближению двух последних с Францией и Россией в случае, если интересы этих держав совпадут. Не случайно Солсбери утверждал потом, что Средиземноморское соглашение предотвратило создание континентальной коалиции европейских держав против Англии⁴⁰⁴.

Как нам кажется, вероятность формирования континентального союза на тот момент была невелика: Франция, Германия и Россия не могли объединиться против Великобритании хотя бы потому, что в январе 1887 г. произошла очередная «военная тревога», напомнившая Франции о франко-прусской войне и постоянной угрозе со стороны Рейна. Средиземноморская Антанта для Англии была скорее методом перестраховки. Впрочем, истинные намерения Солсбери до сих пор вызывают споры среди историков⁴⁰⁵.

Солсбери не мог быть уверен в том, как будет дальше развиваться германская политика. Британского премьера волновала позиция принца Вильгельма, который в скором времени должен был наследовать трон. Несмотря на все сомнения, слух о налаживании более тесных отношений между Германией и Англией распространялся быстро. В январе 1887 г.

---

⁴⁰³ Foundations of British foreign policy. Doc. 176.

⁴⁰⁴ Тэйлор А. Д. П. Указ. соч. С. 332.

⁴⁰⁵ Историк Г. Холборн считает, что Германия стремилась создать Средиземноморскую Антанту против России (Holborn H. Op. cit. P. 248.). В противостоянии с Санкт-Петербургом Берлину нужна была поддержка: Австро-Венгрия была в этом случае естественным, но недостаточно могущественным союзником. Интересы другого германского союзника Италии никогда не сталкивались с русскими интересами, зато Англия, главный российский противник в Азии, была идеальным претендентом на эту роль. По мнению Холборна, Англия согласилась на Антанту не из-за Египта, а под давлением Бисмарка, который отказался противостоять России на Балканах и в Проливах, в случае, если Солсбери не подпишет Антанту. Биограф английского дипломата сэра Эдварда Грея Ф. Г. Хинслей видит в Средиземноморской Антанте не столько англо-германское сближение, сколько англо-австрийское желание потеснить Россию на Балканах (Hinsley F.H. British Foreign Policy Under Sir Edward Grey. Cambridge, 1977. P. 165). Существует и третья точка зрения, которую выразил исследователь В. Н. Медликот в своей статье, посвященной Средиземноморской Антанте. По его мнению, соглашения, которых достигли три державы, были в равной мере направлены против России на Балканах и против Франции в Северной Африке (Medlicott W.N. The Mediterranean Agreements of 1887//The Slavonic Review. Vol. 5. No. 13, 1926. P. 66). На наш взгляд, точка зрения Медликота максимально верно отображает положение дел в конце 80-х годов на европейской арене, где державы противостояли друг другу сразу на нескольких фронтах. Медликот отмечает, что Англия была, возможно, даже больше заинтересована в сближении с Италией, чем с Австрией, потому что Австрия была не столь эффективным партнером на Востоке.

русский посол в Лондоне направил письмо в Петербург о вероятном сближении Англии и Тройственного союза. В числе прочего, дипломат обращал внимание на риторику джингоистской прессы. В статье, подписанной влиятельным британским политиком Чарльзом Дилком, утверждалось, что в случае войны с Россией Англия окажет всяческую помощь Австрии⁴⁰⁶. Официальный Лондон не подтвердил информацию, но сама идея возможного альянса витала в воздухе, а слухи о скорейшем его заключении становились все более частыми.

Несмотря на то, что Германия, инициировав Средиземноморскую Антанту, выступила во многом против России, отношения двух держав постепенно возвращались в нормальное русло. Через несколько месяцев после обмена нотами в феврале — марте участницами Средиземноморской Антанты, Россия и Германия 18 июня 1887 г. в Берлине подписали договор о перестраховке. С российской стороны переговоры вели братья Шуваловы — Петр, посол в Берлине, и Павел, а с немецкой — Герберт Бисмарк, статс-секретарь министерства иностранных дел и старший сын Отто фон Бисмарка. Страны обязывались соблюдать благожелательный нейтралитет, если одна из них вступит в войну с третьей державой. Договор, однако, не распространялся на случай, если Германия нападет на Францию, а Россия — на Австро-Венгрию. Германия также признавала «исторические права» России на Балканах. Соглашение содержало и секретную часть, в которой Бисмарк обещал России благожелательный нейтралитет в случае, если Россия решит «принять на себя защиту входа в Черное море» для «сохранения ключа к своей империи», то есть, если Петербург захочет блокировать проливы Босфор и Дарданеллы. По сути, договор о перестраховке был последней попыткой Бисмарка помешать формированию русско-французского союза, контуры которого начали складываться в середине 80-х.

---

⁴⁰⁶ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д.. 66. Л. 48.

2.2. Восточная политика и становление русско-французского союза 1891-1893 гг.

Формирование европейских союзов, сближение держав или охлаждение их отношений – все это были процессы, которые происходили вдалеке от Каира, но при этом оказывали непосредственное влияние на развитие самого египетского вопроса, который был одной из причин того, что Британия искала поддержки Германии, а Франция начинала сближаться с Россией. При этом договоренностей было столько и связи между державами зависели от такого количества факторов, что путаница и противоречия были неизбежны. Так, соглашения, инициированные Германией, – Средиземноморская Антанта и договор о перестраховке – несколько противоречили друг другу. В первом случае, Бисмарк давал молчаливое согласие на антироссийские планы Австро-Венгрии и Британии в Проливах, во втором – толкал Петербург на их завоевание. Впрочем, договор о перестраховке скоро потерял свою силу – в 1890 г. его действие истекло, а новый канцлер Лео фон Каприви отказался его продлевать.

При этом внешнеполитический курс России по-прежнему определяли германофилы. Прогерманские настроения разделяли и министр иностранных дел Гирс и его заместитель Ламздорф⁴⁰⁷. Гирс всегда относился со скепсисом к французским требованиям в египетском вопросе. Он также считал, что Франция упустила свой шанс: «Что касается Франции, то она заинтересована в Египте в силу сложившейся традиционной политики и большого числа частных интересов, связанных с Египтом. Франция имеет славное прошлое, от которого она не станет отказываться. Она могла бы поддержать свое влияние с нашей помощью, но не сумела сделать этого. Не нам исправлять ее

---

⁴⁰⁷ Николай Карлович Гирс происходил из старинного шведского дворянского рода. Он принял российское подданство только в 1857 году. Владимир Николаевич Ламздорф происходил из остзейского дворянства (балтийские немцы). Оба были сторонниками союза с Германией.

политические ошибки. Что же касается частных интересов, то все, кроме Суэцкого канала, авантюрные и в целом не достойные уважения»⁴⁰⁸.

Про англичан Гирс думал не лучше: «С терпением и настырностью, которая характеризует эгоистичную политику этой островной державы, она всегда преследовала свою цель — помешать распространению нашего влияния на Черном море... На дружбу Англии рассчитывать нельзя; она может ударить по нам повсюду при помощи континентальных союзов, в то время как мы не можем ее атаковать нигде»⁴⁰⁹.

Но египетский вопрос внес коррективы в баланс сил, считал Гирс: «Ход событий значительно изменил сферу английских интересов. Теперь они сосредоточены в основном в Египте и в Суэцком канале. Наши — остаются на Балканском полуострове и в проливах, и обоснованы не амбициями, а необходимостью гарантировать нашу безопасность и развивать интересы. Эта ситуация благоприятствует сближению между двумя странами»⁴¹⁰. Впрочем, вряд ли Гирс действительно считал, что сближение в тот период было возможно. Этот отрывок еще раз доказывает его желание показать, что союз с Францией не столь обязателен в условиях, когда Англия так плотно занята Египтом и не в состоянии противостоять России в проливах в полной мере.

В то же время в ближнем кругу царя все больше распространялись антигерманские настроения. Ближайший советник, глава Синода и наставник Александра III Константин Петрович Победоносцев и главный редактор *Московских Ведомостей* М. Н. Катков считали, что России нужно было сближаться с Францией. Оба, при этом, недолюбливали Францию и были убежденными монархистами и консерваторами. «Я до смерти ненавижу Францию, потому что она всегда была и остается очагом либеральной и революционной пропаганды. Но сегодня Германия и Австрия угрожают России, и альянс с Францией кажется неприятной необходимостью»⁴¹¹, - писал Катков. В.Н. Ламздорф отмечал в своем дневнике озабоченность Гирса

---

⁴⁰⁸ Giers K. Op. cit. P. 184.

⁴⁰⁹ Ibid. P. 180

⁴¹⁰ Ibid. P. 181.

⁴¹¹ Michon G. L'alliance franco-russe, 1891-1917. Paris, 1925. P. 3.

ростом влияния Каткова на царя. Ламздорф с недовольством писал, что царь очень плохо настроен по отношению к германскому императору. Александр III презрительно называл своего дальнего родственника «мальчишкой» и отказывался нанести ему ответный визит в Берлин в 1890 г.⁴¹². «Они его вассалы, пусть они к нему и едут. Я этого делать не буду!», — в сердцах сказал император в ответ на замечание, что монархи Австро-Венгрии, Италии, Швеции и Дании недавно были с официальными визитами в Берлине⁴¹³. «Какое красивое отношение к своему датскому тестю», — иронизировал в дневнике Ламздорф, который не только не одобрял политику царя, но и недолюбливал его как человека. Несколько раз помощник Гирса называл императора «коронованным дураком» и «сумасшедшим монархом»⁴¹⁴. Ламздорф был под влиянием молодого кайзера Вильгельма, который, по его мнению, «представлял реальную силу», и которого «уважала вся Европа и весь мир!»⁴¹⁵.

Американский дипломат Джордж Кеннан, помимо своей основной работы, занимался историческими исследованиями и выпустил несколько монографий, в том числе об истории русско-французского союза. Он писал, что «царь Александр III был человеком сильных привязанностей и таких же сильных антипатий»⁴¹⁶. Когда в 1882 г. умер Гамбетта и русского представителя пригласили на светские похороны, он запретил ему участвовать в церемонии и в сердцах написал на депеше «Собаке собачьи похороны»⁴¹⁷. Заподозрить во франкофильстве императора было сложно. Кстати, именно он впервые настоял на том, чтобы внутренняя переписка во внешнеполитическом ведомстве велась по-русски. Правда, несмотря на царские указания, дипломаты продолжали часто писать по-французски: так сильна была привычка, да и знание французского у представителей высшего света часто

---

⁴¹² Ламздорф В.Н. Дневники, 1886 – 1890. Москва, 1926. С. 184.

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ Там же. Введение.

⁴¹⁵ Там же. С. 187.

⁴¹⁶ Kennan G. The Decline of Bismarck's European order: Franco-Russian relations, 1875-1890. Princeton, 1979. P. 60.

⁴¹⁷ АВПРИ. Посольство в Париже, ф. 187, оп. 524, д. 1947.

было чуть ли не лучше, чем родного русского. Но самую сильную и неизменную неприязнь он испытывал к своему дальнему германскому родственнику — императору Вильгельму II. Про главного царского дипломата Гирса Кеннан писал, что он был не столько прогерманский, сколько опытный политик⁴¹⁸. Кеннан не отрицает, что Гирс стремился всячески наладить и улучшить отношения с Германией. Впрочем, последнее слово всегда оставалось за императором — в дипломатическом ведомстве в том числе: Гирс был больше исполнителем воли Александра, нежели самостоятельным сильным дипломатом, какими были его знаменитые предшественники — А.М. Горчаков и Н.П. Игнатьев. В отдельных случаях большую роль в дипломатическом процессе играли также послы, как Артур Павлович Моренгейм⁴¹⁹.

Во Франции относились к русским как к потенциальным союзникам не менее скептически. Монархическая Россия, часто представляемая на Западе как деспотия, была не самым желанным другом для республиканской Франции. Впрочем, геополитические интересы всегда были важнее. История с министром Шарлем Флоке стала наглядным тому примером.

В декабре 1886 г. Фрейсине ушел в отставку с поста министра иностранных дел. На его место был назначен Флоке. Его кандидатура была плохо встречена в Санкт-Петербурге. Еще в 1867 г. во время визита царя Александра II в Париж во Дворце правосудия Флоке, находясь среди присутствующих официальных лиц, закричал «Да здравствует Польша!», что вызвало дипломатический скандал. Теперь, когда он возглавлял внешнеполитическое ведомство, дальнейшее сближение между двумя странами были невозможно: еще сильна была память об антирусских взглядах Флоке. Поэтому вскоре после назначения Флоке вынудили подать в отставку, а его место занял Эмиль Флоранс — дипломат, положительно относящийся к России. С французской стороны альянс поддерживали, в основном,

---

⁴¹⁸ Kennan G. Op.cit. P. 67.

⁴¹⁹ Посол России во Франции, сыгравший значительную роль в заключении франко-русского союза.

реваншисты, потому что видели в нем возможность вернуть Эльзас и Лотарингию. К примеру, большая защитница русско-французского союза во французской прессе и публицистике Жульетт Адам была известна своим «страстным желанием реванша»⁴²⁰.

Именно на период Флоранса приходится одна из самых значительных побед русско-французского партнерства по египетскому вопросу – Константинопольская конвенция 1888 г. Идея нейтрализации Суэцкого канала была высказана в 1887 г. англичанами, в период подготовки конвенции Друммонд-Вольфа⁴²¹. Правда, тогда она была скорее уступкой Франции и России, которая должна была смягчить их отношение к подписанному соглашению. Конвенция так и не вступила в силу, но сама мысль, что канал нужно нейтрализовать осталась. Суть нейтрализации состояла в том, что суда всех государств должны быть равны в праве свободного прохода через канал как в мирное, так и в военное время — так, чтобы ни одна держава не могла блокировать или закрывать канал.

Французский журналист С. де Шонски писал по этому поводу в 1887 г.: «С французской точки зрения мы аплодируем этой мере (нейтрализации канала. — *А.А.*), на которой уже давно настаивает наше правительство, несмотря на то что последние события доказали иллюзорность такого плана... Мы считаем неприемлемым эту показную нейтрализацию канала (имеется в виду номинальное признание международного контроля над каналом и сохранение при этом последнего слова в вопросах управления канала за англичанами, желавшими узаконить свою оккупацию подписанием договора с Турцией. — *А.А.*) в то время, как Англия со своими отрядами сохранит Египет, а завтра и вовсе отнимет у Европы все те привилегии, которые она еще сохранила в Египте»⁴²². Предложения по нейтрализации, которые в 1887 г. внесла Великобритания, действительно содержали явные противоречия. В 4-ой статье конвенции было заявлено, что территория Египта суверенна. Между

---

⁴²⁰ Kennan G. Op. cit. P. 56.

⁴²¹ См. 109-111 стр. данной диссертации.

⁴²² Choncki de S. Op. cit. Pp. 164 —166.

тем, в той же самой конвенции отмечалось, что «в случае, если навигация по каналу будет прервана, державы, подписавшие конвенцию, будут иметь право переправлять свои войска по египетской территории из одного моря в другое, но держава, которая прибегнет к такой мере, не имеет права держать больше 1000 солдат одновременно на египетской земле; она также обязана информировать о высадке войск начальника порта через консула своего государства за 24 часа». «Сэр Друммонд-Вольф не слишком одарен логикой»⁴²³, — иронизировал французский журналист.

Несмотря на разное представление у французов и англичан о том, как должна будет выглядеть нейтрализация канала, переговоры о ней продолжились в следующем 1888 г. В итоге под давлением России и Франции Англия была вынуждена согласиться на нейтрализацию канала. 29 октября Россия, Германия, Австро-Венгрия, Франция, Великобритания, Италия и Турция подписали конвенцию, узаконившую свободный проход для всех кораблей через Суэцкий канал.

Первая статья гласила: «Морской Суэцкий канал будет всегда свободным и открытым, как во время мира, так и во время войны, для всех торговых и военных кораблей, вне зависимости от того, какой стране они принадлежат. Высокие Договаривающиеся стороны установили не чинить никаких препятствий для свободного использования канала, как во время войны, так и в мирное время. Канал никогда не будет подчинен интересам какого-либо блока»⁴²⁴. По 8-й статье конвенции, «представители подписавших конвенцию стран в Египте должны будут следить за исполнением конвенции. В любой ситуации, которая могла бы угрожать безопасности или свободному проходу по каналу, они должны собраться (достаточно созыва троих представителей) и приступить к изучению обстоятельств. Они обязаны представить факты правительству хедива, для того, чтобы оно приняло меры по защите и свободному проходу по каналу»⁴²⁵. В обычном порядке

---

⁴²³ Ibid P. 167.

⁴²⁴ Documents diplomatiques concernant l’Egypte de Mehemet-Ali... P. 197.

⁴²⁵ Ibid. P. 199.

представители держав должны были собираться раз в год для того чтобы «констатировать надлежащее исполнение договора». Кроме того, стороны, согласно 12-й статье, условились принимать «принцип равенства... по которому ни одна из держав не станет добиваться территориальных или торговых преимуществ и привилегий в решении международных вопросов, связанных с каналом». Между тем, права Османской империи как сюзерена были учтены отдельно⁴²⁶.

Конвенция имела еще большее влияние в связи с тем, что она не ограничивалась действием концессии на Суэцкий канал (99 лет). Решение англичан подписать конвенцию отражало важную тенденцию: Англия, находясь под русско-французским давлением, пыталась «интернационализировать» египетский вопрос, возможно, чтобы снизить сопротивление со стороны России и Франции – ведь Италия и Австро-Венгрия, которые также подписали конвенцию, за год до этого вместе с Англией вошли в Средиземноморскую Антанту.

Фактически это была полная победа «европейского концерта» в вопросе Суэцкого канала. Она существенно ограничивала свободу английского маневра — теперь, в случае военного конфликта, Англия не могла бы принимать решение о статусе канала в одиночку. На примере Константинопольской конвенции заметнее стало русско-французское сотрудничество. Оно было выгодно обеим сторонам. Россия, подпитывая франко-английские противоречия, только усиливала свои позиции на Востоке. Франция, со своей стороны, с помощью России чувствовала себя увереннее в египетском вопросе, а вскоре, не без помощи Санкт-Петербурга, стала задумываться о пересмотре статуса Египта.

В конце 1880-х годов Франция вернулась на международную арену в качестве влиятельной державы после поражения в войне с Пруссией. В 1885 г. французский дипломат Габриэль Шарм писал: «Внешняя политика Республики началась хорошо. Сблизившись с Англией, единственной

---

⁴²⁶ Documents diplomatiques concernant l’Egypte de Mehemet-Ali... P. 201.

державой, чья дружба не компрометирует ее, Франция одним махом расчистила до того мрачный горизонт в европейской политике и приобрела значительные выгоды в колониях... Достаточно было одного министерского кризиса, чтобы все остановилось. Разрыв этих отношений (очевидно, имеется в виду нежелание Палаты депутатов поддержать египетскую операцию в 1882 г. — А.А.) стоил нам Египта и все больших сложностей, с которыми мы сталкиваемся повсюду, в то время, как мы остаемся изолированными на континенте, где нам предлагали сомнительные альянсы, которые дорого обошлись Франции и до сегодняшнего дня ничего не принесли»⁴²⁷. Дипломат отражал настроения значительной части французской политической элиты, которая чувствовала необходимость выйти из этой изоляции. Говоря о сомнительных альянсах, Шарм, без сомнения, имел в виду временное сближение с Германией, которое не имело никакого дальнейшего развития и вызвало только недовольство в реваншистских кругах. Италия со времен оккупации Туниса находилась в очень напряженных отношениях с Францией. С Россией же у Франции не было непреодолимых противоречий. К тому же, в Египте франко-русское сотрудничество оказалось более чем эффективным.

Идея союза витала в воздухе еще в конце 1880-х годов. В 1888 г. публицист Поль Падер опубликовал брошюру под названием «Необходимость русско-французского альянса»⁴²⁸. «Англичане могут создавать нам сложности на Мадагаскаре, в Тонкине, Китае и открыто противостоять нашим интересам в Египте, — писал Падер, — В 1870 г. они забыли, что честь Англии была спасена французами у стен Севастополя, но они слишком политизированы, чтобы не понимать, что Германия, своей мощью и, в частности, распространением своего влияния в колониях, уже отняла у их страны половину престижа в Западной Европе»⁴²⁹. Падер поднимает сразу два волнующих французов вопроса — все возрастающая мощь Германии и английская угроза в колониях. Тональность высказываний Падера говорит о

---

⁴²⁷ Charmes G. Op. cit. P. III.

⁴²⁸ Pader P. Nécessité de l'alliance franco-russe. Toulouse, 1888.

⁴²⁹ Ibid. P. 6.

том, что автор куда более категоричен в своей неприязни к Германии, чем к Англии. Он вспоминает времена, когда Англия и Франция были союзниками, однако колониальный вопрос стал серьезной помехой на пути к примирению. Падер делает вывод о том, что, в силу сложившейся англо-французской неприязни в колониях, французам остается только союз с Россией, который необходимо заключить как можно быстрее. Публицист отмечает что, в случае войны Германия, по его мнению, оказалась бы зажатой между Россией и Францией как «железо между молотом и наковальней»⁴³⁰.

Возможность германской угрозы, без сомнения, была важной причиной заключения союза России и Франции. Но Тройственный союз не был единственным потенциальным источником опасности: общим врагом для русских и французов была и Англия. 9 августа 1891 г. министр иностранных дел России Гирс писал русскому послу в Париже Моренгейму: «Положение, создавшееся в Европе, в силу открытого... возобновления Тройственного союза и *более или менее вероятного присоединения Великобритании к политическим целям, преследуемым этим союзом* (курсив мой — А.А), вызвало... обмен мнений между французским послом и мною с тем, чтобы установить позицию, которая при нынешних условиях в случае возникновения известных обстоятельств была бы наиболее целесообразной для обоих наших правительств, которые, оставшись вне какого-либо союза ... Тем не менее искренне желают создать самые действительные гарантии для сохранения мира»⁴³¹. Основная опасность исходила от Германии, но что страшило державы больше всего, так это вступление Англии в военный союз с Германией. Свою роль сыграл и египетский вопрос, который в определенной степени подтолкнул Солсбери, столкнувшегося с объединенной франко-русской оппозицией, к Бисмарку.

Франции и России было необходимо объединиться перед лицом своих противников. В июле 1891 г. был заключен франко- русский консультативный

---

⁴³⁰ Ibid. P. 8.

⁴³¹ Международные отношения и внешняя политика...С. 23.

пакт⁴³². Летом 1892 г. был составлен проект военной конвенции. В конце декабря 1893 г. проект военной конвенции был одобрен Александром III, и скоро она была принята официально. В ней не говорилось ничего о поведении держав в случае военной опасности со стороны Англии, в то время как подобные ситуации с участием стран Тройственного союза подробно оговаривались⁴³³. Антигерманская направленность договора выражалась также в положении о том, что конвенция «будет иметь силу в течение того же срока, что и Тройственный союз»⁴³⁴. При этом антианглийская направленность договора существовала, но не бумаге, а в представлении самих современников о целях союза.

Французский посол Лабуей писал 5 августа 1891 г. министру иностранных дел Рибо: «Если я правильно понял, желание русского правительства заключается в том, чтобы придать нашему соглашению более широкий характер. Речь идет о том, чтобы обеспечивать мир не только в Европе. «Мир, — сказал мне Гирс, — может быть нарушен в Египте, Китае еще и для того, чтобы воздействовать на ситуацию в Европе. Я не говорю о Турции, потому что ее причисляют к европейским державам»»⁴³⁵. Посол добавлял: «Гирс считает, что было бы чрезмерным ограничением действия союза рассматривать только вариант, по которому мир будет нарушен по инициативе одной из держав Тройственного союза»⁴³⁶. Если судить по сообщениям посла, Гирс считал важным распространить союз и на вопросы, касающиеся восточной политики, а точнее придать ему антианглийскую направленность, в то время, как Франция не спешила распространять союз на колониальные вопросы. Гирс приехал в Париж в октябре 1891 г. Там он встретился с Рибо и обсудил перспективы и условия заключения альянса. Во время переговоров он подчеркнул, что нынешний интерес России находится

---

⁴³² DDF. Série 1. T. 8. Doc. 514, 515.

⁴³³ Международные отношения и внешняя политика...С. 25.

⁴³⁴ Там же. С. 26.

⁴³⁵ Welschinger H. L'alliance franco-russe: les origines et les résultats. Paris, 1919. P. 109.

⁴³⁶ Ibidem.

«больше в области английской проблемы, нежели германской».⁴³⁷ Еще одно доказательство в пользу того, что Россия была заинтересована в антианглийской и колониальной стороне союза.

Франция и Россия считали важным согласовать свои действия в Восточном вопросе. Рибо направил послу в Константинополе Полю Камбону инструкции, по которым тот был обязан отныне действовать в согласии со своим русским коллегой Александром Ивановичем Нелидовым⁴³⁸. Так Франция сделала существенный шаг в сторону установления сотрудничества с Россией в Восточном вопросе⁴³⁹.

Гирс составил для Нелидова длинную записку, где он представил свое видение развития франко-русских отношений на Востоке. В числе прочего, он отмечал важность баланса сил в Средиземноморье. «Было бы полезно брать также в расчет английские планы. Франция должна пытаться противостоять и остановить английскую экспансию в случае, если равновесие в Средиземноморье действительно пошатнется». Для России, писал Гирс, это вопрос первостепенный, потому что она «никогда не сможет отказаться от влияния в Средиземноморье и оставить всем остальным решать вопросы, от которых зависит наш проход в открытые моря, океан и наши владения на Дальнем Востоке»⁴⁴⁰. Гирс утверждал, что Россия и Франция на Востоке имеют общие интересы: «не позволить разделить Средиземноморье между членами Четверного альянса». Под Четверным альянсом Гирс имел в виду Тройственный союз и Англию, или же Средиземноморскую Антанту под эгидой Германии. Особое внимание Гирс уделял египетскому вопросу. Он замечал, что у России нет прямых интересов в этой стране, однако она готова,

---

⁴³⁷ Hogenhius-Seliverstoff A. Une alliance franco-russe: la France, la Russie et l'Europe au tournant du siècle dernier. Paris, 1997. P. 137.

⁴³⁸ А.И. Нелидов был известен, в первую очередь, как один из авторов Сан-Стефанского мирного договора 1878 г. Неслучайно Нелидова назначили в Константинополь: пост посла в Османской империи был в то время признанием заслуг и профессионализма дипломата.

⁴³⁹ Hogenhius-Seliverstoff A. Op. cit. P. 137.

⁴⁴⁰ Ibidem.

в случае необходимости, предоставить свою моральную поддержку Франции, «оставляя ей, конечно, главную роль, которая ей по праву принадлежит»⁴⁴¹.

В конечном итоге, мы видим, что для Гирса союз с Францией во многом направлен именно против Англии: «Египетский вопрос, в особенности, интересует французское правительство на Востоке и представляет первостепенное значение для Турции. Присутствие английских отрядов в долине Нила — факт ненормальный для Средиземноморья. Оно дает англичанам власть, которой пытаются воспользоваться их друзья и протече, в частности Италия. Интерес Франции заключается в том, чтобы поскорее положить конец этой оккупации, а наш — вернуть под управление султана одну из его важнейших провинций. Вам нужно будет договориться с Вашим французским коллегой относительно демаршей и рекомендаций, которые Вы будете предоставлять Порте или министрам, убеждая их, что султан должен помешать Англии превратить свою временную оккупацию в окончательное завоевание, а также найти возможность и заставить Англию отказаться от позиций, которые она заняла в Египте. При этом Вам совершенно необходимо избежать любого действия, которое потенциально может содержать угрозу конфликта»⁴⁴².

Рибо был воодушевлен депешами Гирса и декларируемыми намерениями русской дипломатии. Если судить по тону и содержанию записки, составленной для Нелидова, Россия стремилась показать Франции свою поддержку в египетском вопросе и еще больше мотивировала ее на пересмотр сложившейся на Ниле ситуации.

Почему же французская сторона так усердно пыталась избежать расширения предмета договора? В историографии указываются разные причины нежелания Франции официально ориентировать союз против Англии. Французский историк Пьер Ренувен считал, что Париж пытался сохранить чисто европейскую направленность альянса, потому что не хотел

---

⁴⁴¹ Nolde B. Op.cit. P. 646.

⁴⁴² Ibidem.

вмешиваться в случае чего в русско-австрийскую войну, которая могла со дня на день начаться из-за Балкан⁴⁴³. Американский историк Р. Браун объяснял это тем, что Франция не была готова поддерживать русскую экспансию на Дальнем Востоке, а Россия не могла содействовать французской колониальной политике в Африке⁴⁴⁴.

Р. Робинсон и Дж. Галлахер, наоборот, считают, что франко-русский союз создавал серьезную опасность для английской внешней политики, так как «поддержка русских помогала французам угрожать Англии на Ниле; а французская поддержка помогала русским грозить Британии в Проливах»⁴⁴⁵. Между тем, Борис Нольде, написавший классический труд по истории русско-французского альянса, утверждал, что «согласие, оставаясь оборонительным, устанавливало определенную солидарность в вопросах, связанных с Англией»⁴⁴⁶. А.З. Манфред отмечал, что договоренность «о согласованной и солидарной политике двух держав на Востоке» представляла важный аспект франко-русского соглашения⁴⁴⁷. В частности, оно предусматривало осуществление единой политики в «делах Турции, болгарском, египетском и др.».

На наш взгляд, негласная колониальная составляющая договора действительно существовала. На Кэ д'Орсэ были воодушевлены поддержкой России в Египте. Историк союза Анн Хогениус-Селеверстов подчеркивала, что именно на восточных вопросах Франция и Россия «тестировали» сближение и будущий союз⁴⁴⁸. Египет был идеальной площадкой для «испытания» возможного альянса – Россия там не имела прямых интересов, а Франция в начале 1890-х искала поддержку влиятельной державы.

---

⁴⁴³ Renouvin P. Les relations franco-russes à la fin du XIXème et au début du XXème siècle: Bilan des recherches // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 1. No. 1. Mai, 1959. P. 132.

⁴⁴⁴ Brown R. Op. cit. P. 75.

⁴⁴⁵ Robinson R., Gallagher J. Op. cit. P.347.

⁴⁴⁶ Ibid. P. 651.

⁴⁴⁷ Манфред А.З. Образование русско-французского союза. С. 338.

⁴⁴⁸ Hogenhuis-Seliverstoff A. Op.cit. P.139.

Однако первостепенной задачей было сопротивление Германии и Тройственному союзу. Франция не могла себе позволить упустить из виду то обстоятельство, что сосед перманентно грозил ей войной. При этом колониальные вопросы во многом сближали Францию и Россию – недовольство англичанами не могло не объединять две державы. Но прописывать это в договоре — значило бы брать на себя большую ответственность, особенно для Франции: если англо-французские отношения только вошли в фазу затяжного конфликта, то русско-английские были напрочь испорчены и в 1880-ые годы даже грозили войной во время кризиса на северной границе Афганистана.

Наиболее вероятно, что в тот момент Рибо казалось куда важнее заключить антигерманское соглашение, которое утвердило бы место Франции в Европе. Именно поэтому он и не хотел расширять зону действия союза. Кроме того, подписание договора, который распространялся бы еще и на Англию, было бы принято в штыки некоторыми политиками. Глава французской радикальной партии Жорж Клемансо, например, был большим противником альянса с Россией и не уставал писать антирусские статьи в газетах и журналах. Клемансо считал наиболее приемлемым союз с Англией, в частности, он поддерживал тесные связи с лидером британских радикалов Джозефом Чемберленом. В то время как Рибо вел переговоры с Гирсом, Клемансо пересек Ла-Манш, чтобы обсудить с Чемберленом сложившееся положение дел⁴⁴⁹. Клемансо надеялся получить поддержку Англии в вопросе «утерянных провинций», что успокоило бы французское общественное мнение, но Чемберлен намекнул, что это возможно только лишь в обмен на полную свободу в Египте и Ньюфаундленде. Без сомнения, цена за моральную поддержку в конфликте с Германией была слишком высока. Но Чемберлен на всякий случай решил поговорить о возможном сближении с Солсбери. Премьер-министр, желающий сохранять верность политике «блестящей

---

⁴⁴⁹ Nolde B. Op. cit. P. 609.

изоляции» и не видящий перспектив союза с Францией, ответил, что «предпочитает ждать, как Пенелопа, не заключая соглашений на будущее»⁴⁵⁰.

Против возможного сближения сыграла и настойчивость французов в египетском вопросе. Ставший уже традиционным для англо-французских отношений вопрос о выводе британских войск из Египта активно обсуждался в начале 1890-х гг.⁴⁵¹ Впрочем, как и ранее, никаких результатов переговоры Великобритании и Франции при участии Турции не принесли. Британское руководство привычно продолжало заявлять о скорой эвакуации своих военных сил, не называя при этом точных дат. В октябре 1894 года либерал сэр Генри Кэмбелл-Баннерман, который в то время занимал пост главы военного ведомства, в интервью *Neues Wiener Journal* заявил, что «оккупация Египта временная»⁴⁵². В том же ключе выражался Чарльз Дилк, который в октябре 1895 г. сказал: «Оккупация Египта — источник слабости для Англии. Так как у нас нет никакого интереса в том, чтобы там оставаться, нет также никакой причины не эвакуировать войска оттуда»⁴⁵³.

В то же время, британская администрация под руководством Кромера, проведя целый ряд реформ, в том числе судебную, финансовую, аграрную, упрочила свое положение в Египте. В 1890 г. французский посол в Лондоне Ваддингтон писал в Париж: «Новость о том, что этот финансовый год Египет закрывает без долгов, оставляя некоторую, достаточно солидную сумму, стала поводом для английской прессы напомнить, что сделало правительство Королевы на берегах Нила за последние годы. Нет смысла писать о том, что все представлено в более чем оптимистичном виде и речь идет только об успешных предприятиях»⁴⁵⁴. Он цитирует также статью из либерального издания *Daily News*, в котором утверждается, что «бросить сейчас Египет или назначить окончательную дату эвакуации английских войск было бы преступлением»: «Уход англичан вызвал бы хаос. Было бы абсурдно думать,

---

⁴⁵⁰ Ibid. P. 612.

⁴⁵¹ Affaire d'Égypte. Doc. 375, 378, 380, 385.

⁴⁵² Documents diplomatiques concernant l'Égypte de Mehemet-Ali... P. 51.

⁴⁵³ Ibidem.

⁴⁵⁴ ADF. Angleterre, 1890. P. 300.

что Франция позволила бы оставаться Египту в таком состоянии, если бы Англия решила оттуда уйти»⁴⁵⁵. Одним словом, англичане были уверены, что как только они выведут из Египта войска, французы сразу же попытаются захватить там власть.

Между тем, в Египте местные элиты в начале 1890-х гг. все чаще начинали выражать недовольство французами. В 1890 г. арабская газета *l'Union Egyptienne* опубликовала статью с ироничным названием «Бескорыстность французов и жадность англичан»⁴⁵⁶. Автор статьи рассуждал об английском присутствии в Египте и французской позиции после оккупации 1882 г. Он подчеркивал: «Англичане, вероятно, народ жадный, всегда желающий заполучить что-то, но французы, можно ли считать их менее жадными? Мы не можем привести ни одного примера французской благотворительности на Востоке, если это, конечно, не несколько колледжей, основанных католиками для того, чтобы внедрять принципы, противные духу государства»⁴⁵⁷. В заключении автор писал: «Мы не англичане, не французы, не итальянцы, не русские, мы не принадлежим ни к одной из этих наций, чужих для нас. Мы дети Турции, поданные Египта, подчиненные законам Египта и покрытые его флагом»⁴⁵⁸. Дипломат, который цитирует этот отрывок из газеты, добавляет, что все остальные издания тоже враждебно настроены по отношению к Франции. По его мнению, такому настрою может быть два объяснения: во-первых, финансирование, которое британцы выделяют на местную прессу, а во-вторых, «практически полное исчезновение доверия» к французам. *The Egyptian Gazette* 27 апреля 1891 г. писала в резкой тональности: «Франция не должна забывать, что внутренние дела Египта никого не касаются, кроме Египта и Англии»⁴⁵⁹.

Без сомнения, газета, на которую мы ссылаемся выше, находилась под сильным влиянием британской администрации. Однако, оставив в стороне

---

⁴⁵⁵ ADF. Angleterre, 1890. P. 300.

⁴⁵⁶ ADF. Egypte, 1890-1891. P. 244.

⁴⁵⁷ Ibid. P. 246.

⁴⁵⁸ Ibid. P. 248.

⁴⁵⁹ Ibid. P. 340.

явную ангажированность египетской прессы, стоит сказать, что Франция действительно в этот период начала задумываться о том, как можно вернуть утраченные за предшествовавшие восемь лет позиции в Египте и в Нильской долине в целом. В 1890 г. был основан Комитет французской Африки. Одним из его виднейших участников стал известный журналист Гарри Элис⁴⁶⁰. Комитет протестовал против политического курса, который проводило министерство иностранных дел в африканских вопросах. Он получал также значительную поддержку от департамента по колониальным делам, главой которого в то время был Э. Этьен, убежденный сторонник французской экспансии⁴⁶¹. Интересно, что именно это общество в основном финансировало африканские экспедиции. Комитет был наиболее авторитетной из всех колониальных организаций во Франции. В 1893 г. в парламенте Этьен основал т.н. колониальную группу, которая объединяла представителей всех партий, сочувствующих колониальной идее (всего 91 члена парламента). В том же году была основана еще одна организация подобного толка — Колониальный союз. Далее в 1894 г. был создан Международный колониальный институт, а в 1899 г. — Морская и колониальная Лига.

Представление англичан о французском колониальном движении отличалось противоречивостью. С одной стороны, некоторые издания, например, журнал *The Nineteenth Century*, писали о том, что во Франции «колониальное движение не направляется и не контролируется хорошо информированным общественным мнением», «знания обычных французов о географии чрезвычайно ограничены», а также «нет организованной группы людей..., которая вдохновляла бы и занималась управлением колониями»⁴⁶². Вероятно, авторы статей ничего не знали о существовании вышеперечисленных влиятельных организаций, как Комитет французской

---

⁴⁶⁰ Позже станет известно, что Гарри Элис с конца 1891 г. стал наемным агентом бельгийского короля Леопольда. Именно Элис предложил Делькассе раздел долины Верхнего Нила между Францией и Бельгией. На это авантюрное предложение Делькассе ответил разумным отказом.

⁴⁶¹ В 1881 — 1919 гг. в парламенте был представителем французского Алжира. С 1887 и по 1892 гг. Этьенн занимал посты, так или иначе связанные с колониальными делами. В 1905 г. был назначен министром внутренних дел, а также дважды занимал пост военного министра (1905-1906, 1913).

⁴⁶² *The Nineteenth Century*. № 262. Dec., 1898. P. 901.

Африки и Колониальный союз или были необъективны в своих оценках. С другой стороны, о том, что колониальная группа во Франции играет центральную роль в формировании внешней политики и «иногда удерживает баланс сил в парламенте», писал *The Economist*⁴⁶³.

Возрождающаяся колониальная активность Франции приводила к еще большему ухудшению отношений с Британией. Серьезное обострение в англо-французских отношениях произошло в 1893 г. в связи с т.н. министерским кризисом в Египте. Суть его заключалась в том, что хедив, без предварительной консультации с генеральным консулом, снял четырех пробританских министров и назначил на их место политиков, которые ранее выступали против реформ Кромера⁴⁶⁴. Самовольный поступок хедива вызвал серьезное беспокойство в Лондоне. Непосредственным результатом кризиса стало увеличение британского военного контингента, что, в свою очередь, привело к протестам из Парижа. Там с еще большей уверенностью стали говорить о том, что Британия «не собирается исполнять свои обещания по эвакуации»⁴⁶⁵.

Без сомнения, заключение союза с Россией вдохновило Францию на активизацию колониальной политики, так как она сразу же почувствовала себе увереннее в Европе. Правда, отсутствие статьи, предусматривающей военную поддержку против Англии в военной конвенции, не пройдет бесследно и напомнит о себе уже через пять лет после заключения союза, в 1898 г., когда в далекой Африке разразится острейший Фашодский кризис.

---

⁴⁶³ The Economist. 26/02/ 1898. P. 306.

⁴⁶⁴ Affaire d’Egypte. Doc. 388

⁴⁶⁵ Ibid. Doc. 446.

Глава 3. Фашодский кризис 1898 г.: причины и последствия

3.1. Суданский вопрос и его роль в «битве за Африку»

В середине 1890-ых годов в Европе начали много говорить и писать о Судане. История этой страны была тесно связана с Египтом, а ее будущее не могло не волновать державы, заинтересованные в судьбе Верхнего Нила. Мы считаем необходимым обратиться к истории завоевания Судана в XIX в., без которой невозможно понять и причины Фашодского кризиса 1898 г.

Еще в 1820 — 1822 гг. турецко-египетская армия под руководством Исмаил-паши, внука правителя Египта Мухаммеда Али, завоевала весь Северный и Центральный Судан. Ранее малоизученный, в начале XIX в. Судан стал объектом многочисленных научно-исследовательских экспедиций⁴⁶⁶. В период египетского господства территория Судана, ранее раздробленная, превратилась в единую страну. В Судане активно проводилась политика «арабизации». Кроме всего прочего, Мухаммед Али начал приглашать в Судан в качестве советников европейцев, надеясь на то, что передовой опыт Европы поможет модернизировать страну. Эта практика постепенно превратилась в традицию.

Некоторые потомки Мухамедда Али, в частности его внук Исмаил, также придерживались этой точки зрения. Так, в 1869 г. С.У.Бейкер⁴⁶⁷ первым из англичан получил звание паши. В результате его похода были покорены южные области Судана и созданы провинции Бахр-эль-Газаль и Экваториальная. Первым губернатором Экваториальной провинции был назначен сам Бейкер. В 1874 г. генерал Гордон заменил Бейкера на посту губернатора Экваториальной провинции, а в 1877 г. он получил место

---

⁴⁶⁶ Большая часть географических открытий в Судане была сделана европейцами, которым активно содействовали турецко-египетские власти. Некоторые исследователи даже поступали на службу к каирскому правителю. Среди них были такие ученые, как русский Е.П.Ковалевский, англичанин С.У.Бейкер, француз А.Пене и т.д. Их научные достижения во многом и сделали возможным покорение Судана. В 1819 г. швейцарский востоковед и путешественник И.Л.Буркхардт издал книгу о своем путешествии в Нубию. Она подстегнула интерес европейцев к Судану.

⁴⁶⁷ Langer W. Op. cit. P. 105.

генерал-губернатора всего Египетского Судана. При Гордоне южными провинциями управляли люди, лично преданные генералу, в частности, немец Эдуард Шнитцер (Эмин-паша). Именно Бейкер и Гордон, «две выдающиеся личности», впервые серьезно обратили внимание английского общества на Судан⁴⁶⁸. Оба, находясь на службе у хедива, формально представляли интересы Египта, а не Британии. Однако «они, как и Родс, Лугард и другие в Африке или в любом другом месте, способствовали расширению британского влияния»⁴⁶⁹.

Назначение на высшие посты исключительно европейцев, многолетнее египетское владычество, нищета и постоянная борьба за власть вызывали недовольство в народе. Гордон в целом проводил политику, направленную на вовлечение Судана в орбиту британских интересов. Взимание налогов часто происходило при помощи военных карательных операций, которыми иногда руководил лично губернатор. Гордон фактически имел неограниченные полномочия, сравнимые с полномочиями верховного правителя. Непосредственным итогом его политики стали народные волнения, прокатившиеся по стране в 1877 — 1879 гг. В отличие от Египта, где к тому времени уже сформировался слой национальной интеллигенции, представленной офицерами-патриотами, в Судане выразителями протеста стали широкие народные массы. В 1879 г. Гордон приказал расстрелять плененных руководителей восстания. Это событие вызвало бурю возмущения и преподносилось исламскому обществу как акт вероломства со стороны христиан. В июле 1879 г. Гордон был отозван в Каир новым египетским хедивом Тевфиком. Волнения конца 1870-х гг. стали предвестниками т.н. восстания Махди, которое началось в 1881 г., за год до оккупации Египта англичанами. Оно сочетало религиозные устремления и недовольство народа внутренней политикой египетско-европейского правительства. Когда Мохаммед Ахмед ибн-Абдала, сын строителя лодок из Донголы, объявил в

---

⁴⁶⁸ Abbas M. Op. cit. P. 34.

⁴⁶⁹ Ibidem.

1881 г. в дни Рамадана, что он Махди-аль Мунтазар⁴⁷⁰, большая часть мусульманского населения, обозленная бедностью и произволом европейцев, выразила готовность пойти за самопровозглашенным пророком. Очень скоро армия Махди превратилась в грозную силу, намеревавшуюся положить конец египетскому правлению в Судане⁴⁷¹. После оккупации Египта ответственность за поддержание порядка в мятежной провинции легла на англичан, и в частности, на Кромера. Изначально он придерживался выжидательной политики, не желая вмешиваться во внутренние дела Судана, однако скоро ситуация вышла из-под контроля.

Положение стало критическим в 1883 г. — к этому времени уже значительная часть страны находилась под контролем повстанцев. В ноябре отряды Махди нанесли сокрушительное поражение египетской армии под командованием англичанина генерала Хикса у Шейкана (в Кордофана). Известие о поражении армии Хикса, которая считалась сильнейшей в Египте, вызвало беспокойство в правящих кругах. Эта победа дервишей произвела сильное впечатление не только на Египет — паломники шли к «мессии» со всего Магриба, для того чтобы приобщиться к его учению.

Британский министр иностранных дел Гренвилль в сложившейся ситуации выступал за оставление Судана, в противном случае Англии грозили большие финансовые расходы и людские потери. Еще до того, как новость дошла до Каира, Кромер в письме Гренвиллю (19 ноября 1883 г.) отмечал, что «состояние дел в Судане становится все более и более серьезным» и признавал, что «лучшим выходом для египетского правительства будет признать поражение и отойти к той позиции на Ниле, которую оно точно

---

⁴⁷⁰ В исламе Махди (араб. — «ведомый по пути Аллаха») считается последним преемником Пророка Моххамеда, своего рода мессией. В Коране нет упоминаний о Махди, однако сама идея мессии широко толкуется в хадисах. Еще в ранний период ислама Махди воспринимался в образе ожидаемого правителя, который восстановит первоначальную чистоту ислама. Более широкое распространение вера в Махди получила в шиизме, где Махди воспринимался как «сокрытый» двенадцатый имам. В ортодоксальном суннитском исламе Махди — потомок Пророка, который появится во время второго пришествия Исы (Иисуса) и станет одним из лидеров мусульманского мира. Восстание Махди в Судане в 1881г. было самым крупным в истории этого движения. В настоящее время культ Махди, помимо шиитов, исповедуют некоторые радикальные суннитские течения, в частности, в Египте.

⁴⁷¹ DDF. Série 1. T. 4. Doc. 370.

сможет удержать»⁴⁷². Кромер понимал ценность Судана и его стратегическое значение для Египта. Однако он понимал и другое: на тот момент у египетской армии в Судане практически не было выхода, она терпела одно поражение за другим, а других сил у Египта не было. Так что Кромеру пришлось согласиться с Гренвиллем.

За удержание Судана выступал генерал Бейкер, который позже в январе 1884 г. писал Кромеру: «Я верю, что потеря Судана будет катастрофой для Египта, и что расходы, необходимые для защиты собственно Египта, будут разрушительны для его финансового положения в будущем и обойдутся намного дороже, чем Судан в прошлом»⁴⁷³. Но заметим, что эта точка зрения была намного менее популярна в Англии, чем представление о необходимости вывести войска из мятежного края.

Суданский вопрос также был предметом активного обсуждения во французских дипломатических кругах. Посол Франции в Константинополе писал Ж. Ферри в ноябре 1883 г., что великий визирь высказал серьезные опасения по поводу сложившейся ситуации. Он боялся, что восстание Махди может быть использовано англичанами для отсрочки эвакуации британских войск из Египта⁴⁷⁴.

В то же время военный министр Генри Кэмпбел-Баннерман подчеркивал: «Мы намерены эвакуировать войска из Египта, как только он будет способен на самостоятельное управление и ситуация с Суданом не будет вызывать беспокойства. Мы не сможем оставаться в Египте бесконечно, не нарушив наши торжественные обещания и не став объектом презрения всей Европы»⁴⁷⁵. Уже из речи министра видно, что беспокойная ситуация в Судане являлась важным предлогом, оправдывающим, по мнению политиков, нахождение британских войск в регионе Нила.

---

⁴⁷² Cromer. Op. cit. Pp. 372 — 373.

⁴⁷³ Ibid. P. 376.

⁴⁷⁴ DDF. Série I. T. 5. Doc. 45.

⁴⁷⁵ Documents diplomatiques concernant l’Egypte de Mehemet-Ali... P. 51.

Тем временем в Лондоне было решено «рекомендовать оставление Судана вплоть до определенных границ»⁴⁷⁶. 4 января 1884 г. было официально объявлено об отзыве войск из Судана. Как отмечали современники, в это время «у Великобритании были другие задачи, куда более важные, чем крестовый поход в Судан»⁴⁷⁷.

Некоторые политики и общественные деятели в этот период отмечали, что суданский кризис был результатом политики Гладстона в регионе. Особенно активно мнение об ошибочности решений Гладстона в этом вопросе пропагандировал генерал Гордон, который в своем интервью *Pall Mall Gazette* (11 января 1884 г.) открыто обвинял английское правительство в некомпетентности, настаивая на том, что нужно было защищать Судан всеми методами. Разоблачительные статьи и речи Гордона в прессе принесли ему еще большую популярность в британском обществе. Однако примечательно, что во внутренней дипломатической переписке, которая не публиковалась в газетах, он был полностью согласен с решением бросить Судан на произвол судьбы и называл его «бесполезным владением»⁴⁷⁸. Точка зрения лорда Солсбери была куда более обоснована, чем показная риторика Гордона: он считал, что египетской армии в сложившейся ситуации в любом случае пришлось бы уйти из Судана, однако не стоило этого делать с такой шумихой.

У англичан прибавилось проблем, когда стало известно еще об одном восстании в Восточном Судане. Руководитель мятежа Осман Дигна был ярким последователем и учеником Махди. В апреле 1884 г. дервиши овладели Экваториальной провинцией, что фактически означало сокрушительное поражение египетской армии. Британское общество активно обсуждало происходившие в Судане события. Жесткой критике подверглись как центральные английские власти, так и местные египетские. В этой сложной ситуации на авансцену выступил не кто иной, как генерал Гордон. После ряда неудачных кампаний было решено окончательно вывести британско-

---

⁴⁷⁶ Cromer. Op. cit. P. 373.

⁴⁷⁷ Milner. Op. cit. P. 158.

⁴⁷⁸ Cromer. Op. cit. P. 390.

египетские войска из Судана. Для этого в Хартум следовало послать человека, который мог бы взять на себя организацию процесса вывода отрядов. Кромер считал, что эту миссию желательно возложить на египетского офицера, однако давление из Лондона с каждым днем все больше нарастало. Кромеру, несмотря на личную неприязнь, пришлось согласиться на назначение миссии Гордона в Судан. Впоследствии лорд Кромер замечал, что «правительство Гладстона совершило две большие ошибки в суданских делах в самом начале»: во-первых, «не сделало ничего, для того чтобы остановить отправление экспедиции Хикса», а во-вторых, «послало генерала Гордона в Хартум»⁴⁷⁹, человека чрезвычайно популярного и любимого британским обществом.

Миссия Гордона по организации эвакуации египетских отрядов также потерпела сокрушительную неудачу. 26 мая дервиши взяли штурмом г. Бербер. Связь между Хартумом и Египтом была прервана. Генерал Гордон в конце августа делал попытки перейти в наступление и вызволить солдат, однако силы были неравны, да и махдисты сражались с ожесточением, в то время как в египетских войсках царило отчаяние и усталость. В начале сентября армия генерала была разбита. Гордон отважно руководил обороной Хартума в течение 300 дней. В этих условиях 8 августа 1884 г. английский парламент решил организовать экспедицию по спасению Гордона, на которую было выделено 300 тыс. ф. ст.⁴⁸⁰. Семитысячный отряд опоздал всего на 2 дня, но они оказались роковыми.

25 января 1885 г. дервиши взяли Хартум. Они беспощадно истребляли противников. Генерал Гордон был убит. Его смерть оказала шоковое воздействие не только на Великобританию, но на всю Европу. Как справедливо отметил У. Ланджер, «трагедия гибели Гордона в Хартуме

---

⁴⁷⁹ Кромер. *Op. cit.* P. 428.

⁴⁸⁰ Парфенов И.Д. Указ. соч. С. 109.

парализовала общественное сознание более чем любое другое событие и породила огромный интерес к Судану»⁴⁸¹.

Правительство оказалось в весьма тяжелом положении. Французский посол в Лондоне Ваддингтон писал министру иностранных дел Франции Ж. Ферри в те дни: «Здесь царит испуг, враждебность по отношению к правительству Гладстона очень сильна»⁴⁸². Сам же Ферри отмечал, что «последствием этого события может стать передача Египта в руки англичан навсегда»⁴⁸³. Так, французы предполагали, что даже из этого трагического события англичане попытаются извлечь политическую выгоду.

На наш взгляд, главной причиной, вызывавшей столь живой интерес к Судану в первые годы после оккупации 1882 г., было стратегическое расположение страны, прямо на границах с Египтом, в регионе Верхнего Нила. Однако, вероятно, британцы сами до конца не были уверены в том, нужны ли им те обязательства, которые налагает на них обладание Египтом. А в этом случае было неразумно посылать дорогостоящие экспедиции, грозящие серьезными людскими потерями. Так, эвакуация Судана «была проведена с целью уменьшить ответственность Британии в Египте и усмирить радикалов в Палате Общин»⁴⁸⁴, которые выступали против дальнейшего вовлечения Англии в суданские дела.

С 1885 по 1898 гг. в Судане существовало государство махдистов, которое после смерти самого Махди (1885г.) возглавил его ближайший ученик Абдаллах. Махдисты провели коренные преобразования в стране, «результаты шестидесятилетнего египетского управления в Судане были стерты тринадцатую беспокойными годами махдистской теократии»⁴⁸⁵. Только в начале 1890-х годов английское руководство начало переосмысливать суданскую политику и формулировать планы по завоеванию Судана.

---

⁴⁸¹ Langer W. Op. cit. P. 82. Это трагическое событие привело к появлению таких произведений, как «Десять лет в плену у Махди» (1892) Орвальдера (эта книга за год выдержала 10 переизданий) и «Огонь и меч» (1896) Слатин-паши, которая пользовалась не меньшей популярностью.

⁴⁸² DDF. Série 1. T. 5. Doc. 560.

⁴⁸³ Ibid. Doc. 561.

⁴⁸⁴ The Cambridge History... P. 152.

⁴⁸⁵ Hill R. Egypt in the Sudan (1820- 1881). London, 1959. P. 167.

Английский историк Г.Н. Сандерсон писал о том, что завоевание этой территории было вопросом имперского престижа Великобритании⁴⁸⁶.

На Кэ д'Орсэ Судан рассматривался лишь как египетский протекторат. У французов не было никаких существенных интересов в этом районе, кроме разве что католических миссий, которые в Судане были не так многочисленны по сравнению с другими африканскими странами. Но Судан был тесно связан с Египтом, и как писал историк А.Дж.П. Тэйлор, «было невозможно отделить Верхний Нил от египетского вопроса»⁴⁸⁷.

Значительную роль в росте интереса к Судану сыграло исследование французского инженера Виктора Прома. 20 января 1893 г. Пром передал президенту Сади Карно отчет об исследованиях в регионе Верхнего Нила. Он утверждал, что если построить там дамбу, ее можно будет «использовать так, чтобы угрожать Египту засухой или же неистовым наводнением»⁴⁸⁸. Следовательно, для Египта это был вопрос не просто сельскохозяйственного значения — это был вопрос жизни всей страны. Во многом, именно поэтому «египтяне с самого начала национального движения выступали за абсолютную власть над Суданом»⁴⁸⁹. Обещания Прома произвели сильное впечатление на президента Карно, и он при встрече открыто ему сказал: «Нужно оккупировать Фашоду»⁴⁹⁰.

Французы надеялись за счет угрозы в Судане вернуть себе хотя бы частично утраченные позиции в Египте. Суданская активность Франции была серьезным инструментом давления на Англию в египетском вопросе. Не случайно один из активных французских колониалистов капитан Монтель признавал, что «Египет без Судана это бессмысленное владение»⁴⁹¹.

За период с 1893 по 1898 гг. правительство запустило целую серию африканских экспедиций в нильский регион, что стало прямым следствием

---

⁴⁸⁶ Sanderson G.N. England... P. 210.

⁴⁸⁷ Taylor A. J. P. Op. cit. P. 79.

⁴⁸⁸ Prompt V. Soudan Nilotique // Bulletin de l'Institut égyptien, III. Paris, 1893.

⁴⁸⁹ Abbas M. Op. cit. P. 73.

⁴⁹⁰ Monteil L. Souvenirs vecus. Paris, 1924. P. 67.

⁴⁹¹ DDF. Série I. T. 11. Doc. 165.

политики министерства колоний⁴⁹². Интересно, что именно в это время во Франции и Англии активно заговорили о планах построения сплошной цепи колониальных владений в Африке. Коротко английский план, автором которого был богатейший предприниматель Сесиль Родс, можно обозначить как К-К (Каир — Кейптаун), а французский — С-С (Сенегал — Сомали). Если внимательно очертить эти линии на карте Африки, то получится, что они неминуемо пересекутся в районе Судана.

В регионе Центральной Африки в тот период значительный вес имел бельгийский король Леопольд. Он был недоволен возросшим интересом Франции к Судану и прилегающим к нему территориям, в частности к бассейну Конго, который он считал своей зоной влияния. В этих условиях англичане, стараясь максимально изолировать французов в районе Верхнего Нила предприняли шаги по сближению с Брюсселем. 12 мая 1894 г. было подписано соглашение, по которому левый берег Нила вплоть до Фашоды на севере сдавался в аренду Леопольду на время его жизни. Территория Бахр-эль-Газала также отдавалась в аренду бельгийскому королю, но с возможностью продления договора после его смерти. Обе стороны были довольны заключенным соглашением. Король получил земли, которые казались ему чрезвычайно привлекательными, а Англия обезопасила эти территории от Франции, намереваясь вернуть их себе обратно через несколько лет.

Однако сразу же после подписания договора, Леопольд, опасаясь реакции Парижа, стал просить англичан отложить публикацию документа и держать его некоторое время в секрете. Скоро договор был несколько видоизменен. По новому договору Бельгия признавала британскую сферу влияния в районе Верхнего Нила, арендованные территории в целом остались теми же с незначительными переменами⁴⁹³.

Франция активно протестовала против этого договора⁴⁹⁴. Ее поддержала также и Германия. Но англичане не собирались идти на какие-либо уступки

---

⁴⁹² Brown R. Op. cit. P. 5.

⁴⁹³ DDF. Série I. T. 11. Doc. 109.

⁴⁹⁴ Ibidem.

Франции. Как отмечает А.Дж.П. Тэйлор, политику Британии в Африке в этот период направлял Перси Андерсон, специалист по африканским делам в Форин Офис. Андерсон считал, что добрососедские отношения с Францией не стоят того, чтобы жертвовать своим влиянием в Африке⁴⁹⁵. Аното, глава Кэ д'Орсэ, сразу же сообщил англичанам, что англо-конголезский договор просто уничтожит и без того напряженные англо-французские отношения⁴⁹⁶. Французы находились в тяжелом положении. Австро-Венгрия и Италия поддерживали Британию; Германия, хоть и осудила договор, но все же не собиралась приступать к решительным действиям против Англии. Подобным же образом, к глубокому разочарованию французов, себя вела и Россия. Французы решили дипломатическими методами мягко добиваться отмены некоторых статей договора, которые их особенно не устраивали. В частности, англичане отказались от статьи 3, согласно которой они арендовали у Леопольда небольшой район на территории бельгийского Конго.

Французы поняли, что намного эффективнее будет договориться с бельгийцами. В итоге Бельгия и Франция заключили соглашение, по которому урегулировали спорные вопросы в бассейне реки Конго, а Франция получила возможность продвигаться в район Верхнего Нила. Таким образом, Париж фактически обесценил значение англо-конголезского договора.

3.2. Англичане и французы на пути к Фашоде (1895 — 1898 гг.)

Но договор между Белигией и Францией вовсе не положил конец территориальным спорам в Африке. После вышеописанных событий англичане и французы приступили к переговорам по разграничению сфер влияния в районе Верхнего Нила. Но чем дальше они заходили, тем более непримиримой становилась британская позиция. Важнейшим успехом Англии было установление протектората в Уганде в 1894 г., после чего Розбери⁴⁹⁷ и

---

⁴⁹⁵ Taylor A. J. P. Op. cit. P. 60.

⁴⁹⁶ DDF. Série I. T. 11. Doc. 126.

⁴⁹⁷ Британский премьер- министр в 1894-1895 гг.

Андерсон «мечтали о том, чтобы продвинуться из Уганды в Фашоду и не хотели соглашаться даже на временную задержку»⁴⁹⁸.

Между тем, осложнения в англо-французских отношениях произошли в другом регионе Африки — к 1895 г. обострилась ситуация на Нигере. Пожалуй, именно с 1895 г. нужно вести отсчет событий, приведших непосредственно к Фашодскому кризису. Отражением этого процесса стала знаменитая речь Эдварда Грея⁴⁹⁹, произнесенная им 28 марта 1895 г. в Палате Общин. Современники, прочитавшие позже речь в газетах, считали, что она была вызвана слухами о готовящейся французской экспедиции в нильскую долину — ведь именно о ней Грей и говорил⁵⁰⁰. В то время много рассуждали об экспедиции Э. Монтея, которая была задумана для продвижения французских интересов в Верхнем Ниле, но так и не была отправлена. Говорили и о походе В. Лиотара, который как раз в это время находился в Африке. Французские планы вызвали жесткую реакцию британского правительства. Иногда речь Грея расценивают даже как завуалированное объявление войны. На наш взгляд, в этом утверждении есть некоторое преувеличение, однако общий тон выступления был и в самом деле жесткий.

Грей заявил, что «британская и египетская сфера влияния покрывают весь бассейн Нила»⁵⁰¹. Он предостерегал соперников: «Продвижение французской экспедиции с засекреченными инструкциями прямо из другой стороны Африки к территории, на которую, как известно, мы уже давно претендуем, было бы не только непоследовательным и неожиданным шагом, но, как это должно быть хорошо известно французам, будет недружественным актом, и именно так и будет восприниматься англичанами».⁵⁰² Французы чрезвычайно серьезно отреагировали на это выступление. Барон де Курсель в ответ на него заявил, что Франция считает речь Грея провозглашением всего

---

⁴⁹⁸ Taylor A. J. P. Op. cit. P. 72.

⁴⁹⁹ В 1892-1895 гг. Грей занимал пост заместителя статс-секретаря по иностранным делам.

⁵⁰⁰ Позднее в своих мемуарах сам Грей писал, что широкие полномочия ему были даны лишь в вопросе о Западной Африке, а его выступление про Верхний Нил на самом деле было чистой импровизацией (Grey E. Twenty Five Years, 1892-1916. London, 1925. P.18).

⁵⁰¹ Foundations of British foreign policy. Doc. 196.

⁵⁰² Ibidem.

бассейна Верхнего Нила английской сферой влияния. Аното старался наладить отношения и даже предлагал план по нейтрализации всей Нильской долины и создания для этого международной комиссии⁵⁰³, но оппозиция со стороны Комитета французской Африки не дала ему продвинуться дальше в своих инициативах.

И без того непростые отношения Англии и русско-французского союза осложнились из-за событий 1895 — 1896 г. на Востоке. В первую очередь, это было связано с армянским кризисом, в ходе которого десятки тысяч армян, подданных Османской империи, были вырезаны. В декабре 1895 — январе 1896 г. кабинеты Санкт-Петербурга и Парижа вели переговоры относительно Турции. 5 декабря 1895 г. глава русской дипломатии А. Б. Лобанов-Ростовский принимал у себя французского посла Монтебелло⁵⁰⁴. В ходе разговора они обсуждали возможность войны на Востоке, и Лобанов выразил надежду, что Франция, в случае чего, выступит вместе с Россией против Англии. В особенности, Лобанов подчеркивал, что «Англия, за которой, скорее всего, последуют Австрия и Италия, ищет возможности спровоцировать распад и раздел Османской империи»⁵⁰⁵. Глава французского дипломатического ведомства Ф. Бертело заверял, что в Париже осознают «тяжесть ситуации». Он также напомнил о том, что во французских интересах на Востоке — «сохранение нейтральности Суэцкого канала, эвакуация Египта и установление влияния в Сирии»⁵⁰⁶. Однако он давал понять своему коллеге, что помощь в Восточном вопросе стоит дорого: «Пересмотр вопроса, который с 1870 г. разделяет Германию и Францию, в глазах французского народа был бы единственным достаточным оправданием для участия в военных действиях»⁵⁰⁷. В дальнейших переговорах повторялась та же формула: «В случае ревизии Франкфуртского договора, военная помощь со стороны

---

⁵⁰³ Sanderson. England...P. 269.

⁵⁰⁴ ADF. Russie: politique étrangère, janvier 1896-janvier 1897. P. 73.

⁵⁰⁵ Ibidem.

⁵⁰⁶ Ibidem.

⁵⁰⁷ Ibid. P. 75.

Франции на Востоке была бы объяснима»⁵⁰⁸. Без сомнения, условие было скорее всего невыполнимым, в особенности в тот период. Кроме того, в Париже понимали и другое: Порты, как никогда, слаба, Россия и Англия сконцентрировали все свое внимание на Константинополе. Казалось, что момент пересмотра египетского вопроса настал.

В 1896 г. умер Лобанов. Его пост в январе 1897 г. занял граф М. Н. Муравьев. Во Франции его назначение было встречено с радостью. Акции на берлинской бирже в этот день упали — по всей видимости, Муравьева считали политиком антигерманского толка. В то же время его портрет появился на обложке одной из самых популярных во Франции газет *Le Petit Journal* с подписью «Друзья Франции». Однако удивительным образом, политик, от которого ждали профранцузского курса, постепенно стал смотреть с интересом в немецкую сторону.

В 1896 г. газета *Московские ведомости* писала про позицию Германии в Восточном вопросе: «В случае, если мир будет нарушен, престиж Германии уменьшится в пользу Англии, которая только и ищет возможности установить свое господство на берегах Босфора»⁵⁰⁹. Автор статьи уточнял, что намечающееся русско-немецкое сближение не должно никого пугать, и в первую очередь Францию: «Оно не несет никакой угрозы хорошим отношениям России и Франции»⁵¹⁰. В то же время Франция и Россия продолжали переговоры по Восточному вопросу. В конце декабря 1896 г. представители двух правительств, ощущая скорый конец Османской империи, обсуждали возможный раздел зон влияния. Согласно газете *Messenger Russe*, Франция «претендовала» на долину Нила и Сирию, Россия — Малую Азию и Проливы. Газета подчеркивала: «Константинополь и Проливы составляют наследство, которое обязательно должно вернуться России, когда наступит последний час для Турции, и мы не сможем позволить никому обосноваться

---

⁵⁰⁸ Ibid. P. 76.

⁵⁰⁹ ADF. Russie: politique intérieure (dossier général); juin 1895-juin 1896. P. 8. (Французские дипломаты привели полный текст статьи в донесении, отправленном из Петербурга в Париж).

⁵¹⁰ Ibidem.

на берегах, которые для нас священны»⁵¹¹. Автор добавлял, что Россия не потерпит «установления над Турцией финансовой опеки западных капиталистов»⁵¹². Вывод, который делало издание, символичен: «Франция будет с нами в Проливах, как мы будем с ней на Рейне и в Вогезах, иначе наш альянс не имеет никакого значения и канет в лету»⁵¹³.

Газета *Новое Время*, которую считали выразительницей идей МИДа, комментируя назначение Муравьева в январе 1897 г., подчеркивала, что новый министр намерен вместе с Францией «навязать султану необходимые реформы и окончательно решить египетский вопрос»⁵¹⁴. В феврале 1897 г. Муравьев прибыл в Париж, чтобы еще раз убедить своих французских коллег в том, что Россия верна заключенным договоренностям. Правда, сразу же после этого глава МИДа направился в Берлин, что существенно снизило эффект, произведенный во Франции его визитом. Русская пресса незамедлительно отреагировала на недовольство Парижа, что не ускользнуло от французского посла, который отправлял в Париж отрывки из местных газет. В одной из них было написано: «Мы удивлены завистью, которую проявили некоторые люди во Франции по поводу того, что Россия первенствует в вопросе турецких Проливов, так как, если бы Франция пыталась играть там роль первой скрипки, никакого альянса с ней никогда бы не было. При этом французская дипломатия может занимать главенствующую роль в египетском вопросе, от которого зависит будущее ее владений в Азии и влияние в Восточной Африке. Именно на этой базе страны должны союзничать и бороться против амбициозных планов Англии, положить конец австрийским претензиям и удерживать Германию как можно дольше в той нейтральной позиции, которую она заняла в восточных вопросах»⁵¹⁵.

МИД был готов пойти на своеобразную сделку: помочь Франции в Египте в обмен на поддержку русских претензий в Проливах. В этом

---

⁵¹¹ ADF. Russie : presse, 1896-1913. P. 6.

⁵¹² Ibidem.

⁵¹³ Ibid. P.7.

⁵¹⁴ Ibid. P. 10.

⁵¹⁵ Ibid. P. 18.

контексте инструкции, составленные Муравьевым для графа Урусова, посла во Франции, в 1897 г. представляют большой интерес. В документе он анализировал состояние союза, его сильные и слабые стороны и обращал особое внимание на колониальные вопросы. Муравьев подчеркивал, что альянс должен был стать «поддержкой для Франции в ее исторической борьбе против английской политики, жадной и дерзкой»⁵¹⁶, что снова убеждает нас в наличии негласной колониальной составляющей договора. Писал министр и про конфликты, которые часто возникали у держав на Ближнем и Дальнем Востоке. По его мнению, задача русской дипломатии заключалась в том, чтобы внушить французам идею, что «лишь честно помогая России на Дальнем Востоке, Франция может рассчитывать на ее поддержку в Европе и в европейских странах, которые не входят в сферу нашего влияния»⁵¹⁷.

И опять Россия требовала от Франции поддержки в колониях в обмен на совместную политику в Европе. Вновь повторялась программная задача – не допустить перехода части Османской империи к англичанам⁵¹⁸. Муравьев отмечал, что англичане, желая дестабилизировать Османскую империю, всячески лоббировали конституционную реформу, которая в действительности должна была только ослабить власть султана⁵¹⁹. Ту же цель они преследовали, по мнению министра, подпитывая армянское и греческое национальные движения, которые должны были «отвести внимание России от Дальнего Востока, а Франции — от Египта»⁵²⁰. Все это было необходимо Англии, которая, «согласно своим старым привычкам, хотела завоевать ту или другую часть Османской империи, привлекательную для нее»⁵²¹. В то же время министр признавал, что за последние годы британское влияние в регионе существенно ослабло, а сама она уступила место «державе, одинаково враждебной, как России, так и Франции — Германии»⁵²². Впервые Муравьев

---

⁵¹⁶ АВПРИ. Посольство в Париже, ф. 187, оп. 524, д. 2201. Л. 14.

⁵¹⁷ Там же. Л. 15.

⁵¹⁸ Там же. Л. 16.

⁵¹⁹ Там же.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Там же.

⁵²² Там же.

писал о том, что Германия угрожает русским интересам, что, безусловно, было связано с немецкими претензиями в Турции.

Русский дипломат в Париже П. Майков в одной из своих депеш информировал руководство о «растущих амбициях Германии с целью увеличить свое влияние в Турции», в частности, он отмечал промышленные и финансовые проекты *Deutsche Bank*⁵²³. Майков писал, что «немцы в Багдаде могут парализовать территориальную активность англичан в Египте и Индии, как они парализовали русскую морскую активность через Самсун»⁵²⁴. Из депеши видно, что беспокойство русских дипломатов было во многом связано с германским проникновением на Восток. Позже в 1898 г. русский посол в Париже оценивал позицию Германии на Востоке как особую: «Германия, не связанная ни региональными интересами, ни традиционными принципами, единственная держава, обладающая свободой действий»⁵²⁵. Из всего следует, в антигерманское значение русско-французского договора к концу 1890-х гг. начали вкладываться не только соображения континентальной безопасности, но и колониального соперничества.

Что касается Египта, Муравьев повторял слова своих предшественников о том, что «на берегах Нила у нас нет прямых интересов» — только Суэц сохранял свою важность для России в силу «своего расположения на самом коротком морском пути в наши дальневосточные владения»⁵²⁶. Правда, роль канала была несколько обесценена тем, что «в случае войны, Англия все равно могла бы легко закрыть канал». Муравьев подчеркивал: «Египетский вопрос на данный момент представляет для нас интерес как арена нескончаемого англо-французского противоборства, которое служит нам гарантией, что несмотря на все небольшие противоречия на Востоке, Франция, в любом случае, будет верной союзу с нами, если даже это противоречит интересам европейской политики»⁵²⁷. Там же он отмечал: «С нашей стороны, мы не

---

⁵²³ АВПРИ. Посольство в Париже, ф. 187, оп. 524, д. 2201. Л. 39.

⁵²⁴ Там же. Л. 42.

⁵²⁵ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 79. Л. 28.

⁵²⁶ АВПРИ. Посольство в Париже, ф. 187, оп. 524, д. 2201. Л. 30.

⁵²⁷ Там же.

собираемся способствовать примирению Франции и Англии в египетском вопросе... союзу, который уже заставил Россию пережить тяжелую Севастопольскую годину»⁵²⁸. Муравьев добавлял, что Россия всегда была готова «оказать моральную поддержку Франции в ее стремлении поколебать незаконное доминирование англичан в Египте и положить конец ее будущим вторжениям в этот регион»⁵²⁹.

По сути, царская дипломатия мало изменилась с 1880-х годов: Россия воспринимала египетский вопрос как источник своей выгоды на Ближнем Востоке. Единственное, что изменилось — это отношение к Германии, которая стала представлять все большую угрозу на Востоке. Муравьев опасался, что исходя из тех же соображений, Англия решит пойти на сближение с Францией: «Признание английской оккупации Египта было бы также мало выгодно для нас, как и договор на этой базе между Англией и Францией, который будет сложно, но возможно реализовать, позаботившись о достойной компенсации»⁵³⁰. Если же такой договор все-таки будет заключен, Россия непременно должна принять в нем участие, чтобы получить от него «реальную выгоду», — считал Муравьев, вероятно, имея в виду возможное давление на Англию через своего союзника — Францию или участие в разделе Османской империи.

Во Франции, скорее всего, действительно верили в то, что Россия готова до конца поддерживать Париж в борьбе за Египет. Жюль Хансен, один из самых последовательных сторонников союза, писал по поводу египетского вопроса: «Россия в этом вопросе оказывает и будет продолжать оказывать помощь Франции, всю поддержку, которую она только может предоставить. Она присоединяется ко всем демаршам французского правительства. Не меньше Франции она борется за свои права в Египте и за права Европы. Не винить же русскую дипломатию в том, что у нее еще ни разу не было

---

⁵²⁸ АВПРИ. Посольство в Париже, ф. 187, оп. 524, д. 2201. Л. 30.

⁵²⁹ Там же.

⁵³⁰ Там же.

возможности помочь по-настоящему Франции в этом вопросе»⁵³¹. Уже через несколько месяцев, после того, как были написаны эти строки, такая возможность России представилась.

В середине — второй половине 90-х гг. XIX в. противостояние Англии и Франции на Верхнем Ниле стало острее. Несмотря на поражение 1885 г., англичане считали необходимым отвоевание Судана — махдисты продолжали представлять угрозу для Египта. Этим целям была подчинена активная деятельность британской агентуры и официальной дипломатии в регионе. В частности, одной из «заслуг» тайных агентов Британии была кровопролитная и ожесточенная война Судана и Эфиопии, которая продолжалась почти 4 года (1885 — 1889 гг.) и заметно ослабила государство махдистов⁵³².

Немаловажное значение имели и процессы, происходившие в самой Британии. В июне 1895 г. лорд Солсбери вновь стал премьер-министром⁵³³. Как писали историки Робинсон и Галлахер, теперь он возглавлял «один из самых влиятельных кабинетов века»⁵³⁴. Г. Темперли отмечал, что «лорд Солсбери стал последним викторианцем, оставившим глубокий и значительный след во внешней политике»⁵³⁵. Кабинет Солсбери просуществовал вплоть до июля 1902 г. В 1895 — 1900 гг. Солсбери занимал также пост министра иностранных дел. Лорд Солсбери был сторонником активной колониальной политики и расширения империи. Кстати, оккупация Египта произошла не без некоторого давления на Гладстона с его стороны⁵³⁶.

Еще в начале 1895 г. в английском парламенте обсуждался суданский вопрос, однако «дело ограничилось одними разговорами»⁵³⁷. Положение изменилось, когда в Лондон пришло сенсационное известие о разгроме негусом Эфиопии Менеликом II итальянской армии в марте 1896 г. при городе Адуа. Это событие оказало решающее влияние на выбор Британии. Позорное

---

⁵³¹ Hansen J. Op. cit. Pp. 134-135.

⁵³² Noah S. Undoing the Mahdiya: British Colonialism as Religious Reform in the Anglo-Egyptian Sudan, 1898-1914// University of Chicago. May, 2004.

⁵³³ Занимал пост премьер-министра в 1887 — 1892 гг.

⁵³⁴ Robinson R., Gallagher J. Op. cit. P. 339.

⁵³⁵ Temperley H. Op. cit. P. 59.

⁵³⁶ Cecil E. Op. cit. P. 323.

⁵³⁷ История Африки в XIX-начале XX в. М., 1984. С. 245.

отступление Италии означало укрепление позиций в Северо-Восточной Африке Франции, которая поддерживала хорошие отношения с негусом и помогала ему во время войны с Италией, что, в свою очередь, представляло реальную угрозу для британских интересов на Верхнем Ниле.

В особенности в Лондоне заволновались после того, как негус Менелик и Халифа, глава войска дервишей, договорились о совместной атаке против итальянцев⁵³⁸. Позиции Солсбери и Кромера существенно расходились в данном вопросе. Кромер, наблюдая ситуацию из Каира, считал необходимым принимать немедленные меры, чтобы «сдерживать дервишей»⁵³⁹. Его, в первую очередь, волновала безопасность Египта: успех восставших в Судане дервишей мог оказать влияние и на недовольных властью англичан в Египте. Кроме того, дервиши были непредсказуемы, что создавало напряжение на границах. Именно поэтому он призывал центральные власти к действиям. Но Солсбери не собирался «мчаться спасать члена Тройственного союза». После поражения итальянцев при Адуа Германия, не желая вмешиваться в конфликт, обратилась к Британии. Вечером 3 марта кайзер пытался убедить англичан, что французы воюют против итальянцев в Эфиопии, также прямо говорил о «франко-русском заговоре с целью разрушить Британскую империю».⁵⁴⁰ На все уговоры послать войска на помощь Италии Солсбери ответил отказом. Очевидно, он затягивал с согласием для того, чтобы представить посылку британских войск как одолжение Тройственному союзу, и, кроме того, партнеру по Средиземноморской Антанте, а не как предприятие, отвечающее интересам самой Англии. 10 марта Ферреро, итальянский посол в Англии, снова обратился за помощью, так как итальянцы находились уже в критическом положении. Ферреро просил о высадке со стороны Нила. Для

---

⁵³⁸ Позже в своей книге о суданской кампании «Война на реке» У. Черчилль писал о том, что оружие, при помощи которого итальянцы были разбиты, эфиопы получили от французов. Также он высказывал мнение о том, что французы снабжали оружием не только эфиопов, но и дервишей, что, однако, так и не было доказано (Churchill Winston S. *The River War. An Account of the Reconquest of the Sudan*. London, 1902).

⁵³⁹ Robinson R., Gallagher J. Op. cit. P. 347.

⁵⁴⁰ Ibid. P.347.

Солсбери это была «возможность, которую он ждал»⁵⁴¹. Без сомнения, лучшего предлога для отправки экспедиции было не придумать.

События в Эфиопии окончательно убедили британских политиков в необходимости возвращения Судана. Продвижение на Нил планировалось «скрупулезно и с большой осторожностью»⁵⁴². 12 марта лорд Солсбери писал в личном письме королеве Виктории: «Сильные доводы со стороны итальянцев и египтян заставляют кабинет думать, что было бы желательно разрешить кампанию по предотвращению оккупации Кассалы дервишами. Мы считаем, что самый безопасный способ сделать это — начать продвижение египетских войск вплоть до Донголы»⁵⁴³. По этому вопросу в парламенте не было единства. Бальфур писал королеве о том, что сообщения в газетах и слухи о готовящейся экспедиции в долину Нила вызвали «немедленную дискуссию в Палате Общин»⁵⁴⁴. В числе политиков, отрицающих необходимость продвижения к Донголе и удерживания Египта в целом, Бальфур называл имена влиятельных либералов Дилка и Харкурта. Стремление отстоять линию на продвижение активно защищал в парламенте сам Бальфур, а также известный сторонник колониальной политики Джозеф Чемберлен⁵⁴⁵.

Протесты либералов не изменили заранее намеченного курса. Помимо помощи итальянцам, причиной стала и «активность» Франции в Северо-Восточной Африке, в частности концессия на строительство железной дороги в Эфиопии. 12 марта 1896 г. парламент принял решение оккупировать северную часть Судана — Донголу. Лондон поддержала египетская администрация во главе с Кромером, который считал, что отступать дальше нельзя.

Как и прежде, все военные операции англичане пытались осуществить на египетские деньги и при помощи египетских войск. Руководить военными

---

⁵⁴¹ Robinson R., Gallagher J. Op. cit. P.348.

⁵⁴² Cecil E. Op. cit. P. 325.

⁵⁴³ Letters of Queen...P. 33.

⁵⁴⁴ Ibid. P. 34.

⁵⁴⁵ Ibidem.

действиями поручили сирдару (главнокомандующему египетской армией в Судане) Герберту Китченеру⁵⁴⁶. В его распоряжении было примерно 20 тыс. человек. Армия Халифы насчитывала 50 тыс. бойцов, но только 34 тыс. солдат имели винтовки. По оснащенности и боевой подготовке англо-египетские войска сильно превосходили халифские. Китченеру потребовалось больше года, чтобы оккупировать северную провинцию Судана — Донголу. Решение укрепиться в Донголе было принято, фактически, еще до самой оккупации. Имея негативный опыт вывода войск с оккупированной территории, англичане больше не хотели сдавать свои позиции. Желание показать миру прочность британской позиции в Африке и непоколебимость решений, казалось, захватила не только кабинет, но и саму королеву Викторию. В своем дневнике 29 марта 1896 г. она написала: «Видела лорда Солсбери и обсуждала с ним все вопросы: Египет и необходимость возвращения Судана, а также предотвращение дальнейшего разгрома итальянцев... также говорили о нелепой русской и французской оппозиции»⁵⁴⁷.

Россия пыталась сделать все возможное, чтобы помешать англичанам, в то время как французы все еще сомневались, стоит ли идти на открытый конфликт. Так, Солсбери отмечал, что французский посол изначально не только не выразил протеста по поводу предстоящей военной кампании, но и заверил, что «французское правительство не желает выгонять» англичан из Египта⁵⁴⁸. В своей дневниковой записи королева Виктория, вспоминая разговор с Солсбери, отмечала «невероятное поведение России, которая убеждала и настраивала Францию против нас в вопросе о Египте»⁵⁴⁹. Позиция России чрезвычайно волновала Англию. Королева Виктория писала царю Николаю II, как бы жалуясь на французов, но в действительности, выражая свое отношение к позиции России: «Я уверена, что ты правильно используешь свое влияние и дашь французам понять, что ты не намерен поддерживать их в постоянном недружелюбии по отношению к Англии, которое является

---

⁵⁴⁶ Magnus P. Kitchener: Portrait of an Imperialist. NY, 1958. P. 41.

⁵⁴⁷ Letters of Queen...P. 37.

⁵⁴⁸ Ibid. P. 36.

⁵⁴⁹ Ibid. P. 39.

причиной многих неприятностей и сложностей для нас, в особенности, в египетском вопросе»⁵⁵⁰. По всему видно, что Россия была далека от позиции безучастного наблюдателя.

Историк В. М. Хвостов отмечает противодействие, которое Россия оказала Британии в суданском вопросе. Основной площадкой для дипломатических баталий стала Касса египетского долга, в которую Россия вошла в 1885 г. И Франция, и Россия отказались поддержать финансирование экспедиции Китченера из резервных фондов Кассы⁵⁵¹. При этом если Париж на запросы лондонского кабинета по вопросу финансов «оставлял открытой дверь для переговоров и дальнейших объяснений», то позиция Петербурга отражала «определенный отказ»⁵⁵².

Значительный интерес в этом смысле представляет письмо Перси Андерсона от 1 апреля 1896 г., в котором главный африканист Форис Офис писал: «Русские убеждают французов, что ни в коем случае нельзя бросить регион Верхнего Нила. Кажется, Лобанов был очень раздражен, когда ему сказали, что французы ... могут проголосовать за выплату из Резервного фонда»⁵⁵³.

Доказательством жесткой позиции России относительно британской экспансии в регионе Верхнего Нила в этот период являются также донесения германских дипломатов⁵⁵⁴. В частности, там отмечалось, что «Россия, кажется, действительно хочет прогнать англичан из Египта, ибо английское владычество над Египтом, Суэцем и Красным морем стесняет мировые планы России; напротив, Франция оказывает англичанам в Египте больше кажущееся сопротивление, с целью получить таким путем компенсацию в других местах»⁵⁵⁵. Данная цитата еще раз подтверждает наше соображение о том, что кроме очевидного желания усложнить англичанам задачу управления Египтом, британское присутствие в Средиземноморье действительно шло в

---

⁵⁵⁰ Letters of Queen... P. 88.

⁵⁵¹ Хвостов В. Ближневосточный кризис 1895-97 гг. // Историк-марксист. Т.13. М., 1929. С. 32.

⁵⁵² Там же. С. 33.

⁵⁵³ The National Archives. FO 800/8. P. 273.

⁵⁵⁴ GP. Bd. 11. No. 2731, 2742.

⁵⁵⁵ Ibid. No. 2740.

разрез с восточными интересами России. В результате противостояния, которое Англия встретила в Кассе, ей все же пришлось осуществлять экспедицию за свой счет.

Неопределенная позиция Франции была, скорее всего, связана с противостоянием министерства иностранных дел и недавно созданного министерства колоний, что существенно усложняло выработку единого внешнеполитического курса. Именно этим можно и объяснить тот факт, что в одно и то же время французы не выражали публичных протестов против военной кампании под руководством Китченера и сами параллельно готовили отправку экспедиции на Верхний Нил.

Проблема анализа французской внешней политики заключается во многом в том, что часто сменявшиеся кабинеты подчас имели разные взгляды на французские внешнеполитические интересы. Выработка внешней политики находилась в ведении министерства иностранных дел. Однако министр испытывал сильное давление со стороны кабинета, который часто действовал исходя из «внутриполитической, а не международной обстановки»⁵⁵⁶. Кроме того, существенное влияние в дипломатических вопросах имели также военное и морское министерства. В 1894 г. колониальный департамент, ранее находившийся в составе министерства иностранных дел, превратился в самостоятельное министерство колоний. С этого момента оно стало активно влиять на заморскую политику Третьей Республики⁵⁵⁷. Именно это министерство отстаивало важность французского присутствия на Верхнем Ниле.

Колониальные круги не оставили надежды на организацию экспедиции в Судан. В начале 1890-х гг. появилась идея об отправке на Нил Маршана. Изначально она не нашла широкой поддержки, однако колониальным кругам и Маршану, молодому и амбициозному офицеру, уже зарекомендовавшему себя в Кот-Д'Ивуаре, удалось убедить политическую элиту страны в

---

⁵⁵⁶ Brown R. Op. cit. P. 7.

⁵⁵⁷ В конце 80-х – начале 90-х гг. экспансионистски настроенные круги стали требовать создания независимого министерства колоний. Начиная с 1894 г., пост министра колоний всегда занимал политик, близкий к Комитету французской Африки и колониальным кругам.

необходимости экспедиции с целью распространения французского влияния в Верхнем Ниле⁵⁵⁸. Первые контакты Маршана с Комитетом французской Африки приходится на 1893 г. Серьезную поддержку он получал также от Луи Аршинара⁵⁵⁹. Маршан считал, что дервиши являются «естественными союзниками» Франции, поэтому продвижение его отряда пройдет успешно⁵⁶⁰.

В английской прессе экспедицию Маршана⁵⁶¹ характеризовали как «авантюру, спланированную в духе низкого империализма»⁵⁶², а ее цель видели в желании Парижа «соединить французское Конго с Обоком и Красным морем»⁵⁶³, то есть в создании единой цепи колоний. Французские историки отмечали, что желание оккупировать Судан было вызвано также экономическими интересами⁵⁶⁴.

На наш взгляд, экспедиция была отправлена исключительно для того, чтобы оказать давление на англичан в египетском вопросе: вряд ли министр иностранных дел Франции в 1894 — 1898 гг. Г. Аното мог всерьез думать, что англичане позволят установить в Судане французский протекторат. Англичане не могли допустить, чтобы территория Верхнего Нила попала под контроль Франции. Так, в ноте, посланной Э. Монсоном⁵⁶⁵ Аното 10 декабря 1897 г., официально сообщалось: «Правительство Ее Величества не может позволить, чтобы какая-либо европейская держава, кроме Великобритании, претендовала на занятие любой части долины Нила»⁵⁶⁶. Уже тогда Лондону стало понятно, что цель Маршана — Фашода⁵⁶⁷.

---

⁵⁵⁸ Meyer J. Op. cit. P. 658.

⁵⁵⁹ Луи Аршинар — одна из ключевых фигур французского колониального движения. Монтель, Маршан, Баратьер и многие другие начинали свою карьеру именно под его началом. Все они воспринимали его как учителя и наставника. С 1888 по 1893 гг. Аршинар управлял Французским Суданом. В результате четырех военных кампаний он увеличил вверенную ему территорию более чем в два раза. Когда в 1893 г. Аршинар вернулся в Париж, он установил тесные связи с Комитетом французской Африки и сразу же стал одним из наиболее влиятельных его членов. Аршинар сыграл важную роль в отправке экспедиции Маршана.

⁵⁶⁰ 20 июня 1905 г. газета *Le Matin* опубликовала статью Маршана, в которой тот вспоминал обстоятельства Фашодской экспедиции и последовавшего за ней кризиса.

⁵⁶¹ См. иллюстрацию 4.

⁵⁶² Так об экспедиции капитана Маршана писала в 1898 г. *Manchester Guardian*, которую субсидировала либеральная партия Манчестера.

⁵⁶³ DDF. Série 1. T.14. Doc. 3.

⁵⁶⁴ Guillen P. Op. cit. P. 398.

⁵⁶⁵ Британский посол в Париже с 1896 до 1905 г.

⁵⁶⁶ Колониальная политика капиталистических держав (сборник документов) ... С. 74.

⁵⁶⁷ DDF. Série 1.T.14. Doc. 47.

Сами авторы проекта экспедиции формулировали суть предприятия кратко: «Нам нужен выход к Нилу... для того, чтобы суметь ответить англичанам»⁵⁶⁸. Карл фон Бюлов, на тот момент директор Центрального департамента Военного министерства Германии, охарактеризовал идею о посылке Маршана как «последнюю робкую попытку французов спасти хотя бы маленькую часть от их бывшего могущественного положения в Нильской долине»⁵⁶⁹.

Была проведена необходимая дипломатическая подготовка, в частности, в Эфиопию был отправлен французский представитель для того, чтобы договориться с негусом. И хотя были получены заверения в поддержке, на деле, как мы увидим далее, они оказались ложными. Как заметил английский историк Р. Шеннон, «с экспедицией Маршана французы затягивали петлю на собственной шее»⁵⁷⁰.

Вся информация о походе должна была держаться в строжайшем секрете, хотя некоторые слухи все-таки просочились в прессу. Возможно, это было сделано намеренно, чтобы информация дошла до англичан. В Палате депутатов также упоминалось о существовании подобной миссии. Так, один из депутатов в феврале 1898 г. отметил: «Я вам ничего не скажу про миссию Маршана... Я больше всех сожалею о том, что так много писали об этом щекотливом деле»⁵⁷¹. Англичане в начале 1898 г. заявили, что подобное мероприятие «нарушает не только права Египта, но также и в особенности, права Англии»⁵⁷².

Поход длился два года. Добравшись до Нила, экспедиция 10 июля 1898 г. заняла местечко Фашода на левом берегу реки, где на башне заброшенной старинной египетской крепости Маршан поднял французский флаг⁵⁷³. Вот как описывает Фашоду У.Черчилль в книге «Война на реке»: «Город, место для

---

⁵⁶⁸ Michel M. Op. cit. P. 33.

⁵⁶⁹ Bülow. Op. cit. S. 271.

⁵⁷⁰ Shannon R. Op. cit. P. 317.

⁵⁷¹ Annales de la Chambre. T. 1 (partie 1). Paris, 1898. P. 560.

⁵⁷² Ibidem.

⁵⁷³ Очевидцы потом вспоминали, что когда французский триколор случайно упал на землю, присутствующие расценили это как плохое предзнаменование — предвестие будущего поражения (Baratier A. Op. cit. P. 20).

которого было тщательно выбрано старым египетским правительством, расположен на левом берегу реки... В дождливый сезон, который длится с конца июня вплоть до конца октября, Фашода превращается в остров... Во все сезоны климат в Фашоде способствует распространению чумы; от малярийной лихорадки страдают и европейцы и египтяне, и во многих случаях она вызывает смерть»⁵⁷⁴.

Так как у Франции были хорошие отношения с Эфиопией, Маршан отправил курьера именно через эти земли с донесением для правительства о занятии французами Фашоды. Второй курьер был отправлен через Конго: по этому пути шла экспедиция Маршана до левобережья Нила. Капитан сумел навязать вождю племени шилуков (одно из нилотских племен Судана) кабальный договор. Предписание заключать соглашения с местными племенами, с которыми экспедиция будет вступать «в контакт», было отправлено из Парижа еще в январе 1898 г.⁵⁷⁵. С июля по сентябрь отряд Маршана беспрепятственно находился в Фашоде.

В это время в центральной части Судана продолжались военные действия англо-египетских войск против дервишей. Они особенно активизировались в конце 1897 г. Дервишы начали свое продвижение и уже находились на угрожающем расстоянии от Донголы и Бербера. 26 января 1898 г. кабинет Солсбери разрешил продвижение Китченера в Хартум. 8 апреля на берегу Атбары суданские войска были разбиты англичанами. Путь на столицу был открыт.

Солсбери, зная об экспедиции Маршана, предостерегал сирдара, что в случае «неожиданной встречи с французскими или абиссинскими властями, ничего не должно быть сказано или сделано, что могло бы в какой-то степени намекнуть на признание от имени правительства Ее Величества прав владения Францией или Абиссинией какой-либо частью долины Нила»⁵⁷⁶. Британцы были осведомлены о том, что Менелик активно сотрудничает с французами и

---

⁵⁷⁴ Churchill W. Op. cit. P.320.

⁵⁷⁵ DDF. Série 1. T.14. Doc. 3.

⁵⁷⁶ BD. Vol. 1. Doc. 185.

что план Маршана построен во многом из расчета на помощь Эфиопии. Поэтому необходимо было заручиться нейтралитетом эфиопов в предстоящем конфликте. Любопытно, что королева Виктория даже послала негусу сообщение на фонографе, которое очень тронуло эфиопского правителя⁵⁷⁷.

О возможном столкновении думал не только лорд Солсбери, но и Аното, который до конца противился отправке миссии. Известно, что он даже обдумывал различные варианты отзыва капитана, однако это было уже невозможно. Во-первых, потому что в проект были вложены большие средства, а во-вторых, тогда Аното пришлось бы идти на открытую конфронтацию с влиятельными колониальными кругами⁵⁷⁸.

Тем временем военная операция англо-египетских войск подходила к концу. 1 сентября передовые части армии Китченера⁵⁷⁹ находились всего в 10 км к северу от махдистской столицы. 2 сентября состоялась решающая битва за Судан, и в этот же день Китченер взял Омдурман. Несмотря на то что Халифа больше года с остатками своей армии продолжал вести партизанскую войну в пустынях Кордофана, с этого времени можно говорить об утверждении английской власти на территории Судана. Битва при Омдурмане и решительная победа над дервишами удивительным образом совпали с прибытием французского отряда в Фашоду.

Неизвестно, что именно заставило Китченера поспешить с генеральным сражением. Борьба с дервишами шла уже второй год, а главная битва произошла в самый неподходящий для французов момент. Нет сведений, доказывающих гипотезу, согласно которой Китченер спешил с разгромом дервишей, потому что знал об отряде Маршана. В прессе причину видели в действиях войск Халифы. Так, в *Санкт-Петербургских Ведомостях* 18 августа писали: «В Каире получены сведения из Судана, побудившие сэра Китченера поспешить с походом на Омдурман, а лорда Кромера сократить свой отпуск. Дело в том, что дервиши окончательно покинули свою

---

⁵⁷⁷ Letters of Queen...P. 263.

⁵⁷⁸ Brown R. Op. cit. P. 75.

⁵⁷⁹ См. иллюстрацию 5.

передовую позицию в Шаблуке, где у них было сосредоточено 12 000 человек»⁵⁸⁰. Возможно, поражение дервишей, на которых в какой-то мере рассчитывал Маршан, и его прибытие в Фашоду явились неудачным для французов совпадением. В любом случае, победа англичан над махдистами явилась отправной точкой французских неприятностей на Верхнем Ниле.

Битва при Омдурмане стала триумфом генерала Китченера. 8 сентября из Парижа пришло письмо Монсона, адресованное Солсбери. Посол сообщал, что Делькассе «без промедления поздравил его с победой у Хартума». Глава Кэ д'Орсэ отметил также, что «разногласия, которые существуют между двумя странами относительно Египта, не могут влиять на мнение французов о блестящем подвиге армии»⁵⁸¹. К этому времени капитан Маршан уже больше месяца находился в Фашоде. После победы Китченера при Омдурмане столкновение представителей двух держав было уже неизбежно.

Продвижение англичан в регионе Верхнего Нила волновало русских дипломатов. Еще в начале 1898 г. почетный русский посол в Париже, член Государственного совета барон Моренгейм писал в одном из своих писем в Петербург о «самой вероятной угрозе, связанной с ненормальной и нелегальной ситуацией, которую Англия, своими военными и финансовыми действиями, создала в Египте для других держав»⁵⁸². В особенности барон отмечал британские проекты по «продолжению кампании в Судане». Он писал про реформы, которые должны были ослабить контроль Кассы над работой британской администрации. Моренгейм, один из архитекторов русско-французского союза, видел выход из этой ситуации только с помощью совместного давления на британцев. Он опасался, что Франция, «в силу экстренности ситуации, и не имея другого выхода, может на этот раз отойти от своих принципов и после договоренности с британским правительством по этому вопросу»⁵⁸³ начать искать поддержки других стран. Боясь постепенно потерять таким образом союзницу, Россия в начале года предложила

---

⁵⁸⁰ СПб Ведомости. 30/08/1898.

⁵⁸¹ BD. Vol. 1. Doc. 188.

⁵⁸² АВПРИ. Посольство в Париже, ф. 187, оп. 524, д. 2201. Л. 218.

⁵⁸³ Там же.

выработать совместную стратегию по египетскому вопросу. Однако предложение так и не было реализовано, а уже в сентябре разразился Фашодский кризис, который длился на протяжении осени — зимы 1898 г., который полностью изменил ситуацию.

3.3. Дипломатическая схватка за берега Верхнего Нила (осень — зима 1898 г.)

Нельзя выделить одну единственную причину возникновения кризиса. Как мы видим, причин было множество: это и идеологические мотивы, вопросы престижа, и экономические соображения, наконец, важнейшую роль для англичан и французов играли стратегические интересы. Одни стремились защитить свою власть в Египте, а другие — расшатать власть противника. В качестве наиболее действенного инструмента давления на англичан в Египте французы выбрали суданский вопрос.

Для того чтобы точно представлять себе положение сторон и их возможности, важно показать соотношение сил в зоне конфликта. Англичане располагали в Судане экспедиционным корпусом численностью свыше 20 тыс. человек, причем англо-египетские войска были хорошо вооружены и обеспечены коммуникациями. Не стоит забывать, что англичане имели надежный тыл — Египет, служивший базой для британской армии.

Иное положение было у французов. Отряд Маршана состоял из 100 с лишним человек, в распоряжении которых был всего один речной пароход. После занятия Фашоды, французы оказались в изоляции. В отличие от англичан, у них не было никаких средств связи, и они были полностью оторваны от внешнего мира. Вначале Маршан надеялся на помощь эфиопского негуса, но Менелик был занят своими внутренними проблемами: борьбой против взбунтовавшихся феодалов. В итоге он послал на помощь французским союзникам весьма скромный отряд, не сыгравший никакой роли в разрешении конфликта.

Германия открыто не выражала свою позицию, но в целом англичане рассчитывали на благожелательный нейтралитет немцев. Из Лондона и Берлина в Париж приходили донесения о том, что в англо-германских отношениях намечается некоторая «оттепель»⁵⁸⁴. По словам дипломатов, в Англии на тот момент господствовало общее представление о том, что сближение с Германией поможет англичанам окончательно решить проблему с Египтом. Все это чрезвычайно беспокоило Делькассе⁵⁸⁵.

Францию заботило также, какую позицию в сложившейся ситуации займет Россия. Русские дипломаты понимали, что доводить дело до войны для Франции совершенно не выгодно. В конце октября Урусов писал в Петербург: «Нельзя скрывать, что Франция совершенно не готова к войне против Англии»⁵⁸⁶. Фашодский кризис занимал значительное место в русской дипломатической переписке 1898 г. Еще в сентябре русский дипломат писал, что французское общественное мнение чрезвычайно взволновано новостями, приходящими из Судана. При этом он отмечал, что Делькассе, несмотря ни на что, был «полон энергии и убежден, что французские претензии были совершенно законными»⁵⁸⁷. В то же время ситуация становилась сложнее. В конце сентября Урусов писал Ламздорфу, что он не видит конца этой истории⁵⁸⁸. Посол передавал слова Делькассе: «От нас требуют, чтобы мы ушли из Фашоды, но куда нам идти?... Нам необходимо обладать хоть какой-то частью Белого Нила»⁵⁸⁹.

По стечению обстоятельств, именно в период кризиса в октябре 1898 г. Муравьев прибыл с визитом в Париж. Как отметил посол Урусов, «никто из государственных людей, с коими имел сношение наш министр иностранных дел, не обратился к нему с вопросами о том, как отнесется Россия к возможному нападению англичан на Францию»⁵⁹⁰. Посол объяснял это

---

⁵⁸⁴ Brown R. Op. cit. P. 84.

⁵⁸⁵ BD. Vol. 1. Doc. 187.

⁵⁸⁶ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 79, 1898. Л. 161.

⁵⁸⁷ Там же. Л. 135.

⁵⁸⁸ Там же. Л. 140.

⁵⁸⁹ Там же. Л. 141.

⁵⁹⁰ Там же. Л. 161

«отчасти известным чувством достоинства», «отчасти знанием истинных политических обстоятельств»⁵⁹¹. О каком знании политических обстоятельств говорил Урусов? Вероятно, в октябре к Муравьеву никто не обращался именно потому, что этот вопрос обсуждался несколько раз в сентябре.

1 сентября 1898 г., сразу же после получения информации о возможных осложнениях на Верхнем Ниле, французский министр иностранных дел Т. Делькассе писал в своем послании маркизу Монтебелло, послу Франции в Петербурге: «Данная ситуация... может создать сложности всем великим державам, заинтересованным в поддержании статус-кво на Востоке»⁵⁹². Уже 12 сентября Делькассе получил ответ из Петербурга. Посол следующим образом передавал отношение Муравьева: «В этом деле, как и во всех вопросах, связанных с Египтом, императорское правительство намерено идти в согласии с нами и согласовывать свой подход с тем, который демонстрирует французское правительство»⁵⁹³. Более того, Николай II выражал надежду на то, что «протест султана, поддержанный великими державами, мог бы иметь успех»⁵⁹⁴.

Во французской, а вслед за ней и в английской прессе появилась сенсационная история о том, как русский посол в Лондоне, приглашенный на аудиенцию к лорду Солсбери сразу же после барона де Курселя, французского посла, якобы во всеуслышание заявил: «Я должен проинформировать Вас о том, что в случае войны между Францией и Англией, Вы должны быть готовы к тому, что Россия поддержит своего союзника всей своей мощью». На что британский премьер-министр ответил: «Я это знаю, и я принял все возможные меры»⁵⁹⁵. Достоверность истории проверить практически невозможно, но любопытно, что в русской прессе и дипломатических кругах не последовало ни одного опровержения. Даже если это был пустой слух, его распространение

---

⁵⁹¹ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 79, 1898. Л. 161.

⁵⁹² ADF. Russie. Politique étrangère, France – Russie, 1898-1900. P. 25

⁵⁹³ Ibid. P. 30

⁵⁹⁴ Ibidem.

⁵⁹⁵ Ibid. P. 10

соответствовало бы интересам русской дипломатии — никаких реальных политических последствий и симпатия французского общественного мнения.

Эта новость появилась в официозной *Le Temps* и в *Birmingham Gazette*. Кроме того, *Le Figaro* утверждал, что в момент кризиса русский посол в Париже сказал президенту Феликсу Форю: «Если вы будете сражаться, то мы тоже будем сражаться»⁵⁹⁶. Но как добавляла *Birmingham Gazette*, буквально через несколько дней царь отдал приказ графу Муравьеву «информировать президента Республики о том, что не стоит начинать войну». Из этого французская пресса делала заключение, что «царь хотел идти в согласии с нами (с Францией. — А.А.), но только при условии, что мы не пойдем»⁵⁹⁷.

Так, возвращаясь к словам Урусова об «истинных политических обстоятельствах», можно предположить, что французы пытались прозондировать почву насчет совместного публичного выступления против агрессии Британии на Ниле, но получили отказ. Именно поэтому во время визита Муравьева к нему никто не обращался с подобными разговорами — всем уже было понятно, что Россия останется в стороне.

Правительство Франции делало ставку на отряд из 128 человек и рассчитывало при этом на победу. Это обстоятельство, конечно, не может не удивлять. В этой связи возникает закономерный вопрос: на чем строились планы французского правительства? В одном из выступлений в Палате депутатов сторонники колониальной экспансии так объяснили цель экспедиции Маршана: «У нас нет никакого желания постоянно обосновываться в Бахр-эль-Газале и на Ниле. Мы хотим только показать миру, что вопрос Нила не является чисто английским вопросом, что это, прежде всего, международная проблема и она не зависит лишь от желания англичан делить нильскую долину, следуя своим капризам и отдавая худшие куски той или иной стране и оставляя лучшие себе»⁵⁹⁸. В качестве выхода из сложившегося положения французы предлагали совместную оккупацию

---

⁵⁹⁶ ADF. Russie. Politique étrangère, France – Russie, 1898-1900. P. 10.

⁵⁹⁷ Ibidem.

⁵⁹⁸ Annales de la Chambre. T. 1 (partie 1). Paris, 1898. P. 561.

нийского региона шестью европейскими державами–гарантами целостности Османской империи⁵⁹⁹. Предложение было нереальным, так как Британия никогда не согласилась бы на подобный шаг.

Очевидно, что на первый план все же выходил не вопрос Судана как такового, а египетский вопрос, который «больше всего волновал европейский концерт» и о котором, как утверждали французские политики, «никогда не говорят, но постоянно думают»⁶⁰⁰. Для французов первостепенную важность имел египетский вопрос, а претензии на суданские территории они рассматривали как «рычаг для давления на Англию в самом крупном из колониальных споров с нею»⁶⁰¹. По мнению французских колониальных кругов, ситуация благоприятствовала французскому вмешательству в египетский вопрос. «Если при первой же возможности мы не поднимемся, отстаивая наши священные цели, то Африка будет потеряна для Европы, это будет Африка англичан»,⁶⁰² — заявил Франсуа Делонкль, один из членов колониальной группы, сорвав аплодисменты Палаты депутатов в феврале 1898 г.

Колониальные круги, которые были инициаторами посылки миссии Маршана, планировали оккупировать Фашоду и объявить о своем праве на Бахр-эль-Газаль. На этот акт Англия, конечно, должна была среагировать. Французы ожидали переговоров. Однако французские расчеты «на новые затруднения Англии в Египте и на переговоры, которые могут подорвать там ее положение и вынудить к уступкам, были построены на песке»⁶⁰³. И эфиопы, и турки не оправдали надежд Третьей Республики. Было очевидно, что французский проект трещал по швам.

В конце июня 1898 г. главой правительства стал Анри Бриссон, который назначил нового министра иностранных дел Теофиля Делькассе, сохранявшего свой пост вплоть до 1906 г., независимо от смены глав

---

⁵⁹⁹ Annales de la Chambre. T. 1 (partie 1). Paris, 1898. P.561.

⁶⁰⁰ Ibid. P. 562.

⁶⁰¹ История дипломатии...С. 425.

⁶⁰² Annales de la Chambre. T. 1 (partie 1). Paris, 1898. P. 563.

⁶⁰³ История дипломатии...С. 426.

правительств. В своем письме от 1 июля 1898 г. посол Э. Монсон писал о Делькассе как «единственном серьезном персонаже»⁶⁰⁴ среди французской правящей элиты. Именно Делькассе, будучи министром колоний, активно способствовал отправке миссии. Однако ко времени назначения на пост министра иностранных дел он серьезно изменил политические воззрения. Бюлов в своих мемуарах характеризовал его как «упорного и искуснейшего представителя идеи реваншизма, которая занимала все его мысли, желания и жизнь»⁶⁰⁵. Делькассе прекрасно понимал, что из экспедиции Маршана можно извлечь определенную выгоду. «Я не собираюсь, — отмечал в своем послании в Лондон Делькассе, — удерживаться в Фашоде во что бы то ни стало, даже вопреки собственным интересам. Но можно ли допустить, чтобы от нас требовали уйти оттуда без обсуждения, без разбора условий, при которых мы могли бы рассмотреть этот вопрос»⁶⁰⁶.

Английский историк А.Дж.П. Тэйлор высказал мнение, что «Фашодский кризис застал Делькассе врасплох»⁶⁰⁷. Очевидно, он не ожидал такого форсированного развития событий и столь жесткой реакции англичан. «Делькассе знал, что Франция не может вступить в войну, — писал Тэйлор, — и его единственной надеждой было вновь поставить вопрос на дипломатическую основу», чем он и занимался на протяжении всего кризисного периода. Делькассе, путем переговоров, всячески пытался «выторговать» у англичан уступки в Египте. Однако это была нелегкая задача. Как гордо заявляли британские издания, Англия «оккупировала Египет своими войсками тогда, когда ни одна другая европейская страна не была готова взять на себя это бремя»⁶⁰⁸. Было очевидно, что французские претензии на пересмотр египетского вопроса не приведут к должному результату. У.Черчилль так определил английскую позицию в этом вопросе:

---

⁶⁰⁴ BD. Vol. 1. Doc. 183.

⁶⁰⁵ Bülow von B. Op. cit. S. 272.

⁶⁰⁶ Субботин В.А. Колонии Франции... С. 98.

⁶⁰⁷ Тэйлор А. Дж. П. Указ.соч. С. 393.

⁶⁰⁸ The Nineteenth Century. № 262. Dec. 1898. P. 884.

«Великобритания была намерена либо получить Фашоду, либо воевать»⁶⁰⁹. Однако экспедиция Маршана уже была в Фашоде, и Делькассе не спешил ее отзывать. Стало очевидно, что встречи Маршана и Китченера в сентябре 1898 г. не избежать.

Министр колоний Труе подчеркивал, что «интересы развития французской колонии на Верхнем Убанги, необходимость добиться эвакуации Египта, нейтрализация Суэцкого канала и Красного моря делают для Франции желательным «получить, по крайней мере, солидный залог» в верховьях Нила»⁶¹⁰. Под словом «залог» французы подразумевали территорию в бассейне Верхнего Нила по левому берегу реки, от границы государства Конго на юге до 10-й параллели на севере, включая Фашоду с областью Бахр-эль-Газаль, а также всю область реки Шари. Такие грандиозные планы строились с расчетом на 128 человек, которые должны были отстаивать вышеуказанные позиции перед лицом мощнейшей англо-египетской армии. Главе Кэ д'Орсэ пришлось высказать свою точку зрения 7 сентября на заседании совета министров. Маршану следовало оставаться на месте, но при этом не усугублять положение. Позиция Делькассе нашла поддержку у министров. В город Либревиль (французское Конго) была направлена телеграмма с указаниями для Маршана, которая, однако, так и не дошла до самого адресата.

7 сентября 1898 г. Делькассе встречался с английским послом в Париже Монсоном. Французский министр выразил надежду на то, что конфликт можно будет решить дипломатическим путем. Кроме того, Делькассе отмечал, что важно не допустить перерастания экспедиции Маршана в военный поход. Было очевидно, что французское правительство, осознавая свое шаткое положение, как на месте конфликта, так и на международной арене, старалось всячески смягчить англичан, не допустив развертывания активных наступательных действий. Историк Р. Браун даже считает, что «уже

---

⁶⁰⁹ Churchill W. Op. cit. P.319.

⁶¹⁰ История дипломатии...С.427.

7 сентября Делькассе бросил всякие надежды на то, чтобы возобновить переговоры по египетскому вопросу или получить какие-либо территориальные выгоды»⁶¹¹. По его мнению, вся дальнейшая деятельность Кэ д'Орсэ была направлена на то, чтобы предотвратить дипломатический разгром Франции.

Мы считаем, что Делькассе до последнего пытался получить компенсации в регионе — именно поэтому инцидент превратился в серьезный кризис, длившийся три месяца. Самое удивительное в этой ситуации, пожалуй, то, что опытный политик Делькассе верил, что Солсбери пойдет на быстрое урегулирование спора⁶¹². Солсбери же прекрасно понимал, что Франция оказывала давление в Судане, пытаясь изменить положение дел в Египте. Солсбери, вероятно, знал также, что Франция не готова к войне.

Британцы считали, что после победы при Омдурмане Судан принадлежит им по праву завоевания. Кроме того, в этот период практически все английские политики ссылались на знаменитую декларацию Грея 1895 г., согласно которой любое французское проникновение на Верхний Нил будет расцениваться как «недружественный акт» по отношению к Великобритании. На отсылки к декларации Делькассе отвечал тем, что нет никакой миссии Маршана: Маршан — всего лишь подчиненный капитана Лиотара, а миссия Лиотара была отправлена еще в 1893 г.. Разумеется, Делькассе понимал, что его дипломатическая хитрость не только не может решить создавшуюся проблему, но еще более усугубляет конфликт, так как не признавать существование миссии Маршана означало не признавать реальный общеизвестный факт.

В действительности в 1893 г. в Африку собирались отправить миссию Монтея, а не Лиотара, и сделано это было с согласия самого Делькассе, в то время занимавшего пост министра колоний. Более того, Делькассе уже в 1895

---

⁶¹¹ Brown R. Op. cit. P. 92.

⁶¹² Ibid. P. 93.

г. во время дебатов в Палате депутатов относительно денег, выделенных на отправку Монтеля, настаивал на том, что «миссия была необходима»⁶¹³.

Что же касается экспедиции Лиотара, то она отправилась в Африку в начале 1895 г., ровно через месяц после того, как Грей произнес свою программную речь. Последний аргумент главы Кэ д'Орсэ также легко подвергался критике. И в самом деле, Маршан сначала был в подчинении у Лиотара, однако лишь до ноября 1897 г. Таким образом, все доводы Делькассе не только не соответствовали действительности, но и не могли служить хоть каким-то объяснением того, как, а главное почему, капитан Маршан оказался в Фашоде.

8 сентября Монсон отправил Солсбери письмо, в котором сообщал последние новости из Парижа. Одна из частей письма в полной мере характеризует английскую позицию уже в самом начале кризиса: «Я не хочу сказать, — писал Монсон, — что они готовы уступить без новых требований, появившихся за период британской оккупации, или то, что парижская пресса не окатит нас оскорблениями. Но ... они прекрасно понимают, что недавние операции еще более укрепили наше положение в Египте, и что британская «практика» не может быть приспособлена к французской «логике»»⁶¹⁴. Было очевидно, что англичане не собираются уступать.

9 сентября посол Монсон получил послание от Солсбери, в котором в краткой форме была изложена позиция британского правительства: «Если Делькассе возвратится к вопросу, то я поручаю Вам разъяснить ему, что вследствие военных событий последних недель все территории, которые были подчинены Халифе, переходят к британскому и египетскому правительствам по праву завоевания. Правительство Ее Величества не считает, что это право подлежит дискуссии, но оно будет готово обсудить в духе, предложенном Делькассе, различные существующие ныне территориальные разногласия, относящиеся к тем областям, которые не затронуты настоящим

---

⁶¹³ Статья «Африканская миссия Монтеля» появилась в международном обзоре американской газеты *The NY Times* 28 июня 1895.

⁶¹⁴ BD. Vol. 1. Doc. 189.

заявлением»⁶¹⁵. Так, оспариваемая французами территория Нильского бассейна объявлялась владением английской короны. Основной целью английского правительства было установление контроля над верховьями Нила, важнейшей стратегической позицией, откуда можно контролировать уровень воды в реке.

Практически в это же самое время французы вели оживленные дипломатические переговоры с российским правительством. Тутэн, французский дипломат, находившийся на службе в Петербурге, рассказывал в письме Делькассе о своей встрече с графом Муравьевым: «Министр меня просил снова Вас заверить, что в этом деле, как и во всех вопросах, относительно Египта, правительство империи поддержит нас»⁶¹⁶.

18 сентября капитан Маршан получил письмо от генерала Китченера, в котором сообщалось, что англо-египетская армия разгромила войска дервишей, Судан оккупирован и теперь генерал вместе со своими людьми продвигается к Фашоде. В ответном письме Маршан заявил, что территория Бахр-эль-Газалья занята по приказу французского правительства и должна считаться французским протекторатом. Письмо торжественно заканчивалось словами Маршана о том, что он будет счастлив принять Китченера в Фашоде «от имени Франции»⁶¹⁷.

19 сентября английская флотилия была уже в Фашоде. За день до этого Китченер выслал вперед офицера, который должен был сообщить Маршану о прибытии англичан. Капитан встретился с Китченером на борту его судна. В разговоре Маршан заявил, что французское правительство поручило его отряду оккупировать область Бахр-эль-Газаль и страну шилуков по левому берегу Белого Нила до Фашоды. На это английский генерал ответил, что оккупация Фашоды французами нарушает права египетского и британского правительств. Китченер сообщил Маршану, что с момента прибытия английских канонерок власть в Фашоде переходит к английскому отряду.

---

⁶¹⁵ BD. Vol. 1. Doc. 189.

⁶¹⁶ DDF. Série 1. T.14. Doc. 343.

⁶¹⁷ История дипломатии... С.428.

Маршан заметил, что французы не могут оставить Бахр-эль-Газаль без правительственного приказа. Кроме того, он выразил протест против назначения египетского коменданта, так как с июля 1898 г. здесь был французский комендант. Для того чтобы связаться с властями в Париже, Маршан попросил Китченера доставить французского офицера в Каир, чтобы тот мог телеграфировать во Францию⁶¹⁸.

Генерал согласился, однако на протесты относительно коменданта не обратил никакого внимания. Сразу же после встречи в Фашоде недалеко от французского был поднят британский флаг. Кроме того, Китченер заставил вождя племени шилуков, которого привели в египетский лагерь, отказаться от договора с французами. Тот заявил, что принял французов за англичан, поэтому и подписал с ними соглашение, и при этом «клялся всем, что свято для него, что никогда не подписывал никакого договора с французами».⁶¹⁹ После этого Китченер оставил в Фашоде отряд и одну канонерку, а сам отплыл вместе с остальными канонерками вверх по реке. Добравшись до впадения в Нил реки Собат, Китченер установил вооруженный пост, оставив здесь еще один батальон с канонеркой. Таким образом, французы оказались заблокированы в Фашоде. На обратном пути Китченер заявил Маршану, что перевозки по реке военных материалов запрещены и вся страна находится под властью англичан.

Вскоре в русской прессе появились тревожные новости о положении Маршана в Фашоде. Как отмечали *Санкт-Петербургские Ведомости*, «генерал Китченер прибыл в Фашоду к счастью для Маршана, так как туземцы стали относиться к последнему враждебно, и, кроме того, ежедневно в его отряде происходили смертные случаи и дезертирства»⁶²⁰. Граф фон Обендорф, немецкий представитель в Каире, в своем сообщении для внешнеполитического ведомства Германии с иронией приводил слова генерала Китченера о том, что «он был бы счастлив спасти этого

---

⁶¹⁸ См. иллюстрацию 6.

⁶¹⁹ Letters of Queen...P. 286.

⁶²⁰ СПб Ведомости. 04/10/1898.

исследователя»⁶²¹. Французские газеты в конце октября, когда Маршан находился в Фашоде уже четвертый месяц, писали о том, что «миссия не потеряла ни одного офицера или солдата»: «здоровье участников миссии в полном порядке; со снабжением также все просто»⁶²². Существует вероятность, что и те, и другие существенно искажали действительность.

Китченер вел себя очень аккуратно, не желая провоцировать военного столкновения с французами на Ниле. И в самом деле, позднее Э.Грей писал: «Будучи там капитан Маршан не мог уступить, разве что, если бы к нему применили силу. Если бы лорд Китченер использовал силу, это было бы расценено как военный акт против Франции»⁶²³. В целом, по меткому выражению Черчилля, отряды Китченера и Маршана так и «прожили рядом три месяца в вежливом антагонизме»⁶²⁴.

В своем письме в Лондон Китченер в мельчайших деталях описал встречу с Маршаном. Он отмечал, что позиции капитана Маршана в Фашоде очень неустойчивы: «он отрезан от внутренних областей, и его водный транспорт не соответствует требованиям, кроме всего прочего, он плохо обеспечен продовольствием, на доставку которого уйдут месяцы». Генерал заключал, что Маршан «в своем нынешнем положении бессилен»⁶²⁵. О той же памятной встрече Маршана и Китченера рассказывал и другой участник суданских событий капитан Уингейт в своем письме Артуру Биггу. Он вспоминал, как французский капитан заявил, что лучше «умереть на посту», чем уйти из Фашоды⁶²⁶.

Беседу Китченера и Маршана также дословно передал еще один непосредственный участник событий капитан Баратьер в своих мемуарах. По его словам, Китченер после разговора на отвлеченную тему, открыто спросил у Маршана: «А Вы знаете, что Ваше присутствие здесь может привести к

---

⁶²¹ GP. Bd. 14. No. 3887.

⁶²² Le Petit Journal. 22/10/1898.

⁶²³ Grey E. Op. cit. P. 39.

⁶²⁴ Churchill W. Op. cit. P.321.

⁶²⁵ BD. Vol. 1. Doc. 193.

⁶²⁶ Letters of Queen...P. 286.

войне между нашими странами?»⁶²⁷. На борту у Китченера встретились двое европейских военных, которые тщательно соблюдали все правила приличия и были даже дружелюбны друг с другом. Вспомнили и тот факт, что время франко-прусской войны Китченер воевал на стороне французов и был к ним дружественно расположен⁶²⁸. По словам Баратьера, он сам в беседе с Маршаном признался: «Я не люблю немцев, капитан, я — за французов; у меня французское сердце»⁶²⁹.

В дипломатических кругах шла куда более ожесточенная борьба. Ранее 18 сентября Монсон в послании Солсбери гневно замечал, что Делькассе изначально был «прекрасно осведомлен о том, что любое вторжение в бассейн Верхнего Нила будет рассматриваться нами как недружественный акт»⁶³⁰. В послании от 27 сентября Монсон передавал свою очередную беседу с Делькассе, из которой можно делать выводы о нарастании кризиса. Посол сообщал о том, что французы не намерены отзывать капитана Маршана. Монсон, чувствуя полную поддержку Лондона, в ультимативной форме заявил Делькассе, что «не может быть никаких дискуссий по такому вопросу, как право Египта на Фашоду»⁶³¹. Делькассе также проявил твердость, ответив, что «если дискуссии не будет, не удастся избежать разрыва». Делькассе жаловался, что парижская пресса обвиняет французское правительство в том, что оно бросило Маршана и считает такое поведение «национальным позором»⁶³². Буквально на следующий день после вышеупомянутого разговора Делькассе имел еще одну беседу с Монсоном, которая, однако, не произвела должного эффекта на посла. После нее он написал своему премьер-министру: «Лично я не думаю, что они пошлют Маршану приказ покинуть Фашоду». Кроме того, сам Делькассе намекал на возможность поддержки со стороны России, говоря о том, что «в таком событии мы не останемся одни»⁶³³.

---

⁶²⁷ Baratier A. Op. cit. P. 147.

⁶²⁸ Cecil E. Op. cit. P. 326.

⁶²⁹ Baratier A. Op. cit. P. 151.

⁶³⁰ BD. Vol. 1. Doc. 191.

⁶³¹ Ibidem.

⁶³² Ibid. Doc. 196.

⁶³³ Ibid. Doc. 198.

Делькассе стоял перед сложным выбором. С одной стороны, он не мог упорствовать до бесконечности, понимая всю слабость своих внешнеполитических позиций перед лицом Великобритании, но с другой стороны, отступить — означало бы поставить себя в весьма щекотливое положение внутри страны.

В письме от 30 сентября Монсон отмечал, что глава Кэ д'Орсэ заявил о нежелании сдавать Фашоду и что любое требование покинуть занятую территорию будет восприниматься как ультиматум и будет отвергнуто: «национальному достоинству всей Франции будет нанесено оскорбление предложением отозвать Маршана и признать французскую оккупацию Фашоды не имеющим оправдания актом...Франция, хотя и не желая того, лучше примет войну, чем подчинится»⁶³⁴. Таким образом, Делькассе не хотел эвакуировать Фашоду на английских условиях и даже шел на риск, фактически угрожая войной.

Одновременно с переговорами Монсона и Делькассе, происходили встречи французского посла в Лондоне де Курселя с премьер-министром Солсбери. Де Курсель был послан в Лондон 4 октября с конкретной миссией. Он должен был предложить Солсбери сделку: Франция отзывает Маршана, если Британия уступит ей Бахр-эль-Газаль и весь регион Верхнего Нила. Первая встреча де Курселя и британского премьер-министра состоялась 5 октября. Надо сказать, что французский посол, понимая неуместность подобных требований, ограничился лишь тем, что просил у Британии доступ к навигационной системе Нила. Солсбери, казалось, был не прочь решить проблему на таких условиях⁶³⁵. Тогда де Курсель, приободренный готовностью британского премьера к переговорам, а также следуя указаниям из Парижа, решил вернуться к первоначальным территориальным требованиям. Переговоры вскоре были приостановлены.

---

⁶³⁴ BD. Vol. 1. Doc. 200.

⁶³⁵ Ibid. Doc. 203.

К середине октября кризис достиг своей наивысшей стадии. В прессе заговорили о возможной войне между Англией и Францией. Обеспокоенность чувствовалась и во французской переписке⁶³⁶. Общественное мнение в обеих странах было настроено воинственно. Монсон в очередном сообщении отмечал: «Несмотря на критический характер других проблем международного значения, занимающих сейчас весь цивилизованный мир, не будет преувеличением сказать, что все эти вопросы представляются незначительными по сравнению с возможностью разрыва между двумя великими морскими державами Западной Европы»⁶³⁷. В это же время и во Франции и в Великобритании были выпущены Желтая и Синяя книги соответственно, в которых описывалась предыстория англо-французских отношений на Верхнем Ниле, а также современное положение дел. Об этом периоде В.И. Ленин написал: «Англия на волосок от войны с Францией»⁶³⁸.

10 октября *The Times* заявила о предстоящем выходе английской эскадры из Портленда в Средиземное море⁶³⁹. Активно шла мобилизация флота, все корабли, находившиеся в Средиземном море, стягивались к Мальте и Гибралтару, откуда они могли быть в любой момент брошены на осаду Тулона. Военные приготовления шли на всей территории Британской империи, от Индии до Канады. Адмиралтейство приказало резервной эскадре находиться в полной боевой готовности к 24 октября⁶⁴⁰. 28 октября официально был мобилизован Средиземноморский флот Великобритании.

О том, что британцы приступили к мобилизации своих морских сил, было известно и французам. В одном из донесений тайного агента в Лондоне было четко сказано: «Английская эскадра Ла-Манша, являющаяся самой мощной из всех, которые Англия когда-либо имела в своих водах, в то время, когда я Вам пишу, подготавливает дополнительный запас боеприпасов...»⁶⁴¹. От того же тайного агента в последующие дни приходили похожие

---

⁶³⁶ DDF. Série 1. T.14. Doc. 440.

⁶³⁷ BD. Vol. 1. Doc. 204.

⁶³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 418.

⁶³⁹ The Times. 10/10/1898.

⁶⁴⁰ Marder A.J. Op. cit. Pp. 320-326.

⁶⁴¹ DDF. Série 1. T.14. Doc. 430.

сообщения, с указаниями на активные приготовления англичан к войне. Напомним, что официальное решение о мобилизации флота было принято только 28 октября. Интересно, что немцы до конца, видимо, не верили в мобилизацию британских сил. «Относительно морских приготовлений нельзя быть уверенными, так как слухи об этом кажутся совершенно безосновательными»,⁶⁴² — писал 20 октября граф Мюнстер, немецкий посол в Париже. С французской стороны приготовления начались 17 октября. В этот день Монсон сообщил о мобилизации тулонского флота⁶⁴³. Во второй половине октября в британской прессе начали говорить о подготовке к войне со стороны Франции, которая концентрировала свои суда в Средиземном море.

По мнению исследователей, решающим театром военных действий в случае начала конфликта стал бы район Средиземноморья. Там англичане располагали 18 военными кораблями, а французы — 15. Кроме того, британские резервы существенно превосходили французские⁶⁴⁴. При этом, историк А. Мардер считает, что английская пресса во время кризиса существенно преувеличивала «британские морские приготовления», что производило сильный психологический эффект⁶⁴⁵.

Обе стороны продолжали упорствовать в своих требованиях. Как отмечала королева Виктория, Фашода стала «вопросом чести» для французов и англичан⁶⁴⁶. Один из немецких дипломатов в Лондоне писал, что Солсбери «не пойдет на дальнейшие уступки», во многом потому, что «в деле с Фашодой он пользуется поддержкой всего английского общества»⁶⁴⁷.

Разговоры о войне в прессе приобретали масштабный характер. Разумеется, ни одна из сторон не хотела войны из-за Фашоды: расчет Англии был на то, что Франция, наконец, всерьез испугается и уступит. В Париже хорошо понимали, что отзыв миссии Маршана неизбежен. Однако важно было

---

⁶⁴² GP. Bd. 14. No. 3893.

⁶⁴³ Marder A.J. Op. cit. P. 320.

⁶⁴⁴ Ibid. P. 321.

⁶⁴⁵ Ibidem.

⁶⁴⁶ Letters of Queen...P. 298.

⁶⁴⁷ GP. Bd. 14. No. 3890.

представить этот акт как добровольное решение французского правительства, а не позорный побег под страхом войны с англичанами. В последнем случае были бы задеты гордость и честь французской нации, что плохо бы повлияло бы на обстановку в стране, которая и так переживала тяжелейший кризис в связи с делом Дрейфуса⁶⁴⁸.

Делькассе постоянно отмечал, что история с Дрейфусом серьезно осложняет его дипломатическую деятельность: «Как можно принимать решения, если кабинет в любой момент может уйти в отставку?»⁶⁴⁹. И в самом деле, кабинет Бриссона подвергался атакам со всех сторон. Дрейфусары во главе с Жоресом и Клемансо обвиняли его в бездействии; правые, в частности, т.н. Лига патриотов во главе с Полем Деруледом, — в предательстве национальных интересов. К концу сентября страна погрузилась в настоящий хаос. На улицах постоянно происходили драки и столкновения между дрейфусарами и антидрейфусарами. Всеобщая стачка французских рабочих, также в некотором роде связанная с делом Дрейфуса, не добавила стабильности внутривнутриполитической ситуации Третьей Республики⁶⁵⁰. Даже Маршан, находясь в Фашоде, понимал, что дело Дрейфуса серьезно осложняло его положение, так как от ситуации внутри страны зависела судьба экспедиции. 20 ноября 1898 г. в газете *Le Figaro* было опубликовано письмо Маршана от 6 ноября, в котором он с тревогой писал об «ужасном деле

---

⁶⁴⁸ В 1894 г. французская контрразведка заподозрила в шпионаже в пользу Германии капитана Альфреда Дрейфуса – офицера-еврея, служившего в Генеральном штабе. Поводом послужили обнаруженные контрразведкой анонимные шпионские донесения, предназначенные для Германии и написанные почерком, похожим на почерк Дрейфуса. Работа экспертов не принесла никакого результата. Тогда один из офицеров контрразведки, убежденный антисемит, изготовил подделку, которую позднее стали называть «патриотической». Она стала одним из главных доказательств на процессе против Дрейфуса. Трибунал признал его виновным, и он был сослан на Чертов остров во Французской Гвиане пожизненно. Однако уже в 1896 г. новый начальник контрразведки обнаружил настоящего шпиона, который все же был оправдан, а начальник был отправлен на службу в колонию, подальше от Франции. В 1898 г. стало известно о том, что главный документ обвинения – фальшивка. В стране развернулось движение за поддержку Дрейфуса, которое возглавил сам Эмиль Золя. Его вынудили покинуть Англию, однако его дело продолжили радикал Жорж Клемансо и социалист Жан Жорес. В результате на парламентских выборах 1898 г. победил ярый дрейфусар левый республиканец Пьер Вальдек - Руссо. Дело было пересмотрено. В 1906 г. Дрейфус был окончательно реабилитирован и получил высший орден Франции – орден Почетного легиона.

⁶⁴⁹ Цит. по: Brown R. Op. cit. P. 88.

⁶⁵⁰ 13 сентября 1898 г. в Париже, где велись масштабные срочные работы по подготовке к Всемирной выставке 1900 г. и прокладывалось метро, началась стачка строительных рабочих землекопов, требовавших повышения заработной платы. Вскоре к ним присоединилась значительная часть парижского пролетариата.

Дрейфуса» и связанной с ним «ужасающей и позорной кампанией»⁶⁵¹. Известно, что Китченер в разговоре с Маршаном в ответ на протесты французской стороны жестко заметил: «Франция не сможет вас поддержать... У Франции в данный момент есть другая забота — дело Дрейфуса»⁶⁵². Внутренними неурядицами историк А. Мардер объяснял также неподготовленность французского флота к возможному морскому конфликту⁶⁵³. Разобщенность страны по делу Дрейфуса серьезно сказалась и на восприятии Фашодского инцидента.

В условиях внутренней напряженности французская дипломатия во главе с Делькассе предпочитала замалчивать ход переговоров с английской стороной. Чрезвычайная сессия Палаты депутатов была созвана именно в период наиболее острой фазы кризиса. Она продолжалась с 25 октября до 24 декабря 1898 г. На интерpellации двух депутатов о происходивших в Судане событиях, Делькассе уклонился от ответа, объясняя это тем, что дискуссия по обозначенному вопросу «скомпрометировала бы интересы» Франции⁶⁵⁴. Любопытно, что в результате авторы интерpellаций отзывали свои запросы, исходя из «патриотических чувств, которые понимают все», что вызвало «аплодисменты со всех скамей»⁶⁵⁵.

В ответ на разговоры о том, что французы не могут приказать снять флаг, установленный Маршаном, так как это ущемит достоинство всей нации, видный британский политик лорд Розбери иронично заметил, что «в конце концов, флаг является объектом, который можно легко перенести»⁶⁵⁶.

В нескольких беседах с Монсоном Делькассе давал понять, что он готов отозвать Маршана, взамен на решение Англии предоставить Франции выход к Нилу⁶⁵⁷. Но Англия не хотела идти на какие-либо уступки. По словам графа

---

⁶⁵¹ Le Figaro. 20/11/ 1898.

⁶⁵² Baratier A. Op. cit. P. 156.

⁶⁵³ Marder A.J. Op. cit. P. 331.

⁶⁵⁴ Annales de la Chambre. Session extraordinaire de 1898. Paris, 1899. P. 32.

⁶⁵⁵ Ibid. P. 48.

⁶⁵⁶ Grey E. Op. cit. P. 40.

⁶⁵⁷ DDF. Série 1. T.14. Doc. 449.

Мюнстера, Монсон утверждал, что «англичане будут требовать безусловную эвакуацию Фашоды, даже если дело дойдет до конфликта»⁶⁵⁸.

Европейская дипломатия все же мало верила в возможность подобной войны. Очень точно создавшуюся ситуацию охарактеризовал граф Кастел-Рюденаузен в письме германскому канцлеру Гогенлоэ: «Итальянский посол⁶⁵⁹... как и я, придерживается мнения, что ситуация нормализуется и что речь идет не более, чем о бряцании оружием»⁶⁶⁰. Хотя слухи о том, что англичане, а в особенности, Джозеф Чемберлен и первый лорд Адмиралтейства Гошен, жаждут войны, чтобы окончательно «расквитаться с французами», также ходили в дипломатических кругах, но скорее больше для устрашения соседей через Ла-Манш⁶⁶¹.

Вопрос об эвакуации уже не стоял, она была делом решенным, но цена этой уступки так и не была определена: «де Курсель...отнюдь не собирался отдавать Фашоду бесплатно»⁶⁶². При этом Солсбери отказывался вести какие-либо переговоры по разграничению, пока «французский флаг находится в Фашоде»⁶⁶³.

Поддержки со стороны России французы так и не дождались. Несмотря на существование военного договора и декларирование дружеских чувств, единственный совет, который Муравьев дал Делькассе по поводу Фашоды звучал следующим образом: «Не давайте англичанам повода для того, чтобы атаковать вас сейчас. Позднее мы найдем возможность для открытия всего египетского вопроса в целом»⁶⁶⁴. Французы всячески распространяли слухи о том, что в случае войны Россия непременно поможет Франции. Даже посол Германии в Париже в одной из телеграмм писал о том, что французское правительство «надеется на русскую поддержку в борьбе против англичан»⁶⁶⁵. Но Россия, по мнению современников, «отказала в морской помощи своей

---

⁶⁵⁸ GP. Bd. 14. No. 3892.

⁶⁵⁹ Посол Италии в Лондоне в этот период — генерал Ферреро.

⁶⁶⁰ GP. Bd. 14. No. 3895.

⁶⁶¹ Ibid. N. 3898.

⁶⁶² История дипломатии...С. 436.

⁶⁶³ BD. Vol. 1. Doc. 223.

⁶⁶⁴ Letters of Queen...P. 299.

⁶⁶⁵ GP. Bd. 14. No. 3891.

союзнице», оставив Францию один на один с превосходившей ее в мощи Великобританией⁶⁶⁶.

Мы склонны согласиться с А. Дж. П. Тэйлором, который писал по этому поводу, что «хотя русские и были рады англо-французскому конфликту, они также не собирались принимать в нем участие, как в свое время не собирались поддерживать Германию в вопросе о Трансваале»⁶⁶⁷. При этом Мардер отмечает, что даже если бы Россия захотела помочь Франции, она бы, скорее всего, не смогла серьезно ее поддержать, так как балтийский флот Российской империи, ее основная морская сила на тот момент, не мог покинуть порт зимой, а корабли были не готовы к битве⁶⁶⁸.

Королева Виктория писала, что если Россия решится вмешаться на стороне Франции в случае военного конфликта, тогда Англии будет необходимо «получить подтверждение поддержки и понимания со стороны других держав, таких, как Италия, Германия и Австрия», то есть обратиться за помощью к Тройственному союзу. Хотя сама она до конца не верила в возможность войны, отмечая, что «французы не доведут дело до этого»⁶⁶⁹.

В письме от 29 октября лорд Солсбери уточнял действительное положение дел на международной арене: «Если мы спросим Россию, она ... будет запугивать нас насколько это возможно. Это хорошо согласуется с тем, что с французами она отстаивает совершенно противоположную позицию, утверждая, что война была бы сейчас для нее затруднительной. Она хочет остановить это, но ей совершенно все равно, кто уступит, Франция или Англия... Италия должна пойти с нами. Германия, очевидно, попытается шантажировать»⁶⁷⁰. Солсбери хорошо понимал, что Россия не станет ввязываться в военный конфликт из-за французских амбиций в Африке, а Германия постарается извлечь максимальную выгоду из англо-французской ссоры. Италии англичане могли обещать поддержку в Восточной Африке. О

---

⁶⁶⁶ Marder A.J. Op. cit. P. 323.

⁶⁶⁷ Тэйлор А.Дж. П. Указ. соч. С. 391.

⁶⁶⁸ Marder A.J. Op. cit. P. 321.

⁶⁶⁹ Ibid. P. 301.

⁶⁷⁰ Letters of Queen...P. 303.

том, что разговоры о действенной русской поддержке в противостоянии с англичанами – «фикция», писали и немцы⁶⁷¹.

Делькассе боялся, что провал в деле с Фашодой может значить для него потерю кресла в кабинете министров. Поэтому он пытался всячески склонить Монсона к компромиссу. В беседе с ним французский министр честно признавался, что «если правительство Ее Величества разрешит доступ к Нилу, не ставя при этом в качестве предварительного условия эвакуацию Фашоды, он сможет остаться министром иностранных дел в любом кабинете, который будет сформирован. Если же последует отказ, он не сможет далее продолжать свою работу на прежнем месте»⁶⁷².

30 октября Делькассе сделал последнюю попытку договориться с Монсоном, но тот был непреклонен⁶⁷³. Монсон замечал, что Делькассе «либо должен согласиться на унижение или идти на войну». При этом «его патриотизм не позволяет ему принять первое решение; второе же решение отвергает его убеждение в бедственных последствиях для двух стран и всей Европы»⁶⁷⁴.

Во Франции 1 ноября произошла очередная политическая рокировка: кабинет Бриссона пал, но Делькассе чудом удалось сохранить свое место. Новое правительство немедленно приняло решение об отзыве миссии. 3 ноября было послано приказание для капитана Маршана оставить Фашоду через Джибути или Обок. Делькассе поручил Монсону довести новость до сведения англичан. Весьма любопытно, что решение отозвать Маршана не повлияло на мобилизацию французов. Более того, в британском Адмиралтействе активно обсуждались «новости о масштабных морских приготовлениях угрожающего характера»⁶⁷⁵. Причем сообщения о продолжающемся вооружении флотов двух стран и мобилизации военных ресурсов поступали вплоть до февраля 1899 г. Эксперты Адмиралтейства

---

⁶⁷¹ GP. Bd. 14. N. 3892.

⁶⁷² Letters of Queen...P. 301.

⁶⁷³ BD. Vol. 1. Doc. 225.

⁶⁷⁴ Letters of Queen...P. 303.

⁶⁷⁵ Цит по: Marder A.J. Op. cit. P. 330.

считали, что Франция не хочет воевать зимой, поэтому идет на временную уступку для того, чтобы совершить нападение весной. Именно поэтому в Лондоне также разрабатывались планы превентивной войны⁶⁷⁶. Как отмечает Мардер, в действительности, французские приготовления носили оборонительный характер. У французов «не было никакого плана морской кампании», а военные порты были абсолютно неподготовлены к войне⁶⁷⁷.

Эвакуацию и дальнейшие процедуры королева приказывала провести как можно более корректно. В связи с этим вопросом она писала 30 октября: «Мы должны постараться и спасти Францию от унижения»⁶⁷⁸. О том, что уход Маршана из Фашоды и поражение французской дипломатии должны быть всячески смягчены, писали также и английские издания⁶⁷⁹.

Сам отъезд Маршана был проведен торжественно. В 8:20 утра 11 декабря французы спустили свой флаг с форта под звук салюта и горна. Когда скромная французская флотилия проплывала мимо египетского лагеря, «11-ый суданский почетный караул приветствовал их, и отряд запел свой национальный гимн... Британский и египетский флаги также были опущены»⁶⁸⁰.

Русская пресса с самого начала кризиса запустила кампанию по поддержке Франции, несмотря на молчание МИДа. Еще 6 сентября в газете *Санкт-Петербургские Ведомости* замечали, что теперь, после того, как французы появились на Верхнем Ниле, «положение изменилось», и «англичане, стало быть, пришли слишком поздно»⁶⁸¹. Любопытно, что слабость и шаткость французских позиций в нильском регионе, очевидная всем, никак не отражалась в русских статьях. Наоборот, часто выражалась уверенность в том, что Бахр-эль-Газаль принадлежит французам по праву

---

⁶⁷⁶ В случае войны основные силы англичане собирались сконцентрировать у Гибралтара, так как в этом случае французы не смогли бы вывести свои корабли из Тулона. Адмиралтейство было убеждено, что война будет скоротечной и закончится разгромом Франции.

⁶⁷⁷ Marder A.J. Op. cit. P. 331.

⁶⁷⁸ Letters of Queen...P. 305.

⁶⁷⁹ The Contemporary Review. № 394. Oct. 1898. P. 671.

⁶⁸⁰ Churchill W. Op. cit. P.323.

⁶⁸¹ СПб Ведомости. 06/09/ 1898.

завоевания, просто потому что они пришли туда первыми. Великобритания же, наоборот, подвергалась постоянным нападкам за свою политику.

18 сентября в тех же *Санкт-Петербургских Ведомостях* появилось новое сообщение о кризисе: «Действительно, это известие первостепенной важности, сразу меняющее то фактическое положение, которое англичане занимали до сих пор в Египте и в египетском вопросе. Шансы в дипломатической борьбе между Англией и Францией сравнены, и отныне Англии не придется отговариваться ничего не значащими обещаниями и положениями...Весь характер и вся сущность египетского вопроса меняются»⁶⁸². Соперничество в Судане сразу же было воспринято как завуалированная борьба за власть в Египте. По мнению газеты, англичане были «пойманы в ловушку, и теперь они должны сознаться, что они попались или все время морочили Европу»⁶⁸³. В другой газете отмечалось, что египетский вопрос не сводится лишь к англо-французскому соперничеству: на самом деле это «конфликт Англии со всем миром»⁶⁸⁴. Франкофильское издание *Свет* подчеркивало, что египетский вопрос «не менее важен для России, чем для Франции, так как он связан с проблемой нейтрализации Суэцкого канала»⁶⁸⁵.

Большинство газет выражало сожаление не только по поводу поражения Франции, но и потому что теперь большая часть Африки находится под контролем Великобритании. *Санкт-Петербургские Ведомости* с прискорбием писали об «английской Африке»⁶⁸⁶.

Немецкая пресса в целом занимала нейтральную позицию, однако нельзя отрицать, что ослабление Франции не могло не импонировать Германии. Французский представитель в Берлине писал Делькассе в самый разгар кризиса: «Пресса затрагивает Фашодский вопрос, не связывая его напрямую с египетским, к которому она выказывает равнодушие... Она

---

⁶⁸² СПб Ведомости. 06/09/ 1898.

⁶⁸³ Там же.

⁶⁸⁴ ADF. Egypte. Politique intérieure. Présence anglaise. Part 2. P. 3.

⁶⁸⁵ Ibidem.

⁶⁸⁶ ADF. Russie. Politique étrangère. Dossier général. P. 69.

констатирует с некоторым удивлением спокойствие и хладнокровие нашего общественного мнения перед лицом неслыханных грубостей английских газет; но на самом деле, она не против снова увидеть нашу схватку с Англией»⁶⁸⁷. Приведенный отрывок свидетельствует о том, что немецкая пресса не выказывала особой сердечной поддержки англичанам, но и французов не жаловала, что впрочем, и не удивительно. Лучшим исходом кризиса для Германии было бы ослабление обеих стран. Бюлов писал, что Германия по большей части занимала позицию постороннего наблюдателя⁶⁸⁸.

Однако, как нам кажется, Германия ожидала развязки, чтобы как можно дороже «продать» свою дружбу англичанам. Неслучайно, в немецких дипломатических донесениях во время кризиса⁶⁸⁹ активнее всего обсуждается позиция России – очевидно, что Берлин следил за реакцией Петербурга, чтобы исходя из нее, строить свою тактику. Кроме того, в поддержку идеи о том, что Германия все же предпринимала некоторые шаги в связи с кризисом, свидетельствует разговор, состоявшийся между Делькассе и британским послом в Париже Монсоном в самый разгар инцидента. Делькассе тогда сказал Монсону, что «посчитав, что поддержки одной России будет недостаточно, Франция искала и получила бы поддержку Германии»⁶⁹⁰. Ошеломленный подобной откровенностью, Монсон писал Солсбери: «Он честно рассказал мне о предложениях, сделанных Германией через посредников французскому правительству... Он утверждает, что недавние события вызвали во Франции заметный поворот в сторону Германии, который легко может вырасти до такой степени, что я и не могу себе представить. В любом случае, он считает, что общественные настроения в Германии не благоволят Англии»⁶⁹¹. Если верить, что немецкая дипломатия действительно делала подобные предложения Парижу, то нет никаких сомнений в том, что расчет был именно на то, что слова будут переданы в Лондон и произведут нужный эффект.

---

⁶⁸⁷ DDF. Série 1. T.14. Doc. 405.

⁶⁸⁸ Bülow von B. Op. cit. S. 272.

⁶⁸⁹ GP. Bd. 14. N. 3892.

⁶⁹⁰ BD. Vol. 1. Doc. 238.

⁶⁹¹ Ibidem.

Американская пресса также комментировала происходившие в Судане события. 11 октября в *The NY Times* вышла статья с заголовком «Войны из-за Фашоды не будет», в которой говорилось о том, что французы не станут рисковать и не доведут дело до военного конфликта⁶⁹². Кроме того, *The NY Times* цитировала слова одного из влиятельных сотрудников французского посольства в Лондоне о том, что «война, которую не спровоцировал египетский вопрос, точно не начнется по поводу вопроса Верхнего Нила»⁶⁹³.

Несмотря на то что острая фаза кризиса была пройдена, противоречия сохранялись. До заключения договора еще было далеко. Новое правительство Дюпуи делало все возможное для нормализации отношений с Англией. Но Солсбери сознательно затягивал переговоры, для того, чтобы лишить французов последних надежд на какую-нибудь, пусть и неравноценную, замену Фашоде. Как заметил один английский журнал, «Франция не была так морально и материально слаба со времен Франкфуртского договора»⁶⁹⁴.

В своих публичных выступлениях 5 и 9 ноября Солсбери говорил о том, что, хотя Маршан и отозван, но противоречия сохраняются. Своеобразным методом психологического давления на противника по-прежнему оставался мобилизованный английский флот. 16 ноября Чемберлен выступил с речью. Французский дипломат Жеоффре так резюмировал ее содержание: «Мы будем в хороших отношениях с Францией, если она уступит нам во всех вопросах, по которым у двух стран существуют разногласия». Таково было предложение Чемберлена, который, по признанию Жеоффре, на тот момент был «человеком, имеющим наибольшее влияние на общественное мнение в Англии»⁶⁹⁵.

На тот момент Делькассе готов был искать поддержки даже у Германии. Но реальных результатов это не дало. Как отмечает А.Дж.П. Тэйлор, «немцы часто колебались в выборе между Англией и Россией, но у них никогда не было серьезных колебаний, если речь шла о выборе между Англией и

---

⁶⁹² The NY Times. 11/10/ 1898.

⁶⁹³ Ibidem.

⁶⁹⁴ The Contemporary Review. № 396. Oct. 1898. P. 774.

⁶⁹⁵ DDF. Série 1. T.14. Doc. 523.

Францией»⁶⁹⁶. Как отмечали сами французы, основная причина их слабости заключалась в том, что им «приходилось действовать одновременно против Англии и Германии»: от Англии они требовали эвакуации Египта, а от Германии — возвращения Эльзаса и Лотарингии⁶⁹⁷. Вывод из этого делался один — «надо выбирать». И выбор был сделан в пользу отступления в Фашодском кризисе. Скоро «английское правительство решило протянуть пряник побитому врагу»⁶⁹⁸. В феврале 1899 г. были начаты переговоры, в которых Делькассе пришлось вновь пытаться сохранить честь страны на международной арене.

Сама фигура Теофиля Делькассе вызывает множество споров. Огромный интерес представляет смена в настроениях Делькассе с того времени, как он был министром колоний вплоть до 1898 г., когда его назначили на пост министра иностранных дел. Делькассе серьезно пересмотрел свои позиции в 1898 г. не только по делу Дрейфуса⁶⁹⁹, но и по египетскому вопросу. О его неожиданной перемене метко пишет английский историк Г. Сандерсон: «Где-то должна быть связь между агрессивным флибустьером Делькассе 1893 г., желающим ударить Англию по ее самому больному месту, и умеренным Делькассе 1898 г., который, хотя и был сильно испуган, но был также по-настоящему заинтересован во всестороннем улучшении англо-французских отношений»⁷⁰⁰. Вероятно, связь эту можно найти в Фашодском инциденте, когда Делькассе, на котором лежала вся ответственность по выводу Франции из кризиса, осознал невозможность ревизии египетского вопроса на условиях эвакуации британских оккупационных войск из страны.

Биографы Делькассе отмечают, что для многих его назначение министром иностранных дел стало сюрпризом, потому что, как ожидалось,

---

⁶⁹⁶ Тэйлор А. Дж. П. Указ соч. С. 394.

⁶⁹⁷ *Annales de la Chambre*. T. 1 (partie 1). Paris, 1898. P. 567.

⁶⁹⁸ История дипломатии... С. 440.

⁶⁹⁹ Из антидрейфусара Делькассе превратился в сторонника освобождения Дрейфуса из-под стражи.

⁷⁰⁰ Sanderson G. N. *England*... P. 207.

Делькассе должен был получить пост морского министра⁷⁰¹ — он слыл большим специалистом в морских делах и внимательно следил за развитием морских вооружений. Историк Браун считает, что, возможно, именно осознание нарастающей морской мощи Германии привело его к мысли о необходимости англо-французского сближения против Германии⁷⁰². В качестве министра иностранных дел Делькассе также удавалось сохранять хорошие отношения с Россией. Не случайно именно ему принадлежит знаменитое высказывание: «В деле патриотизма и любви к России все французские партии соревнуются между собой»⁷⁰³. Русские дипломаты, и в частности князь Урусов, посол России во Франции, характеризовали его как «бесспорно умного и способного человека»⁷⁰⁴.

В период Фашодского кризиса на политику Делькассе влияло множество факторов, но больше всего «его свобода действий» была стеснена внутренними проблемами⁷⁰⁵. Кроме участия в деле Дрейфуса, Делькассе также приходилось сглаживать недовольство министерства колоний. Несогласное с его курсом на примирение с Британией, министерство всячески способствовало нагнетанию обстановки и всплеску англофобии во французском обществе. Его глава Труе пытался привлечь общественное внимание к событиям в далеком Судане. Известно даже, что Труе вызвал к себе журналиста из правой газеты *Le Gaulois* и передал ему секретную информацию, касающуюся встречи Маршана и Китченера. В итоге в газете 28 сентября была напечатана весьма резкая антибританская статья, еще больше накалившая обстановку⁷⁰⁶. Статья имела серьезный резонанс в британской прессе, которая также ужесточила свой тон в отношении противника.

Позже, когда стало ясно, что Франция близка к дипломатическому поражению, «храбрый» министр колоний писал Делькассе: «Вы должны знать, что французская операция в Египетском Судане была проявлением

---

⁷⁰¹ Porter C. W. Op. cit. P. 104.

⁷⁰² Brown R. Op. cit. P. 125-126.

⁷⁰³ Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М., 1975. С.308.

⁷⁰⁴ Антюхина — Московченко В.И. Указ. Соч. С. 362.

⁷⁰⁵ Brown R. Op. cit. P. 126.

⁷⁰⁶ Le Gaulois. 28/09/1898.

лишь нашей общей политики»⁷⁰⁷. Никто не хотел брать на себя ответственность за поражение. Показательна в этом смысле встреча Делькассе с капитаном Баратьером, одним из участников экспедиции Маршана. Его приезд в Париж в конце октября 1898 г. стал знаменательным событием. На Лионском вокзале его приветствовала толпа, распевавшая песню *Vive l'armée!* и повторявшая громогласно *Nous resterons à Fachoda* (Мы останемся в Фашоде). Разумеется, теплый прием капитану оказали Комитет французской Африки и колониальная группа во главе с Этьеном. Последний даже произнес приветственную речь⁷⁰⁸. 27 октября Баратьер встретился с Делькассе. Первым вопросом, который ему задал министр, был «Почему вы были в Фашоде?», на что Баратьер, по его собственному признанию, простодушно ответил: «Потому что у нас был приказ»⁷⁰⁹. Далее министр, якобы, сказал обиженным голосом: «Видите, в какую ситуацию вы нас поставили».

Мы не можем проверить достоверность сведений, предоставленных капитаном Баратьером, однако удивление вызывает неосведомленность Делькассе, который, будучи в то время министром колоний, всячески помогал Маршану в его начинании. В беседе с немецким послом графом Мюнстером Делькассе в сердцах заявил, что он «никогда не послал бы Маршана в Фашоду»⁷¹⁰, при том, что именно он и послал Маршана в Фашоду. Когда в 1894 г. он стал главой министерства колоний, одной из первых его инициатив на новом посту были меры по ревизии египетского вопроса и отправка миссии Монтеля. Цель Монтеля, как и позднее Маршана, состояла в оккупации региона Бахр-эль-Газаль, что дало бы основания, по мнению Делькассе и Комитета французской Африки, для пересмотра положения англичан в Египте. Министерство иностранных дел старалось противостоять отправке экспедиции, но Делькассе удалось отстоять эту откровенно авантюрную идею. Известно даже, что в благодарность за это молодой министр получил от Комитета и колониальной группы подарок: скульптуру под названием

---

⁷⁰⁷ DDF. Série I. T. 14. Doc. 352.

⁷⁰⁸ Baratier A. Op. cit. Pp. 206-13 ; Le Temps. 27/10/1898.

⁷⁰⁹ Baratier A. Op. cit. P. 207.

⁷¹⁰ GP. Bd. 14. No. 3902.

«Исследователь», изображающую человека, указывающего рукой на небо молодому чернокожему, опустившемуся перед ним на колени.

Г. Аното, которого также считали ответственным за развязывание кризиса, пытался возложить всю вину на Делькассе. В своих интервью он открыто говорил, что египетская политика для Франции не имеет никакого значения, а Делькассе втянул страну в эту сомнительную авантюру, за которую теперь приходится отвечать. Относительно деятельности Аното также ведутся споры. Некоторые историки отмечают, что сам Аното считал эвакуацию англичан из Египта одним из приоритетных направлений французской дипломатии и был «убежденным сторонником колониальной политики»⁷¹¹. Другие же говорят о том, что Аното был склонен сохранять хорошие отношения с Англией, поэтому называл французские экспедиции на Нил изначально обреченными на поражение, а также отстаивал курс на сохранение целостности Османской империи⁷¹². Английская пресса в самый разгар кризиса возлагала вину за отправку экспедиции именно на него и называла его «современным Ришелье, или даже французским Бисмарком»⁷¹³. Очевидно одно: в условиях кризиса Аното пытался скомпрометировать Делькассе и возможно вернуться на Кэ д'Орсэ. Таким образом, Делькассе испытывал давление еще и с его стороны. Как пишет в своих мемуарах капитан Баратьер, при встрече с ним Делькассе признался, что он посидел за месяц⁷¹⁴.

Для Солсбери Фашодский кризис тоже стал испытанием. Его вплоть до начала Фашодского кризиса часто обвиняли в том, что его политика уступок и компромиссов привела к тому, что Британия перестала быть доминирующей державой. В частности, *The Economist* в феврале 1898 г. отмечал, что премьер-министр «сдал наши чрезвычайно выгодные позиции в Тунисе, не потребовав адекватной компенсации», а также «позволил Франции отступить от своего слова и аннексировать Мадагаскар», что соответствовало истине: в 1897 г.

---

⁷¹¹ Guillen P. Op. cit. P. 399.

⁷¹² Taylor A.J.P. Op. cit. P. 70.

⁷¹³ The Contemporary Review. № 396. Dec. 1898. P. 773.

⁷¹⁴ Baratier A. Op.cit. P. 212.

Франция окончательно упразднила местную монархию и превратила Мадагаскар в свою колонию. Естественным результатом подобной политики, по мнению издания, стало то, что «французская колониальная партия, в высшей степени шовинистическая, увидела возможность, и экспедиция следовала за экспедицией с целью оккупации территорий Нигера и даже Верхнего Нила, который находится полностью в сфере британского влияния»⁷¹⁵.

Похожие заявления делал другой английский журнал *The Contemporary Review*, говоря о том, что «Франция не только была ободрена нашим сомнением, но и получала от нас уступки в каждом спорном вопросе». Автор с сожалением замечал, что теперь у Англии «нет ни Питтов, ни Пальмерстонов» - явный упрек лорду Солсбери⁷¹⁶. Те же обвинения в адрес премьера звучали и в парламенте. Выступая в Палате Общин 1 марта 1898 г. один из депутатов, Эшмид-Бэртлет, возмущенно замечал: «Западная, Центральная, Южная Африка, Мадагаскар, Сиам, Тунис, северо-западная граница Индии, Китай, Османская империя и Средиземноморье. Везде мы наблюдаем британское отступление». Причину этого отступления депутат видел в «намеренной атаке на британские интересы со стороны великого франко-русского союза» и «вредной, нездоровой и наиболее злонамеренной перемене в политике, которая произошла в 1893 г.»⁷¹⁷, намекая на то, что эта «перемена», то есть создание франко-русского союза, была напрямую связана и отчасти стала результатом политики кабинета Солсбери в начале 1890-х гг. Осуждению также подверглась «блестящая изоляция», так как «Англия не могла в одиночестве противостоять вооруженной Европе»⁷¹⁸.

Возможность отступления была исключена для премьер-министра. И суданский вопрос, тесно связанный с египетским, в этот период был как никогда важен для Солсбери – так как от его разрешения зависела его репутация не только на дипломатической арене, но и внутри страны. Во время

---

⁷¹⁵ The Economist. 26/02/ 1898. P. 306.

⁷¹⁶ The Contemporary Review. № 394. Oct. 1898. P. 669.

⁷¹⁷ Parliamentary Debates. 1898. Vol. 54. Col. 304.

⁷¹⁸ Ibidem.

своего выступления в Палате Лордов он прямо заявил, что англичане удерживают Судан «по праву завоевания», а также добавил, что «в данном случае у нас нет другого выхода»⁷¹⁹. Даже германский посол в Париже граф Мюнстер писал: «По мнению посла и других англичан, с которыми я виделся, лорд Солсбери, даже если бы он захотел, не может сдаться из-за чересчур возбужденного общественного мнения»⁷²⁰. О его стесненном положении сообщал также граф Кастел-Руденхаузен из Лондона: «Лорд Солсбери сплотил вокруг себя все общественное мнение Англии, и это мешает ему сделать хоть один шаг в обратном направлении»⁷²¹. Таким образом, сам Солсбери стал в какой-то степени заложником воинственно настроенного общественного мнения Великобритании. Было бы справедливо отметить, что оно способствовало углублению конфликта.

Нагнетанию обстановки способствовали такие политики, как Чемберлен. В своей речи, произнесенной 15 ноября в Манчестере, Чемберлен ультимативно заявлял, что французы должны отказаться от «той тактики, которой они следовали в течение стольких лет». Министр колоний пояснял, что «везде — в Египте, Западной Африке, Мадагаскаре, Сиаме, Абиссинии, Китае, мы видели французское влияние, осуществляемое без всякой оглядки на британские интересы»⁷²². С другой стороны, вспоминая ту ожесточенность, которую кризис вызвал у британцев, депутат Палаты Общин и один из лидеров либеральной оппозиции Кэмпбелл-Баннерманн замечал, что «Фашодский инцидент был лишь поводом, а не причиной этого»,⁷²³ намекая на то, что негативные настроения копились на протяжении долгого времени, и кризис был лишь удобным случаем выплеснуть их наружу. При этом он стал не проявлением англо-французского антагонизма, а выражением недовольства британским правительством⁷²⁴. Оценка Кэмпбелла-Баннерманна была вызвана

---

⁷¹⁹ Parliamentary Debates. 1898. Vol. 66. Col. 28.

⁷²⁰ GP. Bd. 14. No. 3889.

⁷²¹ Ibid. No. 3895.

⁷²² Blet H. Op. cit. P. 32.

⁷²³ Parliamentary Debates. 1898. Vol. 66. Col. 93.

⁷²⁴ Ibidem.

его стремлением подчеркнуть неэффективность консервативного кабинета. Без сомнения, она содержала большую долю преувеличений.

На заявление Кэмпбелл-Баннерманна консерватор А. Бальфур ответил, что правительство, ввязываясь в Фашодский кризис, руководствовалось «высокой и имперской концепцией внешней политики»⁷²⁵.

Во внешнеполитических вопросах, которые затрагивали стратегические интересы империи, британские партии проявляли удивительное единодушие, выступая за активный, экспансионистский курс. Дело дошло до того, что некоторые либералы обвиняли консерваторов в недостаточно жесткой линии в колониальной политике. Американская пресса цитировала газету *Speaker*, печатный орган либеральной партии. Газета признавала, что такой вопрос, как Фашода, конечно, не стоит войны, однако задача правительства защищать честь Англии первостепенна, в противном случае «англичане не только потеряют уважение других, но и самоуважение»⁷²⁶. У. Черчилль также писал, имея в виду Фашоду: «Приятно вспомнить, что Англия встретила великий кризис объединенной. Политика правительства была одобрена оппозицией и поддержана спокойной решительностью народа»⁷²⁷. Британская пресса считала, что одной из важнейших предпосылок доминирования Великобритании над Францией в период Фашодского кризиса стало «единство английского общественного мнения»⁷²⁸. Фашодский кризис воспринимался как пробуждение английской дипломатической мощи от долгого сна. Великобритания сумела победить в этом споре не только благодаря своей морской мощи, но и потому что английские политические элиты и общественное мнение сплотились перед лицом Франции.

Фашодский кризис также продемонстрировал силу джингоистских настроений в стране. Конечно, джингоизм не был чем-то новым для Британии. Как точно отметил английский *The Contemporary Review* относительно

---

⁷²⁵ Parliamentary Debates. 1898. Vol. 66. Col. 94.

⁷²⁶ The NY Times. 16/10/ 1898.

⁷²⁷ Churchill W. Op. cit. P. 318.

⁷²⁸ The Contemporary Review. № 396. Dec. 1898. P. 810.

джингоизма, «он всегда с нами»⁷²⁹. Экспансионистские настроения подпитывались выступлениями некоторых английских политиков. Так, пресса цитировала Чемберлена, гордо заявившего: «У нас достаточно земли и достаточно варварских народов для того, чтобы завоевывать и управлять»⁷³⁰. Джингоисты не только требовали расширения британского влияния, но и призывали страну к войне в случае, если ее интересы будут затронуты другой державой.

Вопрос о возможности войны является одним из важнейших в изучении истории Фашодского кризиса. Исследователи дают на него разные ответы. Так, например, Р. Браун считает, что «перед тем, как Фашодский кризис был улажен, Франция и Британия были ближе к войне, чем любые другие европейские державы в столкновениях по африканским вопросам в период, предшествовавший 1914 г.»⁷³¹.

Источники, которые мы анализируем в данной главе, свидетельствуют о том, что большинство дипломатов и политических деятелей склонялись к невозможности войны по такому вопросу, как Фашода. Кэмпбелл-Баннерманн, вспоминая прошедшие тяжелые для обеих стран месяцы, предполагал: «Если мы посмотрим немного дальше и допустим возможность войны, мы поймем, что она вряд ли была реальна, настолько велики были бы беды, которые она принесет»⁷³². Историк Мардер, описывая солидные военные приготовления обеих стран, замечал, что «ни одно из правительств серьезно не рассматривало возможность войны»⁷³³. Однако бесконечная смена министерств и нестабильность французской внешней политики оставляли все же небольшой шанс для неожиданного поворота событий.

Перспектива англо-французского военного конфликта также обсуждалась и в других европейских странах. 1 ноября 1898 г. газета *Московские ведомости* писала, ссылаясь на итальянские издания:

---

⁷²⁹ The Contemporary Review. № 396. Dec. 1898. P. 810.

⁷³⁰ Ibid. P. 811.

⁷³¹ Brown R. Op. cit. P. 1.

⁷³² Ibid. P. 91.

⁷³³ Marder A.J. Op. cit. P. 335.

«Итальянские газеты говорят о причинах, по которым Франция уступила Англии в вопросе о Фашоде. Все газеты согласны с тем, что эта уступка устранила опасность войны, и восхваляют англичан за их настойчивость, хотя именно они и вели дело к войне»⁷³⁴. Любопытную цитату из речи премьер-министра Италии Франческо Криспи приводила газета *Don-Marzio*: «Война между Францией и Англией могла быть локализована без вмешательства России. В противном случае, война стала бы всеобщей, ибо Тройственный союз не смог бы сохранить нейтралитет»⁷³⁵.

Московские ведомости делали вывод о том, что именно Англия провоцировала Францию на развязывание войны. Вот как газета характеризовала сложившееся положение: «Англии было нужно (а может быть и сейчас нужно) найти повод к тому, чтобы возбудить европейскую войну, дабы затем половить рыбу в мутной воде, пока еще не совсем ушло время, а оно уйдет с окончанием строительства Великой Сибирской дороги, с постройкой новых судов русского флота и с окончанием вооружений Франции. Именно теперь Англии выгодно было бы навязать общую резню... Для нее все бы ограничилось перестрелкой с французскими судами, а там пусть себе бьются миллионные армии»⁷³⁶. Таким образом, русская газета намекала на то, что Англия пыталась развязать войну не столько против Франции, сколько против России для того, чтобы реализовать свои интересы на Дальнем Востоке. Если мнение газеты разделяли петербургские дипломатические круги, то позиция России становится понятнее – это была еще одна причина, по которой России ни в коем случае не следовало вмешиваться в Фашодский кризис.

Любопытен тон русских газет относительно Германии. Корреспондент *Московских Ведомостей* отмечал, что Германия «не могла быть искренней союзницей Англии, ибо она всюду выступала ее конкуренткой»⁷³⁷. «Вскоре уже не будет возможно втравить Германию в войну с Двойственным союзом,

---

⁷³⁴ Московские Ведомости. 01/11/ 1898.

⁷³⁵ Там же.

⁷³⁶ Там же.

⁷³⁷ Там же.

тем более что во главе ее стоит столь умный и энергичный государь, как Вильгельм II», - писала газета⁷³⁸. Подобные заявления русской прессы давали англичанам повод для размышлений о континентальном союзе.

Разговоры о войне в джингоистской британской и шовинистической французской прессе были скорее спекуляциями, нежели реальными политическими прогнозами. С той же целью британцы держали свой флот мобилизованным вплоть до января — февраля 1899 г. В феврале 1899 г. немецкая газета *Hamburger Nachrichten* опубликовала статью, где подчеркивалось: «Англия достаточно богатая страна, чтобы держать свой флот в боевой готовности довольно долго. Это лишь средство запугивания, и не более того. В действительности, возможно, что Россия взялась бы за оружие, если бы Англия атаковала Францию, так как англичане, вынужденные мобилизовать большую часть своих сил в Европе, столкнулись бы с русской угрозой в Азии. Англия не хотела бы подвергаться такому риску»⁷³⁹. Флот был важнейшим инструментом давления на французов, который напоминал им о том, что не стоит доводить дело до военного столкновения. Не случайно Делькассе принял решение об эвакуации миссии Маршана вскоре после того, как стало известно о мобилизации британского флота.

Как мы отмечали, для Солсбери египетский вопрос был важнейшим испытанием – чтобы доказать свою твердость, он обязан был идти до конца. Однако развязывать войну из-за Фашоды он, как и Делькассе, не хотел – война в Средиземноморье дорого обошлась бы обеим сторонам. Кроме того, англичане не могли быть уверены насчет позиции России. Делькассе, на долю которого выпало решать суданскую проблему, пытался использовать продвижение экспедиции Маршана как метод давления на Англию с целью хотя бы частично вернуть Франции позиции, которыми она обладала в период кондоминиума. Солсбери, прекрасно знавший положение дел во Франции и ее беспомощность перед мощным британским флотом, намерено грозил Парижу

---

⁷³⁸ Там же.

⁷³⁹ Robinson R., Gallagher J. Op. cit. P. 114.

войной, считая, что Делькассе вряд ли ее допустит. Однако, как мы отмечали выше, непредсказуемость французской внутренней политики и отсутствие преемственности во французской дипломатии были еще одним дестабилизирующим фактором в период кризиса. Неслучайно, в британских газетах ходили слухи, что Франция, возможно, сама попытается спровоцировать вооруженный конфликт с Англией, для того чтобы отвлечь внимание народа от хаоса, царившего в стране последний год и воссоединить нацию, разделившуюся на два лагеря в связи с делом Дрейфуса⁷⁴⁰. Французская политика была настолько шаткой, что порождала даже такие абсурдные слухи.

Фашодский инцидент стал наивысшей точкой борьбы держав за влияние в нильском регионе. Он фактически поставил крест на стремлении французов пересмотреть британскую оккупацию Египта, что, впрочем, не лишало Францию экономического влияния в стране через Кассу египетского долга. Но важнейшая дипломатическая битва была проиграна. Нежелательный для французов эффект оказала и недостаточная, с точки зрения французской политической элиты, поддержка со стороны России. Одним из важнейших последствий инцидента 1898 г. стал временный разлад в русско-французских отношениях. После Фашоды Франция приступила к активному поиску новых союзников.

---

⁷⁴⁰ Robinson R., Gallagher J. Op. cit. P. 375.

Глава 4. От конфронтации к согласию: египетский вопрос и англо-французская Антанта 1904 г.

4.1. Урегулирование споров за Верхний Нил в 1899 г.

В конце ноября 1898 г. Фашодский кризис фактически был исчерпан. Капитану Маршану поступил приказ эвакуировать французскую экспедицию. Сирдар Китчнер должен был обеспечить порядок на территории, которая переходила под контроль британской администрации в Египте. Сразу же после того, как стало известно об эвакуации французской экспедиции, лорд Кромер приступил к составлению англо-египетского соглашения по Судану. В самом Судане глава британской администрации собирался провести реформы: на его взгляд, стране нужна была «легкая система налогообложения, простые формы гражданского и уголовного правосудия, и назначение нескольких тщательно отобранных чиновников, которые были бы наделены широкими полномочиями по управлению местными делами»⁷⁴¹.

С самого начала Кромер хотел избежать проблем, связанных, в первую очередь, с присутствием иностранного капитала и собственности в Судане. В меморандуме он писал: «Если мы дадим европейцам торговать и, более того, обосновываться в Судане и приобретать там реальную собственность без каких-либо определенных деклараций относительно общего политического, административного и юридического режима, мы создадим основу для очень больших неприятностей в будущем»⁷⁴². Так он пытался не допустить ситуации, сложившейся в большинстве подвластных Османской империи земель, где европейцы, получившие еще в начале века капитуляции, без конца соперничали друг с другом за экономическое, культурное и политическое влияние.

Судан переходил под полное управление британской администрации, а следовательно, англичанам было совершенно незачем

---

⁷⁴¹ Abbas M. Op. cit. P. 161. Annex B (Lord Cromer's Memorandum to the Secretary of State for Foreign Affairs supporting his draft of the Anglo – Egyptian Agreement on the Sudan).

⁷⁴² Ibid. P. 162.

объявлять об аннексии и привлекать лишнее внимание великих держав. Кромер объяснял решение дипломатичнее: «Не в интересах Великобритании было прибавлять себе ответственности, которую она и так имела повсюду»⁷⁴³. Там же он отмечал, что особые позиции англичан в Судане обусловлены тем, что «завоевание было совершено на английские деньги английскими войсками, а египетскими отрядами руководили англичане»⁷⁴⁴. На наш взгляд, осторожность, которую Кромер проявил в суданском вопросе, говорила о том, что он не хотел лишний раз создавать напряжение не только в отношениях с другими европейскими государствами, но и внутри Великобритании, ведь как он сам писал, на то, чтобы усмирить Судан были потрачены английские деньги, что устраивало далеко не всех налогоплательщиков на родине Э. Беринга.

Самая главная статья англо-французского соглашения по Судану (статья 6) касалась столь актуальных для британской администрации финансовых вопросов. Кромер считал, что «совершенно нежелательно, чтобы Касса египетского долга была допущена к суданским делам», так как это создавало бы ситуацию двойного финансового контроля: с одной стороны, экономикой Судана управляли бы египетские власти, а с другой – представители Кассы. После детального обсуждения этого вопроса с Э. Горстом,⁷⁴⁵ он пришел к выводу, что «было бы лучше всего вообще не упоминать об этой проблеме в конвенции»⁷⁴⁶. Относительно самой Кассы, генеральный консул заметил, что «на этот договор она согласилась». До тех пор, пока «доходы Судана превышают его расходы»,⁷⁴⁷ как считал Кромер, Касса не будет иметь к нему никаких претензий.

Ожидание неприятностей, связанных с Кассой, было неслучайным. Вопрос управления финансами Судана вызвал множество споров. Основное предложение англичан сводилось к тому, чтобы суданский доход находился в

---

⁷⁴³ Cromer. Op. cit. P.113.

⁷⁴⁴ Abbas M. Op. cit. P. 164. Annex B.

⁷⁴⁵ Сотрудник Форин Офис, ответственный за сбор информации по суданскому и египетскому вопросам в этот период. Позже главный советник по финансовым вопросам Египта.

⁷⁴⁶ Abbas M. Op. cit. P. 167.

⁷⁴⁷ Ibid. P. 168.

полном распоряжении египетского правительства, которое при этом взяло бы на себя обязательство по «гражданским и текущим военным расходам»⁷⁴⁸. При этом затраты на содержание небольшого британского отряда в Хартуме (примерно 250 человек) несло бы британское правительство.

Другой вопрос, который также чрезвычайно волновал Кромера, был связан с европейской торговлей на территории Судана. Как мы уже отмечали, он стремился не допустить превращения страны в подобие международного торгового протектората. Кромер считал, что права европейцев на торговлю и приобретение собственности должны были быть «оспорены». Важно было продемонстрировать державам, что Судан не будет управляться тем же путем, что и Египет⁷⁴⁹. Торговля Египта регулировалась на основании договоров и конвенций, подписанных европейскими державами с Портой, согласно которым были установлены пошлины на импорт в размере 8 % и на экспорт — 1%. Для того, чтобы избежать распространения этой системы на Судан, Кромер настаивал на введении специальной статьи в англо-египетский договор.

Говоря о различиях между Суданом и Египтом, следует также отметить, что британцы постарались избавиться здесь от столь ненавистных им смешанных судов, которые чинили множество препятствий английской администрации Египта⁷⁵⁰. Смешанные суды возникли в Египте еще в 1875 г. Они были созданы как органы общей юрисдикции для разрешения споров с участием иностранцев⁷⁵¹. В частности, они регулировали все процессы между европейцами разных национальностей или между европейцами и египтянами. В смешанных судах заседали четверо египетских судей и трое европейских. Последние назначались и оплачивались правительством хедива. Всего было три смешанных суда и одна апелляционная палата. В целом смешанные суды

---

⁷⁴⁸ Abbas M. Op. cit. P. 168.

⁷⁴⁹ Ibid. P. 169. Annex B.

⁷⁵⁰ Особый статус, однако, имел Суакин, на который распространялись все европейские капитуляции и смешанные суды. Это было связано с тем, что эта территория находилась в подчинении Египта даже во время мятежа Махди.

⁷⁵¹ Административное право Египта // Административное право зарубежных стран. Под ред. А.Н. Козыркина. М., 1996. С. 96.

руководствовались французской правовой системой. Для того чтобы не допустить распространения юрисдикции смешанных судов на Судан, Кромер решил ввести там чрезвычайное положение. Кроме того, никакие консульства не имели права обосновываться в Хартуме без разрешения британского правительства.

В условиях военного времени или чрезвычайного положения широкими полномочиями наделялся генерал-губернатор, который, например, имел право депортировать из страны любого, будь то европеец или суданец⁷⁵². Однако его власть была ограничена местными судами, которые были к тому моменту уже организованы в одной из провинций Судана — Донголе. В сам бюджет страны была заложена статья о распространении подобных судов на всю остальную территорию.

Англо-египетский договор был подписан 19 января 1899 г. Он состоял из 12 пунктов, которые, в целом, закрепляли предложения, сделанные Кромером в ноябрьском меморандуме. Одна из важнейших его статей, пятая, гласила: «Ни один египетский закон, декрет, министерский указ или другое постановление ... не может быть распространен на Судан».⁷⁵³ Договор устанавливал англо-египетский кондоминиум⁷⁵⁴ в управлении Суданом. Подобный статус был новаторством в сфере международного права и вызвал неоднозначную реакцию в мире.

Султан выказал недовольство заключением подобного договора. Такая реакция была естественной, так как согласно установленному режиму, Судан фактически переходил под управление британской администрации Египта. Официально на него не распространялись египетские законы и привилегии Кассы египетского долга. Высшая гражданская и военная исполнительная и законодательная власть в стране принадлежали генерал-губернатору, назначаемому декретом хедива по рекомендации британцев. Генерал-губернатор не мог быть смещён без согласия Англии.

---

⁷⁵² Abbas M. Op. cit. P. 171. Annex B.

⁷⁵³ Ibid. P. 158. Annex A (The Anglo-Egyptian Agreement of 1899).

⁷⁵⁴ В международном праве владение определенной территорией двумя или более государствами, которые совместно осуществляют над ней свой суверенитет на основе соответствующего соглашения.

Как вспоминает сам Кромер, «дипломаты, приверженные условностям, были озадачены и слегка шокированы созданием политического статуса, доселе не знакомого европейскому праву»⁷⁵⁵. Режим кондоминиума вызвал недовольство среди европейских держав. Франция не могла выступить против подписания англо-египетского соглашения, так как в это время она обсуждала с Великобританией урегулирование на Верхнем Ниле. Ш. Фрейсине в книге «Египетский вопрос» оценивал значение кондоминиума как установление «английского протектората над Суданом»⁷⁵⁶. Он замечал, что «с точки зрения международного права этот акт не имел никакой силы», так как согласно фирманам турецкого султана хедив не мог передавать свою власть, заключать любые договоры с иностранными державами (исключение составляли лишь торговые конвенции). Фрейсине считал договор недействительным, так как он противоречил принятым ранее соглашениям и заявлял, что «положение англичан в Судане остается нелегальным»⁷⁵⁷. Однако французы были слишком ослаблены Фашодским кризисом для того, чтобы публично критиковать договор или пытаться помешать его ратификации.

В конце 1899 г. французы пытались понять, собираются ли англичане компенсировать им потерю позиций в регионе Верхнего Нила и унижительный отзыв экспедиции. Англичане выжидали, в то время как в интересах Франции было заключить договор как можно раньше. Отчасти это было связано с тем, что во французской прессе уже в январе 1899 г. писали, что переговоры по Бахр-эль-Газалю находятся в активной стадии, что совершенно не соответствовало действительности. Кроме того, газеты настаивали на том, что Франция должна постараться удержаться в этом регионе⁷⁵⁸. По поводу слухов о начавшихся переговорах посол Франции в Лондоне Поль Камбон замечал в очередном послании Делькассе, что «с такими людьми, как лорд Солсбери, да и с англичанами в целом, нужно всегда придерживаться лишь строгой

---

⁷⁵⁵ Cromer. Op.cit. P.118.

⁷⁵⁶ Freycinet de C. La Question d'Egypte... P. 419.

⁷⁵⁷ Ibidem.

⁷⁵⁸ DDF. Série I. T. 15. Doc. 55.

правды»⁷⁵⁹. Распространение неверных сведений во французской прессе ставило Камбона в неловкое положение и осложняло задачи посла.

Важнейшей задачей Поля Камбона, сменившего в 1898 г. де Курселя на посту французского посла в Лондоне, была нормализация отношений с англичанами. Следовательно, ему предстояли серьезные переговоры по африканским вопросам. В разговоре с Солсбери он выразил «примирительную» позицию французского руководства. Британский премьер-министр ответил, что «есть лишь один вопрос, на котором особенно заострено внимание английского общественного мнения, и что Британия протестует против того, чтобы делить с Францией политические права на любую из частей Нильской долины»⁷⁶⁰. Таким образом, французское правительство было поставлено перед ультиматумом — либо оно отказывается полностью от всяких прав на Нильскую долину, либо соглашение не будет подписано. Учитывая то, что экспедиция Маршана покинула Фашоду, упорствовать далее со стороны французов уже не было смысла. При этом Солсбери подчеркивал, что уход Франции из региона Верхнего Нила коснется лишь политической сферы, а коммерческая деятельность Франции не пострадает. Как отметил премьер-министр позже, разговор с Камбоном показал, «что французское правительство отказалось от идеи о том, что французский флаг должен развеяться над какой-либо из частей Нильской долины»⁷⁶¹. Говоря о том, что французы должны отказаться только от своих политических требований, Солсбери, конечно, имел в виду давление на Англию в египетском вопросе.

Зимой 1899 г. неожиданно вновь начали распространяться слухи о возможной войне между Англией и Францией. В Париже говорили о том, что «сама идея войны с Францией не исчезла, и в Адмиралтействе, недавно рассматривались стратегические планы» в случае ведения военных

---

⁷⁵⁹ DDF. Série I. T. 15. Doc. 55.

⁷⁶⁰ Ibid. Doc. 240.

⁷⁶¹ Ibidem.

действий⁷⁶². Монсон также сообщал об «ожидании войны с Англией в течение весны», которое подкреплялось не только парижскими газетами, но и высказываниями «авторитетных французов, которые, как считается, имеют доступ к проверенной информации». Согласно распространенному во Франции и других континентальных державах мнению, в Англии существовала «могущественная группа политиков, считающих настоящий момент наиболее подходящим для нападения на Францию»⁷⁶³. Монсон не пояснял, каких политиков причисляли французы к этой группе. Как и прежде, разговоры о войне были отчасти способом манипуляции с обеих сторон, отчасти — преувеличениями прессы. Однако одно было очевидно: подобные слухи совершенно не способствовали разрядке в отношениях между двумя странами.

Английский посол считал, что паника во Франции является результатом немецких интриг, и отмечал, что германский император «с настойчивостью» говорил о «неизбежности англо-французской войны»⁷⁶⁴. Кроме того, британский посол, якобы пораженный ожесточенностью, с которой французская пресса нападала на «английского врага», даже предполагал, что Франция попытается использовать «интервал, предоставленный ей в связи с наступающей выставкой»⁷⁶⁵, для того, чтобы наращивать вооружения»⁷⁶⁶.

Державам все-таки удалось прийти к соглашению, которое было подписано 21 марта 1899 г. Формально, этот договор был дополнением к статье IV Конвенции, заключенной между Англией и Францией 14 июля 1898 г. относительно делимитации территории на Нигере. Декларация содержала всего 4 статьи⁷⁶⁷. Первые три определяли пограничную линию для английской и французской сфер влияния. А в последнем, четвертом пункте говорилось о назначении комиссаров, которые были ответственны за установление

---

⁷⁶² DDF. Série I. T. 15. Doc. 79.

⁷⁶³ BD. Vol. 1. Doc. 241.

⁷⁶⁴ Ibid. Doc. 243.

⁷⁶⁵ Имеется в виду Всемирная выставка 1900 г. в Париже.

⁷⁶⁶ BD. Vol. 1. Doc. 243.

⁷⁶⁷ Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. Déclaration additionnelle du 21 mars 1899 à la Convention franco-anglaise du 14 juin 1898. Paris, 1899.

пограничной линии на местах и разграничение территории. За их работой должны были следить английское и французское правительство соответственно.

По условиям этого документа, Франция полностью уходила из бассейна Верхнего Нила. Однако в обмен на это французы получили компенсации в других частях Африки. Граница между британскими и французскими владениями была проведена по водоразделу между бассейнами озера Чад и реки Конго, с одной стороны, и бассейном Нила — с другой. Франции удалось получить значительный район к западу от Дарфура, включающий Вадаи, Канем, Багирми и другие стратегически важные для французских африканских колоний территории. Так, «проиграв в вопросе «престижа», для Франции было не так уж и трудно извлечь (из договора. — А.А.) реальные преимущества»⁷⁶⁸. Как отмечал Фрейсине, англичане, «избавившись от предмета серьезного беспокойства, проявили настоящую щедрость»⁷⁶⁹. Таким образом, если учитывать все обстоятельства, которые предшествовали подписанию договора, можно сказать, что «Франция легко отделалась»⁷⁷⁰.

В день заключения договора Солсбери написал королеве Виктории письмо, в котором сообщал: «Сегодня я пришел к соглашению с французским послом относительно французских и английских сфер влияния в Африке. Оно полностью исключает французов из долины Нила и восстанавливает управление (англо-египетской администрации. - А.А.) египетской провинцией Дарфуром»⁷⁷¹.

Но сложности возникли в Париже во время обсуждения договора в Сенате. Депутат Ламарзель выступил против подписания соглашения, так как Франция, по его мнению, отдавала англичанам Бахр-эль-Газаль, на территории которого, находились французские посты, в обмен на неизвестные земли. Кроме того, Ламарзель обращал внимание на то, что цель подписания этого договора заключалась в том, чтобы решить все проблемы с англичанами,

---

⁷⁶⁸ Riker T.W. Op. cit. P. 76.

⁷⁶⁹ Freycinet de C. Question d’Egypte. P. 414.

⁷⁷⁰ Stuart H.G. Op. cit. P. 30.

⁷⁷¹ Letters of Queen...P. 351.

однако, по сути, эта декларация сохраняла важнейшие противоречия между двумя державами. Без сомнения, депутат намекал на претензии Франции в Египте⁷⁷². Ответ Делькассе, как отмечает историк Г. Стюарт, «был блестящим примером его умения убеждать»⁷⁷³. Он заметил, что, в самом деле, французы сделали некоторые уступки англичанам на Нигере, но взамен они смогли обеспечить единство французского Судана. «После того, как Сесиль Родс продвинул британский флаг вплоть до южных берегов острова Танганьика, когда с севера, по очереди Донгола, Бербер и Хартум были отвоеваны у махдистов, какой политик, не потерявший еще полностью чувство реальности, какой министр, понимающий, что от Каира за 20 дней тысячи солдат по Нилу могут быть переброшены в Бахр-эль-Газаль, в то время, как французским изнуренным солдатам понадобится год на то, чтобы дойти туда, кто, зная все это, осмелится требовать у страны бесполезную кровавую и дорогостоящую жертву, чтобы оспаривать эту территорию?»⁷⁷⁴. Стоит ли говорить, что после такой речи не нашлось желающих опротестовывать договор, и декларация была ратифицирована.

Подписание соглашения 1899 г. окончательно решило суданский вопрос в пользу Великобритании. Французский историк А. Блэ писал, что договор 1899 г. ознаменовал «окончание англо-французского соперничества в Африке»⁷⁷⁵. Отчасти, его высказывание отражало сложившуюся на тот момент ситуацию. Конечно, в договоре ни слова не было сказано о том, будут ли пересмотрены позиции Великобритании в Египте и когда закончится оккупация. Разумеется, французы осознали всю сложность этой проблемы и непримиримость английской дипломатии, но, тем не менее, интересы Франции в Египте, и в первую очередь, финансовые, были слишком значительны, чтобы так просто от них отказаться. Однако, важно понимать, что после Фашодского кризиса ни о какой эвакуации англичан из Египта и речи быть не могло. Фактически Фашода укрепила влияние англичан в

---

⁷⁷² Annales du Sénat. Vol. 54. P. 828.

⁷⁷³ Stuart H.G. Op. cit. P. 31.

⁷⁷⁴ Annales du Sénat. Vol. 54. P. 830.

⁷⁷⁵ Blet H. Op. cit. P. 38.

регионе Верхнего Нила. В ответ на французские претензии на Судан, Солсбери пригрозил Парижу войной, к которой ни одна из сторон готова не была, но ослабленная внутривосточными проблемами и уступающая Британии на море Франция была к ней не готова в особенности.

Во время обсуждения договора 21 марта 1899 г. в Сенате Делькассе четко сказал: «Египетский вопрос должен остаться вне переговоров»⁷⁷⁶. Очевидно, что Делькассе прекрасно понимал: обсуждение египетского вопроса во время переговоров по разграничению сфер влияния в Центральной Африке могло привести к ужесточению английских позиций и по этой проблеме. Исключение Франции из Верхнего Нила в какой-то мере обозначило всю безнадежность дальнейших политических претензий Третьей Республики на Египет. Однако не стоит забывать, что Франция продолжала играть важную роль в Кассе египетского долга, и, следовательно, могла оказывать давление на британскую администрацию. На деле, после Фашодского кризиса для Франции египетский вопрос сводился к тому, чтобы сохранить свое значительное финансовое и экономическое влияние в регионе через Кассу египетского долга. Нужно также отметить, что приобретения Франции в районе Чада серьезно подсластили горечь от поражения на Ниле.

Реакция европейских держав на соглашение 1899 г. была неоднозначна. В первую очередь, его подписанием была обеспокоена Италия. Это было связано с тем, что по договору Франция получала территории, смежные с Триполи, и включала в сферу своего влияния некоторые важные оазисы, расположенные на юге от земель, изначально находившихся в сфере итальянских интересов. Итальянский кабинет стал объектом «жестоких атак» со стороны собственного населения, так как «оказывал слишком большое доверие Великобритании и недостаточно хорошо охранял национальные интересы»⁷⁷⁷. Было очевидно, что англичане передали французам именно те земли, на которые претендовала Италия.

---

⁷⁷⁶ Freycinet de C. Question d'Egypte. P. 417.

⁷⁷⁷ BD. Vol. 1. Doc. 246.

Недовольство соглашением выразила также Порта, которая считала что территория, отданная французам, вообще должна быть «исключена из зоны любого иностранного влияния»⁷⁷⁸, что, впрочем, не оказало воздействия на исполнение обязательств, предусмотренных договором. В действительности, у Турции не было возможности и достаточных инструментов давления на англичан или французов, а Германия, очевидно, не собиралась вмешиваться в процесс урегулирования англо-французских отношений на стороне турок.

Несмотря на заверения Делькассе в том, что договор крайне выгоден для французам, он не отвечал полностью ожиданиям и интересам Франции – она так и не получила никаких уступок в Судане. Французская дипломатия нуждалась в серьезной реабилитации после поражения 1898 г. Исход кризиса показал важность внутривосточного единства и необходимость стабильности как залога дипломатического успеха. Разобщенная страна, находящаяся на грани гражданской войны из-за дела Дрейфуса, не могла противостоять внешней опасности. Кризис также выявил слабость и уязвимость франко-русского альянса. Не случайно, сама целесообразность участия в подобном союзе ставилась под вопрос некоторыми французскими политиками и влиятельными общественными деятелями⁷⁷⁹.

В «Фашодском унижении», судя по тому, что писала пресса, французское общественное мнение уже в конце 1898 г. начало обвинять своего союзника — Россию⁷⁸⁰. Популярная националистическая газета *Le Soleil* опубликовала статью «Человек и лошадь»⁷⁸¹. В ней автор писал: « Со времени заключения «драгоценного альянса», Петербург управляет внешней политикой Франции. Мы сделали все, что хотела Россия. Мы двигались туда, куда нас направляла Россия. Чтобы понравиться России, французское руководство вмешалось в конфликт между Японией и Китаем, чтобы вырвать у Японии плоды ее победы. Опять же, чтобы понравиться России, французское правительство позволило султану вырезать 300 тысяч армян –

---

⁷⁷⁸ BD. Vol. 1. Doc. 253.

⁷⁷⁹ Антюхина-Московченко В.И. Указ. соч. С. 488.

⁷⁸⁰ АВПРИ, Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 79, 1898. Л. 168.

⁷⁸¹ Там же. Л. 173.

поданных Османской империи»⁷⁸². Автор статьи делал вывод, что русско-французские отношения было бы неправильно называть союзом, потому что союз предусматривает взаимные уступки: в действительности, альянс «подчинил Францию воле России». В статье подчеркивалось: «В деле Фашоды Россия бросила нас без всяких колебаний». Единственная помощь со стороны России, по мнению газеты, проявилась в отправке в Париж великого князя Владимира Александровича⁷⁸³ «для того чтобы утихомирить» французов. По данным издания, Россия пыталась убедить Францию в необходимости германского союза, что было бы «высшим унижением» для Франции. «Пруссак был более грубым наездником, чем казак, так что, в этом случае, как и с Россией, Франция была бы лошадью», — писала *Le Soleil*. Без сомнения, германофильские взгляды Николая II были известны французам.

Надо сказать, что не только националисты пытались переложить вину за поражение в Фашоде на Россию. Против союза активно стали высказываться и либералы, убежденные в том, что не Россия, а Англия должна быть партнером Франции в Европе. Крайние радикалы выступали также против союза с монархическим режимом⁷⁸⁴.

Разлад в русско-французских отношениях после Фашоды почувствовали и англичане. Русский дипломат писал из Лондона о том, что там активно обсуждали «полное безразличие России в момент ссоры Англии и Франции»⁷⁸⁵. Он добавлял, что англичане были бы рады наблюдать ослабление «силы этого двойственного союза, против которого Англия строила планы сегодня в Африке и завтра на Дальнем Востоке».

В похожей манере выражалась и немецкая пресса. В январе 1899 г. *Berliner Tageblatt* приводила слова императора Вильгельма II, который утверждал, что «Фашодский конфликт был затеян Англией только для того, чтобы посмотреть, как далеко можно зайти с Францией, не спровоцировав реакцию России». Император заключал: «Кажется, все получилось так, как

⁷⁸² АВПРИ, Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 79, 1898. Л. 173.

⁷⁸³ Младший брат императора Александра III.

⁷⁸⁴ АВПРИ, Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 79, 1898. Л. 169.

⁷⁸⁵ Там же. Л. 172.

Англия и хотела»⁷⁸⁶. В заключении отмечалось: «Фашода четко показала, что отношения между Францией и Россией далеки от той близости, о которой долго говорили в мире»⁷⁸⁷. Без сомнения, германский император несколько преувеличивал желание Лондона проверить на прочность русско-французский союз. Правда, однако, что французы внимательно следили за реакцией России во время кризиса и ждали от нее действий.

Николай II поручил главе военного ведомства Куропаткину встретиться с французскими дипломатами в Санкт-Петербурге и объяснить им русскую позицию. В конце января 1899 г. Куропаткин пригласил к себе французского посла, которому было поручено передать Делькассе содержание разговора слово в слово. Куропаткин заявил: «Если бы британское правительство, после всех мудрых уступок, которое вы ему сделали, зашло бы слишком далеко, император обязательно вмешался бы в категорической форме, чтобы помешать Англии атаковать вас»⁷⁸⁸. В то же время, Куропаткин отметил, что «требовать от России жертвовать тысячами людей и тратить миллиарды в ее тяжелейшей финансовой ситуации, только ради того, чтобы сохранить Фашоду, было бы чересчур со стороны Франции»⁷⁸⁹. Он также обращал внимание на условия заключения союза, которые не предусматривали проведения совместной политики в колониальных вопросах: «У нас нет никаких обязательств в этой области, и мы не считаем, что должны заниматься решением политических вопросов в Африке с другими державами. По крайней мере, мы не ждем от вас вмешательства в наши дела с Германией в Китае»⁷⁹⁰.

При этом любопытно, что Россия действительно приняла определенные меры на случай войны с Великобританией. Россия, как и Франция с Англией, мобилизовала свои силы на Дальнем Востоке. Вероятно, именно там она боялась получить удар со стороны Британии в случае, если началась бы

---

⁷⁸⁶ ADF. Allemagne. Politique étrangère, relations avec la France. 1897-1900. P. 104.

⁷⁸⁷ Ibid. P. 105.

⁷⁸⁸ Le Service Historique de la Défense. Attachés militaires. Russie, 1898-1900, le 30 janvier 1899.

⁷⁸⁹ Ibidem.

⁷⁹⁰ Ibidem.

большая война. Куропаткин сообщал о мобилизации французскому послу: «Император дал мне приказ предпринять все необходимое, чтобы обеспечить защиту Российской империи против любых попыток агрессии со стороны британского флота». В связи с этим, дальневосточные порты были приведены в состояние боеготовности. В целом, по сообщению Куропаткина, на азиатском фронте Россия могла выставить всего лишь 735 тысяч солдат – цифра, по его словам, свидетельствующая о том, что Россия была не готова отразить возможный удар со стороны англичан (данных о возможном количестве английских солдат министр не приводил). Куропаткин признавал, что в критический для Франции момент, если бы война действительно началась, Россия «была бы неспособна к серьезной наступательной операции против Индийской империи».⁷⁹¹

Получается, что поддерживая на словах французские претензии в Египте, МИД оказался совершенно не готов к такому развитию событий, как Фашодский кризис. Все переговоры после ноября 1898 г. проходили без участия России или консультации с ней. Разумеется, Россия по договору 1893 г. была не обязана вступать в англо-французский конфликт. Однако, судя по документам и заметкам во французской прессе, Париж связывал с Россией некоторые ожидания: по меньшей мере, официальную дипломатическую поддержку от Петербурга – вероятно, устной декларации о готовности поддержать Париж было бы достаточно. Но декларации не последовало. Уязвленная французская общественность тяжело переживала молчание Петербурга. Отсюда и некоторое разочарование в союзе. Французский журналист Шарль Луазо чуть позже писал в своей книге «К вопросу о франко-русском союзе»: «В какой-то момент Франция искала союза в Египте, где позиции, которые мы когда-то занимали, начинают переходить к Великобритании. Франция искала союз в испытании, которое выпало на нее вместе с Фашодой, вызванной некомпетентностью нашего правительства. Она

---

⁷⁹¹ Le Service Historique de la Défense. Attachés militaires. Russie, 1898-1900, le 30 janvier 1899.

искала союз – и до сих пор ищет – в тех регионах Османской империи, где убивают и пытаются по приказу халифской делегации ... Союз так нигде и не нашелся»⁷⁹².

В России недовольство в прессе и во французских элитах воспринимали как «кампанию, организованную против русско-французского союза» под предлогом Фашоды⁷⁹³. В то же время Муравьев писал в своих письмах, что во Франции царит «аморальность» и французский народ «достоин иметь лучшее правительство»⁷⁹⁴. По его мнению, французская дипломатия функционировала только потому, что депутаты не слишком интересовались внешней политикой, а французская дипломатия стала делом маленькой группы людей⁷⁹⁵. Фашодское поражение и кризис в целом Муравьев объяснял неправильной политикой, которую вела колониальная группа во главе с Этьенном. Недовольство союзником накопилось не только во Франции, но и в России. Отношения заметно охладели.

Единственное утешение, которое находила для себя Франция, это мысль о том, что именно благодаря ее гибкой политике Европе удалось избежать войны. Подводя итоги 1898 г. для страны президент Феликс Фор в своей ежегодной речи 1 января 1899 г. отметил: «Франция всегда ставила на первое место среди своих задач укрепление мира, такого ценного для счастья народов». При этом, как отмечал составитель ежегодного сборника *L'Année politique* А.Даниэль, одной из задач данной речи было «отметить настоящие мотивы, руководствуясь которыми Франция отступилась, не доведя до крайних пределов конфликт, провоцируемый англичанами на Верхнем Ниле»⁷⁹⁶. Подобное объяснение итогов Фашодского конфликта было естественно для французского руководства. Однако за общими фразами чувствовалось не только стремление возложить вину за столкновение в

---

⁷⁹² Loiseau Ch. A propos de l'alliance franco-russe. Paris, 1902. P. 2.

⁷⁹³ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 79, 1898. Л. 169.

⁷⁹⁴ Там же. Л. 190.

⁷⁹⁵ Там же. Л. 193.

⁷⁹⁶ Daniel A. L' Année Politique, 1899. Paris, 1900. Pp. 2-3.

Фашоде на британцев, но и понимание недопустимости разрешения подобных конфликтов военным способом.

Удачное для Британии завершение кризиса воспринималось в Лондоне как своеобразное возвращение империи в русло активной внешней политики. Во время обсуждения инцидента 1898 г. в парламенте, один из депутатов Палаты Общин заявил: «Мы все должны быть счастливы, что, наконец, первый раз за последние пятьдесят лет британская дипломатия достигла наиболее блестящего успеха»⁷⁹⁷. Англичане весьма высоко оценивали итоги кризиса. Для Великобритании 1898 г. стал, кроме всего прочего, еще и годом триумфа армии генерала Китченера, который после битвы при Омдурмане превратился в национального героя. В своей речи на открытии очередной сессии парламента 7 февраля 1899 г. королева Виктория особо выделила это событие: «Экспедиция против дервишей, блестяще проведенная сэром Китченером и его офицерами, привела к падению Омдурмана и полному подчинению территорий, которые находились под контролем Халифы. Я с гордостью признаю исключительные храбрость и поведение британских и египетских войск, которые одержали эту победу»⁷⁹⁸.

Однако инцидент 1898 г. выявил и изолированность Англии на континенте. Война была нежелательна для Англии не меньше, чем для Франции. Тот факт, что Адмиралтейство всерьез рассматривало вероятность войны с Францией и Россией и так долго держало свой флот мобилизованным, говорил еще и о том, что Британия все же опасалась войны. Британская изоляция постепенно из преимущества превращалась в «слабое место» политики Форин Офис.

Напряженность в отношениях Франции и Англии никуда не исчезла, однако Фашода имела отрезвляющий эффект для обеих сторон. Весьма точно эту ситуацию отразил Ш. Фрейсине: «После Фашоды относительно Египта наступило молчание. Гордость, с одной стороны, и сдержанность – с другой,

---

⁷⁹⁷ Parliamentary Debates. 1898. Vol. 66. Col. 159.

⁷⁹⁸ Ibid. Col. 3.

противостояли возобновлению обсуждений по этому предмету. Но скоро каждая из сторон стала спрашивать себя, неужели инциденты такого рода должны удерживать два народа от сближения, для которого было столько причин»⁷⁹⁹. Процесс осмысления самой возможности сближения занял у англичан и французов несколько лет.

4.2. Перемены на международной арене в начале 1900-х гг. и египетский вопрос

Фашодский инцидент продемонстрировал ограниченность русско-французского союза. Говорить о том, что Франция стала искать союзника на замену, было бы явным преувеличением. Однако, очевидно, что французская дипломатия чувствовала необходимость усиления своих позиций на международной арене после 1898 г., в особенности, в условиях нарастания военной мощи Германской империи.

Кэ д'Орсэ решил наладить для начала контакт с соседней Италией. В 1890-ые годы отношения между двумя странами были непростыми. Достаточно вспомнить, как французы помогали войскам негуса противостоять итальянским отрядам и внесли свою лепту в сокрушительное поражение итальянских войск при Адуа в 1896 г. Но уже после поражения в Фашоде Франция стала делать первые шаги по налаживанию связей. 21 ноября 1898 г. был подписан франко-итальянский торговый договор, который открыл дорогу более близким отношениям в 1899 г.⁸⁰⁰ Конвенции, подписанные правительствами Италии и Франции, упраздняли капитуляции в Тунисе, что было крайне выгодно для французского правительства. Французы не хотели ограничивать свои контакты с Италией лишь экономической сферой: торговое соглашение должно было стать базой для политического сближения.

Разговоры о «латинском братстве» (*la fraternité latine*) не могли не насторожить Великобританию. Несмотря на то, что с 1882 г. Италия была

---

⁷⁹⁹ Freycinet de C. La Question d'Egypte. P. 421.

⁸⁰⁰ Stuart H.G. Op.cit. P. 82.

членом Тройственного союза, она также поддерживала близкие отношения с Англией. Не случайно, итальянцы позвали на помощь в 1896 г. именно англичан. Делькассе видел в сотрудничестве с Италией залог сохранения французского влияния в регионе Средиземноморья. Говорили даже, что если Франция и Италия соединят свои морские силы, то им удастся превратить Средиземное море в «латинское озеро»⁸⁰¹. Шаги по урегулированию спорных вопросов между двумя странами принесли свои плоды. 24 января 1900 г. был подписан протокол министром иностранных дел Италии Э. Висконти-Веностой и французским послом в Риме о разграничении французских и итальянских сфер в Красном море и в Аденском заливе⁸⁰².

Наиболее важным вопросом в отношениях с Францией для Италии оставался вопрос Триполи. По англо-французскому договору 1899 г. Третья Республика получила территории, прямо примыкающие к Триполи. Во многом, именно поэтому итальянцы считали необходимым поддерживать дружественные отношения с Францией. В результате переговоров, Франция заверила, что не станет угрожать влиянию Италии в Триполи, а Италия дала аналогичные обещания французам относительно Марокко. Кроме того, Италия фактически «признала в дипломатическом акте, что остальные державы обязаны принять как данность тот факт, что Франция, хозяйка Алжира и Туниса, имеет в Марокко особое положение и привилегии»⁸⁰³. Для того, чтобы продемонстрировать франко-итальянское согласие, летом 1901 г. был организован визит итальянских судов под командованием дяди короля в Тулон. 14 декабря Дж. Принетти, министр иностранных дел Италии, в своей речи в парламенте, заявил, что «дружественные отношения двух стран стали таковыми, что они делают возможным обмен честными и удовлетворительными для обеих сторон мнениями относительно их интересов в Средиземноморье»⁸⁰⁴. При этом итальянский министр заметил, что, по сути, между Италией и Францией нет таких вопросов, которые было бы невозможно

---

⁸⁰¹ Marder A. Op. cit. P. 337.

⁸⁰² Ibidem.

⁸⁰³ DDF. Série 2. T. 1. Doc. 372.

⁸⁰⁴ Questions diplomatiques et coloniales. 15/01/1902. P. 65.

решить, а старые споры он характеризовал, цитируя Бюлова, как «женскую ссору»⁸⁰⁵.

Таким образом, процесс сближения с Италией, начатый в 1898 г., продолжался и в последующие годы и стал важным фактором для средиземноморской политики держав. Его можно трактовать по-разному. Мы склонны согласиться с историком Г. Стюартом, который считает, что сближение Италии и Франции стало результатом «ослабления Тройственного союза»: Италия, устав играть роль «бедного родственника» в союзе с Германией и Австрией, решила, наконец, наладить отношения со своей латинской соседкой⁸⁰⁶.

В Британии франко-итальянское сближение вызывало серьезное беспокойство. Обмен любезностями между «латинскими» державами спровоцировал шумиху и в немецкой прессе. Чтобы успокоить немецкое общественное мнение, канцлер Бюлов в своей речи в рейхстаге, иронично отметил, что «муж не обижается, когда его жена невинно танцует вальс с другим»,⁸⁰⁷ подразумевая, что франко-итальянская дружба ни в коей мере не помешает дальнейшему участию Италии в Тройственном союзе⁸⁰⁸.

У Франции с Германией, после короткого периода сближения в конце 1898 — начале 1899 гг., снова установились непростые отношения. Интересно, что информация о том, что намечается потепление во франко-германских отношениях, просочилась, в первую очередь, в немецкую прессу. В Германии печатались статьи, основной целью которых было показать всю неразрешимость англо-французских противоречий⁸⁰⁹.

Русские дипломаты писали, что некоторое время после кризиса Делькассе, вероятно, рассматривал возможность сближения с Германией⁸¹⁰. Из Петербурга внимательно наблюдали за этой тенденцией. Русский посол в

---

⁸⁰⁵ Questions diplomatiques et coloniales. 15/01/1902. P. 66.

⁸⁰⁶ Stuart H.G. Op. cit. P. 85.

⁸⁰⁷ Цит по: Stuart H.G. Op. cit. P. 87.

⁸⁰⁸ 28 июня 1902 г. Италия подписала очередной договор, подтверждающий ее членство в Тройственном союзе. Однако Делькассе получил все заверения с итальянской стороны, что ее деятельность ни в коем случае не будет направлена против Франции.

⁸⁰⁹ DDF. Série I. T. 15. Doc. 26.

⁸¹⁰ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 79. 1898. Л. 296.

Париже граф Урусов подчеркивал, что император Вильгельм, со своей стороны, «благоприятно относился к сближению». Урусов писал, что договор между Францией и Германией был бы «выгоден» для России⁸¹¹. В то же время посол добавлял, что Делькассе «сомневается в искренности Германии». Именно в это время идея о континентальном союзе приобретает особо четкие очертания. Разговоры о возможности заключения подобного альянса велись еще в конце 1898 г. В беседах с Делькассе русский посол намекал на необходимость для России сближения с Германией для того, чтобы «противостоять действиям Англии на Дальнем Востоке»⁸¹². Любопытно, однако, что Россия так и не выработала четкой позиции по этому вопросу. В особенности, мы можем наблюдать различие между заявлениями, которые делались русской прессой, идеями царя и русских дипломатов, которые они высказывали в частных беседах: в то время, как пресса отрицала возможность союза с Германией, царь и некоторые дипломаты верили в перспективу такого альянса.

Немцы ожидали возможного потепления отношений со стороны Франции. В ноябре 1898 г. граф Мюнстер писал: «Франция больше не чувствует себя такой сильной, как ей хотелось бы казаться. Страх перед войной с Англией, понимание того, что французский флот не устоит перед мощью британского, общее убеждение в том, что на Россию надеяться больше нельзя, что она перестала быть настоящим другом, и чувство изоляции толкнуло Францию на поиски сближения с Германией»⁸¹³. «Что же касается союза с Россией, который Франция приняла из-за страха перед Германией, то он потерял всякую популярность во Франции»⁸¹⁴, — добавлял посол.

В Германии попытки Делькассе наладить с ней отношения воспринимали как реакцию Кэ д'Орсэ на последствия Фашоды и русское «равнодушие». Официозная газета *Berliner Tagelblatt* подчеркивала, что французские намерения обусловлены «не столько чувствами по отношению к

---

⁸¹¹ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 79. 1898. Л. 297.

⁸¹² DDF. Série I. T. 14. Doc. 515.

⁸¹³ GP. Bd 13. S. 244.

⁸¹⁴ Ibidem.

Англии, сколько недовольством, вызванным в стране российской позицией»⁸¹⁵. Таким образом, в европейской прессе не было общего мнения по поводу временного улучшения отношений между двумя державами.

В декабре 1898 г. новости о том, что отношения между Францией и Германией значительно потеплели, стали часто появляться в русской прессе. Газета *Новое Время*, которую называют печатным органом МИДа, писала о «пробуждении идей во Франции, которые благоприятствовали сближению с Германией и даже заключению союза между двумя этими государствами»⁸¹⁶. Автор статьи считал, что подобные настроения во Франции обусловлены «сильным недовольством, которое спровоцировало поведение Англии в Фашоде»⁸¹⁷. Летом 1899 г. то же *Новое Время* писало о том, что совершенно невозможно выработать общую программу для Франции, Германии и России не только потому, что у держав разные цели и интересы в Европе, но и потому что они часто расходились по восточным вопросам⁸¹⁸. В этом отношении французский посол замечал: «*Новое Время* пишет то, что думает большинство русских. Теперь мы знаем, что они воспринимают Германию как врага в Азии, еще больше, чем в Европе. Они с настороженностью и беспокойством следят за ее успехами и надеются, что мы ее остановим. Всякая помощь должна вознаграждаться. Возможно, настал тот момент, когда мы сможем наслаждаться плодами нашего союза»⁸¹⁹.

Следует заметить, что мнение посла не отражало в полной мере общее направление политики Кэ д'Орсе. Делькассе отличала во многом осторожность и умение избегать конфликтов. Как и в отношении с Англией после Фашоды, так и в отношении Германии он вел весьма сдержанную политику. *La Gazette de Bourse* писала: «Россия слишком сильная держава и мало чего просит от своих соседей, чтобы можно было подумать, что такое сближение (между Францией и Германией. — А.А.) вызовет у нее

---

⁸¹⁵ADF. Russie. Politique étrangère, France-Russie, 1898-1900. P. 35.

⁸¹⁶ADF. Russie : presse, 1896-1913. P. 66.

⁸¹⁷Ibidem.

⁸¹⁸ADF. Russie. Politique étrangère, France-Russie, 1898-1900. P. 84.

⁸¹⁹Ibidem.

недовольство. Скорее всего, она даже будет использовать его как барьер для постоянно растущей экспансии своего главного соперника — Англии»⁸²⁰.

Николай II в разговоре с французским послом отрывисто признал, что Россия желала бы континентального союза против Англии⁸²¹. Царь подчеркивал, что Германия является союзником франко-русского альянса на Дальнем Востоке и что ее поддержка в других вопросах была бы весьма желательна для обеих держав. На возражение французского посла, что Англия и Германия находятся в дружественных отношениях, царь ответил, что эти отношения распространяются только лишь на колониальную сферу и совершенно не затрагивают континентальные вопросы.

Со своей стороны, русский посол в Париже с уверенностью говорил Делькассе о том, что необходимо делать первый шаг в сторону Германии именно на периферии — на Дальнем Востоке⁸²². В целом, мнение, что союз с Германией поможет нейтрализовать английскую угрозу, было довольно популярно у русских дипломатов⁸²³. Напомним, что многие из них не скрывали своих германофильских взглядов и с уважением относились к кайзеру. По этому поводу французский посол в Петербурге Монтебелло замечал, что подобное соглашение было бы, разумеется, «мощной силой для поддержания мира», однако, французы «не могут сами начать это движение» и что, все, что они должны делать в данной ситуации, это «ждать, что нам скажут и демонстрировать свою готовность слушать»⁸²⁴. На это российский император даже выразил желание стать «полезным посредником» в случае переговоров между Германией и Францией⁸²⁵.

Габриэль Аното, министр иностранных дел Франции в первой половине 1890-х годов, позже в своих мемуарах писал о том, что идея континентального союза принадлежала сначала Германии. Именно Бисмарк в марте 1885 г.,

---

⁸²⁰ ADF. Russie. Presse. P. 67.

⁸²¹ ADF. Russie. Politique étrangère, France-Russie, 1898-1900. P. 40; DDF. Série 1. T. 15. Doc. 26.

⁸²² DDF. Série 1. T. 14. Doc. 515. См. также монографию Е.Ю. Сергеева «Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке, 1897 – 1903». М., 1998.

⁸²³ Ibid. Doc. 568, 578.

⁸²⁴ Ibid. T. 15. Doc. 26.

⁸²⁵ Ibidem.

«пользуясь сложностями, возникшими в отношениях между Францией и Англией из-за египетского вопроса, пытался навязать французскому послу в Берлине де Курселю мысль о необходимости русско-германо-французского альянса, цель которого была бы война против Англии, завоевание и раздел ее колоний»⁸²⁶. Тогда подобный альянс был совершенно невозможен – Франция еще не опомнилась от «военной тревоги» 1875 г.

Идея союза так и осталась на уровне бесед. Более того, во Франции она вызвала настоящий шквал недовольства и гнева в националистической прессе в 1898 г. Виноватой в этой истории, в первую очередь, оказалась Россия, которая пыталась, по мнению журналистов, подтолкнуть Францию в немецкие объятия⁸²⁷. «Убедив нас в том, что Англия наш заклятый враг, Россия теперь пытается убедить нас в том, что Германия – наш лучший друг»⁸²⁸, – писала газета под влиянием высказываний Николая II, который не скрывал своего желания создать континентальный союз. Франция никогда не смогла бы забыть о реванше. Делькассе, прекрасно это понимавший, использовал слухи о континентальном союзе лишь для того, чтобы потянуть время и посмотреть, как на это будет реагировать Лондон.

Идея континентального союза против Великобритании была неосуществима еще и потому, что Германия, всячески намекавшая англичанам на возможность создания европейской коалиции, в то же самое время, обсуждала с Великобританией перспективы союза.

Англо-германское сближение, как и аналогичный процесс между Германией и Францией, были вызвано отчасти результатами Фашодского кризиса и стремлением Великобритании, а точнее, некоторых английских политиков, постепенно вывести страну из состояния «блестящей изоляции». Основным проводником этой идеи с английской стороны стал министр колоний Джозеф Чемберлен, энергичный политик, который чувствовал уязвимость «блестящей изоляции» и понимал все те выгоды, которые может

---

⁸²⁶ Hanotaux G. Mon Temps. Vol. IV. Paris, 1947. P. 94.

⁸²⁷ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 79. 1898. Л. 173.

⁸²⁸ Там же.

принести союз с континентальной державой. Чемберлен считал, что этой державой должна стать Германия. Предложение заключить англо-германский союз прозвучало уже весной 1898 г., однако более реальные очертания разговоры о нем приобретают в конце 1899 г., когда Чемберлен громко заявил о необходимости союза, объединившего бы Англию, Германию и США ⁸²⁹. В 1900 — начале 1901 г. «стрелка германских весов качнулась в сторону Англии» ⁸³⁰. В частности, это проявилось в подписании экономического соглашения по Китаю, отказе германского императора встретиться с президентом Трансвааля П. Крюгером, а также помощи голодающим Индии.

Однако мечты Чемберлена о союзе с Германией так и остались мечтами. Немецкая внешнеполитическая доктрина *Weltpolitik*, принятая в конце XIX в., в целом была направлена на ревизию системы и распространение германского влияния в колониях. Немцы предлагали англичанам «оборонительный союз» против Франции и России, к которому позже могли бы присоединиться и Италия с Австрией. Как писал Лэнсдаун в одной из своих депеш, основные возражения англичан против немецкого плана были вызваны тем, что Британия, в случае, если она вступит в подобный союз, может в любой момент «оказаться вовлеченной в конфликт, к которому она не имеет никакого отношения, и который, на деле, может быть спровоцирован нашим союзником» ⁸³¹. Эти протесты, разумеется, еще больше бы усилились, если бы Великобритания взяла на себя аналогичные обязательства по отношению к Италии и Австрии. Окончательная точка в истории с англо-германским сближением была поставлена во время второй англо-бурской войны (1899 — 1902 гг.). Агрессия Англии против бурских республик Трансвааль и Оранжевая вызвала осуждение со стороны практически всех европейских держав. Особую озабоченность в этом вопросе продемонстрировала Германия. ⁸³². В связи с этим произошел значительный поворот во взглядах Чемберлена. В своих воспоминаниях Грей назвал Чемберлена «наиболее

---

⁸²⁹ Grey E. Op. cit. P. 41.

⁸³⁰ Романова Е.В. Указ. соч. С. 68.

⁸³¹ BD. Vol. 2. Doc. 98.

⁸³² Ibidem.

чувствительным барометром, по которому можно было проследить все тенденции внешней политики»⁸³³. Грей не считал удивительным, что общественное мнение в Европе осудило англичан за стремление аннексировать бурские республики, однако больше всего его возмущало то, что это стало «делом германского императора, и только его, который показал себя как друг и защитник Крюгера»⁸³⁴. Французский посол в Берлине в очередном донесении в ноябре 1901 г. сообщал, что «общественное мнение Германии, которое... никогда не симпатизировало Англии, настроено с недавнего времени очень враждебно по отношению к этой державе»⁸³⁵.

В 1900 г. в Германии был принят второй морской закон, который предусматривал увеличение флота почти вдвое. Он был провозглашен в самый разгар бурской войны и еще более уверил англичан в призрачности англо-германской дружбы. Лэнсдаун открыто заявил немецкому послу Меттерниху: «Наши отношения с другими державами не являются враждебными, поэтому наше неожиданное присоединение к германской группе может вызвать отрицательный эффект в других странах»⁸³⁶. Так Великобритания поставила окончательную точку в истории с возможным заключением англо-германского союза.

Однако стремление выйти из «блестящей изоляции» никуда не исчезло. Особенно оно обострилось в период англо-бурской войны. Как метко отметил Э. Грей, «южно-африканская война показала, что мы были абсолютно изолированы, и что любой флот мог стать нашим врагом»⁸³⁷. Фактически концом британской изоляции стало заключение англо-японского договора 30 января 1902 г. Его подписание ознаменовало «начало дипломатической революции»⁸³⁸, так как на протяжении долгого времени Англия предпочитала не связывать себя никакими обязательствами, и в особенности, не вступать в союзы. Соглашение существенно укрепляло позиции Великобритании на

---

⁸³³ Grey E. Op. cit. P. 48.

⁸³⁴ Ibid. P. 36.

⁸³⁵ Ibidem.

⁸³⁶ BD. Vol. 2. Doc. 98.

⁸³⁷ Grey E. Op. cit. P. 46.

⁸³⁸ Романова Е.В. Указ. соч. С. 79.

Дальнем Востоке⁸³⁹. Англо-японский союз накладывал на Британию серьезные военные обязательства. Было совершенно ясно, что он направлен против России.

Реакция русско-французского союза была немедленной. Как сообщал французский посол из Петербурга Монтебелло, со стороны Англии этот договор преследовал цель «разделить» интересы России и Франции на Дальнем Востоке, то есть склонить французов к сепаратным переговорам. Именно поэтому у держав возникла идея, что «две страны могут договориться для того, чтобы уничтожить эффект от акции, проведенной в равной степени против Франции и России»⁸⁴⁰. Для этого было решено подписать совместную конвенцию. Ее текст был составлен уже к 20 марта 1902 г. Конвенция оговаривала, что в случае «агрессии со стороны третьих держав, либо в случае волнений в самом Китае», потенциально угрожающих интересам договаривающихся сторон, «оба правительства оставляют за собой право прибегать к соответствующим мерам»⁸⁴¹. Таким образом, Россия и Франция еще раз напомнили Европе о своем союзе.

Эта декларация стала последним французским актом, направленным против Великобритании. Несмотря на заверения в вечной дружбе с Россией, французы зондировали почву на возможность сближения с Англией. *La Gazette de Bourse* подчеркивала, что налаживание отношений между Францией и Англией, которое произошло «благодаря разочарованию после Фашоды», могло действительно привести к полному примирению двух держав⁸⁴². Однако египетский вопрос все еще оставался нерешенным.

После 1898 г. французы перестали претендовать на серьезную политическую роль в Египте. Кроме того, у колониальной группы появился новый интерес в Африке. Осознав, очевидно, невозможность реализации своих требований по египетскому вопросу, она сосредоточила свои усилия на приобретении Марокко. Марокканский вопрос стал главной заботой Этьенна и

---

⁸³⁹ BD. Vol. 2. Doc. 125 (Anglo-Japanese Agreement, January 30, 1902).

⁸⁴⁰ Ibid. Doc. 86.

⁸⁴¹ Ibid. Doc. 145. Texte de la Déclaration franco-russe.

⁸⁴² ADF. Russie. Presse. P. 67.

Комитета французской Африки, которые требовали от Делькассе активных действий в этом направлении. Марокко для французов представляло стратегический интерес, так как было необходимо для полного контроля за французскими Алжиром и Тунисом.

Так, в первые годы после Фашоды, по признанию Фрейсине, египетский вопрос замалчивался, однако это вовсе не означало, что о нем забыли⁸⁴³. Под влиянием 1898 г. во Франции его начинали рассматривать уже по-другому. Как отмечал лорд Кромер, «постепенно французы признали два факта»⁸⁴⁴. Первый факт, по его мнению, заключался в том, что «британская оккупация Египта была скорее выгодной, нежели вредной для материальных интересов Франции», в то время как политические интересы страны серьезно страдали от «продолжающегося отдаления двух стран, вызванного египетским вопросом». Второй же факт заключался в том, что если Франция все же не готова воевать с Англией из-за Египта (что, она, собственно говоря, продемонстрировала во время Фашодского кризиса), она должна признать доминирующее положение Великобритании в этом регионе, иначе согласие не будет достигнуто.

Впервые за долгое время во Франции были сильны проанглийские настроения. Как отмечает современник событий, Т. Беркли, один из рабочих как-то сказал ему: «Что нам даст Египет? Англичане! Это же не пруссаки»⁸⁴⁵. Однако это вовсе не означает, что элиты разделяли те же взгляды. Тот же Томас Беркли вспоминал, что во время своего пребывания в Париже в 1901 г. ему довелось беседовать с издателем французского *Le Figaro*. На предложения Беркли, касающиеся возможности заключения англо-французского договора, предприниматель ответил: «Это прекрасная мечта, но всегда будет существовать Египет. Вы не можете оттуда уйти, а мы не можем согласиться на ваше господство. Что вы хотите? Это вопрос, который невозможно решить»⁸⁴⁶.

---

⁸⁴³ Freycinet de C. La Question d’Egypte...P. 421.

⁸⁴⁴ Cromer. Op.cit. P. 389.

⁸⁴⁵ Barclay T. Op. cit. P. 161.

⁸⁴⁶ Ibid. P.198.

Но Делькассе, несмотря на прошлые разногласия, без сомнения, стремился к заключению союза с Англией. В разговоре с английским послом Монсоном, он признавал, что считает «политику согласия... выгодной для обеих стран» и именно поэтому он выбрал в качестве французского посла в Лондоне Поля Камбона — человека, «полностью разделяющего его убеждения»⁸⁴⁷.

Историки спорят относительно того, когда же Делькассе понял необходимость англо-французской Антанты. Одни, как Э. Андерсон, утверждают, что Делькассе «не был, с того времени, как он стал министром иностранных дел, поглощен идеей заключения альянса с Англией». Историк отмечает, что до 1902 г. «министр - оппортунист не был до конца разочарован в идее заключения договора с Германией»⁸⁴⁸. Сходная позиция выражена в работе М. Кэрролла, посвященной французскому общественному мнению в период с 1870 по 1914 гг. М. Кэрролл утверждает, что «Делькассе осуществлял оппортунистскую линию и не был полностью расположен к проведению пробританской политики»⁸⁴⁹. Совершенно иную позицию мы видим в знаменитой работе английского исследователя У. Ланджера «Дипломатия империализма». Там историк подчеркивает, что «Делькассе, очевидно, предпочитал Англию с самого начала, но британская активность вынудила его проводить оборонительную политику на протяжении нескольких лет», а «сближение с Германией в этот период не стоит воспринимать всерьез»⁸⁵⁰. Эту же точку зрения поддерживает Ч. Портер, написавший, пожалуй, наиболее полную биографию Теофиля Делькассе. Он отмечает, что французский министр «работал на англо-французское сближение с самого начала своей деятельности»⁸⁵¹.

Мы считаем, что следует все же разделять два этапа в карьере Делькассе. Первый этап правительственной деятельности Делькассе

---

⁸⁴⁷ DDF. Série I.T. 15. Doc. 256.

⁸⁴⁸ Anderson E. N. The First Moroccan crisis, 1904 -1906. Chicago, 1930. P. 41.

⁸⁴⁹ Carrol E.M. French public opinion and foreign affairs, 1870 – 1914. NY, 1931. P. 171.

⁸⁵⁰ Langer W. Op. cit. P. 796.

⁸⁵¹ Porter Ch. Op. cit. P. 165.

начинается с 1894 г., когда он занял пост министра колоний. Вплоть до назначения министром иностранных дел в 1898 г. Делькассе находился под влиянием колониальных кругов, ставленником которых он, впрочем, и являлся. Фашодский кризис, преподнесший Франции важные уроки, очевидно, поколебал взгляды Делькассе и убедил его в необходимости урегулирования отношений с Англией. Кратковременное сближение с Германией, которое было вызвано немедленными последствиями Фашоды, носило поверхностный характер и было по большей части инспирировано немецкой стороной. Однако воспоминания после кризиса 1898 г. были еще свежи и сковывали Делькассе в его действиях по сближению с Британией. И лишь с конца 1902 г. можно говорить о том, что обе стороны перешли к политике примирения и сближения. Как нам кажется, на фоне Фашодского кризиса, неопределенности с Россией и усиления Германии, Делькассе окончательно убедился в необходимости улучшения отношений с Англией.

Поворот в политике Делькассе стал результатом изменений не только во Франции, но и в Великобритании. 11 июля 1902 г. ушел в отставку лорд Роберт Солсбери, который с перерывами 13 лет был премьер-министром страны. Начиная с 1881 г. он занимал важнейший пост лидера Консервативной партии. Солсбери был политиком старой школы, «последним викторианцем», сторонником и активным проводником политики «блестящей изоляции». С его уходом для английской дипломатии начался новый период, и «стало возможно заключение англо-французской Антанты»⁸⁵². Современники также отмечали роль этого фактора в развитии отношений Англии и Франции. Так, Томас Беркли писал, что «лорд Солсбери не верил в англо-французскую дружбу, и дух его политики еще продолжал определять политику Даунинг-стрит после того, как статс-секретарем по иностранным делам стал в 1900 г. Лэнсдаун, и вплоть до 1902 г., когда Солсбери окончательно покинул кабинет»⁸⁵³.

---

⁸⁵² Lanessan J. – L. Op. cit. P. 246.

⁸⁵³ Barclay T. Op. cit. P.210.

В 1902 г. Лэнсдаун фактически получил карт-бланш на свою деятельность. Подписание англо-японского договора уже было свидетельством того, что Солсбери в конце своей жизни не мог полностью контролировать деятельность внешнеполитического ведомства. Лэнсдаун и Чемберлен выступали за скорейший выход страны из «блестящей изоляции». После того, как последний окончательно разочаровался в идее альянса с Германией, очевидно, он стал вынашивать план французского союза. Во время своего визита в Южную Африку в конце 1902 г. Чемберлен на несколько дней остановился в Каире. Уже тогда, как сообщал генеральный консул Франции в Каире, в международных политических кругах повсюду говорили о «новой ориентации в политике английского кабинета и, в особенности, в идеях Чемберлена»⁸⁵⁴. По его же сообщению, в личных беседах британский министр колоний признавал, что «прошло время, когда Англия могла гордиться и получать дивиденды от своей «блестящей изоляции»», и что теперь ей необходим союз с континентальной державой. При этом Чемберлен считал, что этой державой вполне может стать Франция, так как «позиции правительства отражают мирную политику»⁸⁵⁵. Уже тогда он говорил о том, что «если желание заключить Антанту взаимно», то в скором времени начнутся переговоры по этому вопросу. Известно, что еще в июле 1902 г., буквально через несколько дней после отставки лорда Солсбери, Камбон обратился к Лэнсдауну с предложением подписать соглашение относительно Марокко. Тот был полностью открыт для переговоров. Именно об этом, очевидно, Чемберлен и говорил во время своего визита в Каир.

Как взгляды Чемберлена, изменились и общественные настроения в Англии. В британских газетах все чаще стали появляться призывы к заключению союза с французами⁸⁵⁶. О словах Чемберлена Поль Камбон в своем сообщении Делькассе написал так: «Я верю в честность предложений, высказанных Чемберленом. Совершенно очевидно, что он испытал

---

⁸⁵⁴ DDF. Série 2. T. 2. Doc. 524.

⁸⁵⁵ Ibidem.

⁸⁵⁶ Ibid. Doc. 137, 192.

разочарование в Германии»⁸⁵⁷. В то же самое время посол предостерегал министра от лишних надежд: «Не стоит забывать, что Чемберлен не имеет никаких политических принципов: это человек момента, и он меняет свои взгляды с невероятной легкостью»⁸⁵⁸.

Надо сказать, что голоса в пользу налаживания утраченного за период целой полосы противоречий и конфликтов взаимопонимания раздавались уже в начале 1899 г. Так, во время обсуждения Фашодского кризиса в Палате Лордов граф Кимберли отметил, что «любой, кого волнуют интересы Великобритании, должен воспринимать с крайним удовлетворением заявление о том, что сложности с великой страной, нашим соседом, были улажены мирным и удовлетворительным путем» и призвал к установлению «наиболее дружественных и даже сердечных отношений» с Францией⁸⁵⁹. Заметим, что эта речь была произнесена в феврале 1899 г., когда еще не было подписано соглашение по разграничению территории в Африке, а также были свежи воспоминания о Фашодском инциденте.

В Палате Общин выражались схожие точки зрения. Один из депутатов даже сказал о Фашодском инциденте: «Я отважусь предположить, что одним из результатов кризиса является создание возможности для улучшения взаимопонимания между двумя великими странами»⁸⁶⁰. Заверения в необходимости установления дружественных отношений между державами выражали и другие депутаты. Так, либерал Г. Кэмпбелл-Баннерман заявлял, что англичане «только и желают, что жить с французами в большой дружбе и взаимной симпатии»⁸⁶¹.

В Париже относительно перспектив развития англо-французских отношений высказывались более сдержанно. Франции сначала нужно было пережить поражение 1898 г. достойно, насколько это было возможно в сложившейся ситуации. Было решено вручить всем участникам миссии

---

⁸⁵⁷ DDF. Série 2. T. 2. Doc. 37.

⁸⁵⁸ Ibidem.

⁸⁵⁹ Parliamentary Debates. 1898. Vol. 66. Col. 16.

⁸⁶⁰ Ibid. Col. 85.

⁸⁶¹ Ibid. Col. 91.

Маршана и Лиотара золотую медаль за колониальные заслуги в Африке⁸⁶². В духе вручения колониальной медали, была составлена петиция депутатов колониальной группы во главе с Этьеном, которая гласила: «Палата адресует свои поздравления генералу Галлиени и его сподвижникам, гражданским и военным, членам миссий Лиотара и Маршана, а также исследователям, офицерам, солдатам и администраторам, которые в Африке распространили влияние или обеспечили французское доминирование»⁸⁶³.

Все эти торжественные обращения и вручения наград участникам миссии Маршана, которая, на самом деле, так и не сумела исполнить отведенную ей роль, были призваны смягчить впечатления французов от поражения и поддержать колониальный дух народа.

Финансовый мир, впрочем, опомнился от Фашоды быстрее обывателей. Если в период самого кризиса деловые отношения между Англией и Францией испытывали серьезное напряжение, то уже в начале 1899 г. ситуация, вызванная англо-французским конфликтом, стала налаживаться. Как отмечал Поль Камбон, «в деловом мире начинает проявляться разрядка», совершаются сделки и возобновляется активность на рынке, «которая пропала на протяжении последних трех месяцев»⁸⁶⁴. Все это было «хорошим знаком», по мнению французского посла.

Разумеется, было бы преувеличением говорить, что сразу же после эвакуации Фашоды державы восстановили дружественные отношения. На том же заседании, где лорд Кимберли и Кэмпбелл-Баннерман говорили о необходимости партнерства с Францией, представители Сити, тесно связанные с колониальной коммерческой деятельностью, напоминали о том, что французы продолжают всячески препятствовать английской торговле, приводя пример Мадагаскара, «откуда английский хлопок был совершенно

---

⁸⁶² Débats Parlementaires. Session ordinaire de 1899. T. 2. P. 248. Серьезный спор возник, давать ли чернокожим участникам экспедиции вознаграждение или нет, так как медали были предусмотрены, разумеется, лишь для белых офицеров. Этот вопрос обсуждался на двух заседаниях Палаты депутатов, в результате которых было принято решение вознаграждение не выдывать.

⁸⁶³ Ibid. P. 348.

⁸⁶⁴ DDF. Série I. T. 15. Doc. 55.

вытеснен... благодаря действиям французов»⁸⁶⁵. Кроме того, некоторые английские печатные органы не ослабляли своего антифранцузского нажима. Как сообщал морской атташе Франции в Лондоне, т.н. «галлофобские» газеты «выражали, в целом, мнение людей, которые сожалели о том, что в октябре прошлого года Англия упустила прекрасную возможность навредить Франции»⁸⁶⁶.

Однако тенденция была очевидна, и не только в западных странах. В русских газетах всерьез обсуждалась идея альянса Франции с Англией. В 1899 г. газета *Свет* написала, что враги русско-французского союза продолжают делать все, чтобы его разрушить. В частности, автор статьи утверждал, что некий английский агент, имя которого он назвать не может, пропагандирует через свои тайные каналы необходимость «предпочесть британский союз русскому после Фашодского кризиса»⁸⁶⁷.

Важно отметить, что Делькассе не хотел отказываться от союза с Россией. Еще в 1900 г. он предпринял меры, чтобы его укрепить. 2 июля 1900 г. генералы Сахаров и Делан после целого раунда переговоров подписали поправки к русско-французскому военному договору 1892 г. Несмотря на то что событие прошло в секретной обстановке и не часто упоминается историками, оно имело большое значение. С этого момента франко-русский договор расширял сферу своего действия: в случае войны одной из держав с Великобританией, вторая должна была немедленно мобилизовать свои военные силы⁸⁶⁸. Изменилась и формулировка цели альянса — отныне он был не просто направлен против стран Тройственного союза — его основной задачей стало «поддержание баланса сил в Европе». Совершенно очевидно, что смена формулировки и расширение сферы влияния союза были связаны с уроками Фашодского кризиса, после которого отношения союзников серьезно испортились. Впрочем, некоторые историки считают, что попытки Делькассе укрепить альянс таким образом провалились, потому что, вместо четких

---

⁸⁶⁵ Parliamentary Debates. 1898. Vol. 66. Col. 140.

⁸⁶⁶ DDF. Série 1. T. 15. Doc. 79.

⁸⁶⁷ ADF. Russie. Politique étrangère. Dossier général, 1898-1908. P. 56.

⁸⁶⁸ ADF. Russie. Politique étrangère. France — Russie, 1898-1900. P. 178.

формулировок, была принята расплывчатая идея о поддержании баланса сил⁸⁶⁹. На наш взгляд, обеим сторонам расплывчатость идеи была на руку – с одной стороны, Россия не переставала «заигрывать» с Германией, а Франция находилась в поиске нового союзника, который способствовал бы укреплению позиции страны на международной арене.

4.3. Египетский вопрос в переговорах великих держав в 1904г.

В марте 1903 г. появился проект визита короля Эдуарда VII в Париж. Король внес большой вклад в формирование Антанты⁸⁷⁰. Посол Камбон отмечал, что визит короля в тот момент был весьма «полезен», кроме того «его желало общественное мнение и английская пресса»⁸⁷¹. Пресса обеих стран способствовала созданию восторженной атмосферы вокруг визитов первых лиц держав. Официозные издания, такие, как *The Times*, *Le Figaro* и *Le Temps* отражали, по большей части, тенденции кабинетной дипломатии. Однако, интересно, что похожие настроения передавались и большинству других изданий, как правых, так и левых. Разумеется, не все англичане были едины во мнении, что Антанта с Францией была бы удачным шагом. Французский дипломат Жеоффре, находящийся в Лондоне в это время, замечал, что «германофобия не охватила всю Англию»⁸⁷². И оставались еще люди, так или иначе связанные с Германией и жаждущие с ней союза, как в окружении короля, так и в Сити.

В Берлине парижский визит Эдуарда VII вызвал серьезное беспокойство. Как отмечал французский дипломат в своем послании из Германии, некоторые считали, что это признак будущего союза с Францией. Были и те, кто полагал, что Лондон готовит своеобразную Тройственную

---

⁸⁶⁹ Hogenhius-Seliverstoff A. Op.cit. P. 181.

⁸⁷⁰ Stuart G. Op. cit. P. 107; Seaman L.C. Post-Victorian Britain 1902-1951. London, 1991. P. 8.

⁸⁷¹ DDF. Série 2. T. 3. Doc. 138.

⁸⁷² Ibid. Doc. 229.

Антанту, куда кроме Франции, должна была также войти и Россия⁸⁷³. Третьи вообще считали, что Великобритания хочет заключить договор с Францией и Италией. В любом случае, все эти комбинации были бы направлены против Германии. Немцы предостерегали французов от «эгоистичной политики» Британии, а также намекали на то, что подобный союз может существенно расшатать отношения Франции с Россией, которая не одобрит договор с Англией в силу своих балканских интересов⁸⁷⁴. Однако Германия уже не могла помешать англо-французскому сближению. Кроме того, Франция не переставала демонстрировать свою преданность союзу с Россией.

В России также с интересом наблюдали за происходившим на международной арене процессом. Информация о готовящемся визите короля в Париж появилась уже в конце февраля 1903 г⁸⁷⁵. И практически сразу же в русской прессе стало известно о речи французского посла в Англии Поля Камбона на ежегодном банкете Ассоциации торговых палат Соединенного Королевства. Вслед за «неуместным, бестактным историческим воспоминанием лорда Эвбюри о том, как англичане бок о бок с французами сражались против русских», Камбон выступил с хвалебной речью в честь Англии, дабы продемонстрировать отсутствие каких-либо препятствий к сближению между английской и французской нациями⁸⁷⁶. В русской прессе начинали говорить о предательстве со стороны «союзной и дружественной» державы⁸⁷⁷.

Очевидно, что Франция считала важным убедить Россию в том, что сближение с Англией, необходимо. Любопытно, что в этот период посол Франции в Петербурге даже говорил о некотором потеплении в русско-английских отношениях, вызванном «прекрасным расположением» англичан, занявших «правильную позицию на Балканах и в Константинополе»⁸⁷⁸. Вполне вероятно, что посол несколько приукрашивал действительность:

---

⁸⁷³ DDF. Série 2. T. 3. Doc. 201.

⁸⁷⁴ Ibidem.

⁸⁷⁵ Новое время. 23/02/1903.

⁸⁷⁶ Там же. 24/02/1903.

⁸⁷⁷ Там же.

⁸⁷⁸ DDF. Série 2. T. 3. Doc. 225.

Англия все еще оставалась главным соперником для России. В Париже понимали, что рвать отношения с Россией ради Антанты было бы опрометчиво. Поэтому нужно было действовать крайне осторожно.

Вместе с тем, ответный визит президента Франции Э.Ф. Лубэ в Лондон произвел в Европе не меньше шума, чем приезд во Францию английского короля. Если в Германии во время поездки Эдуарда VII говорили о том, что его парижский визит не более, чем обыкновенная светская вежливость, то относительно поездки Лубэ сомнений уже не оставалось⁸⁷⁹.

Таким образом, уже в 1902 г. первые лица Англии и Франции сделали шаги навстречу сердечному согласию, а в 1903 г. оно стало предметом реальных переговоров. Однако противоречий между странами также было немало. Некоторые скептики вообще сомневались в том, что Англия и Франция могут прийти к соглашению.

В этом смысле своеобразным пробным камнем стал договор об арбитраже, инициированный британским предпринимателем Томасом Беркли. Первые связи с французскими коллегами были установлены во время проведения в Париже международной выставки в 1900 г. Тогда был налажен контакт между министром торговли Франции и представителями различных британских торговых палат. Далее, в 1901 г. произошла знаменитая встреча Беркли с участниками Французского арбитражного общества. В числе пришедших на встречу был и Нобелевский лауреат Рише⁸⁸⁰.

Инициатива Беркли была представлена в Ассоциации английской торговой палаты в январе 1902 г. и получила там одобрение. Монсон отмечал, что идея сразу же стала популярна в деловых кругах⁸⁸¹. Однако он выделял и отрицательные стороны подобного соглашения, если бы оно было заключено. Посол считал, что, вступая в переговоры по этому вопросу, Англия и Франция «рискуют»: если державам не удастся прийти к согласию, «это дискредитирует дружественные чувства» между двумя странами. Похожие

---

⁸⁷⁹ DDF. Série 2. T. 3. Doc. 359.

⁸⁸⁰ Barclay T. Op. cit. P.198.

⁸⁸¹ BD. Vol. 2. Doc. 319.

сомнения были и с французской стороны⁸⁸². Действительно, провал соглашений такого рода мог скомпрометировать весь процесс сближения двух держав.

В Берлине с большим скепсисом отнеслись к разговорам о возможности заключения договора, который, на их взгляд, не мог быть даже применен на практике, так как ни одна из сторон не стала бы подчинять свои интересы, и в особенности, экономические, статьям соглашения. Кроме того, серьезной преградой стали «протекционистские тенденции, которые проявлялись с обеих сторон Ла-Манша»⁸⁸³.

Несмотря на то, что проект получил большую популярность в обеих странах, на правительственном уровне сомнений было очень много. Так, Лэнсдаун отмечал, что английское правительство полностью поддерживает сам принцип арбитража как мирного способа урегулирования конфликтов и споров, однако не стоит воспринимать арбитраж как «универсальное лекарство» от всех проблем⁸⁸⁴.

Если со стороны Англии горячим сторонником и автором идеи заключения договора был Томас Беркли, то во Франции эти же функции исполняла т.н. группа д'Этурнелля, состоящая примерно из 200 депутатов. Сам д'Этурнелль не был, по признанию Монсона, «англофилом», однако он долгое время находился на дипломатической службе в Лондоне, где подружился со многими англичанами⁸⁸⁵.

Камбон также был настроен оптимистично. Он сообщил Лэнсдауну, что, по его мнению, оба правительства должны «объявить о своей готовности применять арбитраж во всех случаях, когда возникают разногласия по юридической интерпретации международных конвенций»⁸⁸⁶. Скромное предложение французского посла могло бы стать началом более серьезных переговоров. Здесь проявилась некоторая самостоятельность Камбона, так как,

---

⁸⁸² BD. Vol. 2. Doc. 384.

⁸⁸³ Ibid. Doc. 359.

⁸⁸⁴ Ibid. Doc. 352.

⁸⁸⁵ Ibid. Doc. 353.

⁸⁸⁶ Ibid. Doc. 352.

согласно сообщениям Монсона, Делькассе не собирался спешить с официальным закреплением каких-либо договоренностей. Также французский министр отмечал, что «предложения Камбона не стоит рассматривать как выражение официальной точки зрения правительства»⁸⁸⁷. Делькассе добавлял, что группа д'Этурнелля «не имеет большого влияния», а договор, если его все же подпишут, будет чрезвычайно сложно реализовать.

Позиция Делькассе была схожа с той, которую высказывали многие английские политики. Он понимал, что поспешные решения могут все испортить. Осторожность Делькассе еще раз подтверждала его твердое намерение заключить полноценный договор, который разрешил бы противоречия, существующие между двумя державами.

В начале 1903 г. наметились положительные сдвиги в обсуждении соглашения. Беркли делал все возможное для того, что проект осуществился. Он вспоминал потом, что его жизнь в этот период была наполнена «дикой активностью», постоянными поездками и речами на общественных собраниях⁸⁸⁸. На июль 1903 г. был намечен визит д'Этурнелля и его товарищей в Англию, где они собирались более детально обговорить все сложности и нюансы. К этому времени изменились и настроения политиков. Лэнсдаун сообщал, что «кабинет полностью поддерживает проект, дружески настроен и готов рассмотреть в этом духе любые предложения по данному вопросу»⁸⁸⁹. Во Франции также царил необычайное оживление по поводу соглашения — впервые за долгое время противостояния в Египте Англия и Франция подписывали взаимовыгодный договор, который открывал дорогу дальнейшему сближению.

В июле 1903 г. Делькассе сообщал Камбону, что «приходит множество писем, как из торговой палаты, так и от частных лиц, в которых они настойчиво требуют заключения соглашения такого рода»⁸⁹⁰. О переговорах

---

⁸⁸⁷ BD. Vol. 2. Doc. 354.

⁸⁸⁸ Barclay T. Op. cit. P.202.

⁸⁸⁹ BD. Vol. 2. Doc. 360.

⁸⁹⁰ Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. Convention d'arbitrage avec l'Angleterre. Paris, 1903. P. 8. (далее Convention d'arbitrage avec l'Angleterre).

по арбитражу много говорилось как в английской, так и во французской прессе. Так, в том же июле 1903 г. в *The Times* сообщалось, что Комитет пропаганды Франции (одна из многочисленных общественных организаций) обратился к Делькассе с открытым письмом, в котором обращал внимание на «заметное движение общественного мнения в обеих странах в пользу англо-французского договора об арбитраже»⁸⁹¹.

И в самом деле, договор об арбитраже вызвал большой интерес в обществе. Развернулась публичная кампания в поддержку этого проекта. Весной 1903 г., когда уже было официально объявлено о намерении Эдуарда VII посетить Париж, идею Беркли поддержали Ассоциация торговой палаты Британии, 27 британских палат, 41 французская торговая палата («практически вся торговая и промышленная Франция»), 35 английских тред-юнионов, 18 муниципальных советов Франции, а также еврейская община Великобритании, «все британские юристы, историки, ведущие сотрудники университетов и т.д.»⁸⁹².

В результате договор был подписан Камбоном и Лэнсдауном в Лондоне 14 октября 1903 г. Конвенция об арбитраже включала 3 статьи. Первая и главная статья договора гласила: «Различия юридического порядка в интерпретации договоров, существующих между двумя договаривающимися сторонами, которые могут возникнуть и не будут решены дипломатическим путем, должны быть вынесены на рассмотрение Постоянного Арбитражного суда, учрежденного Конвенцией 29 июля 1899 г. в Гааге, в случае если они не затрагивают жизненные интересы, независимость или честь двух договаривающихся стран, либо интересы третьих держав»⁸⁹³.

Таким образом, державы могли решать на заседании Арбитражного суда вопросы второстепенной важности, которые, однако, часто создают серьезные препятствия для добрососедства. Отметим, что сам автор идеи, Томас Беркли изначально считал, что методом арбитража можно будет уладить даже самые

---

⁸⁹¹ The Times. 14/07/1903.

⁸⁹² Barclay T. Op. cit. P. 215.

⁸⁹³ Convention d'arbitrage avec l'Angleterre. Paris, 1903.

сложные вопросы, в частности, проблему с политическим статусом Египта и сроками эвакуации британских войск из страны⁸⁹⁴. Естественно, державы не стали бы вверять решение подобных вопросов третьей стороне. В арбитражный суд страны могли обращаться со спорными финансовыми и экономическими вопросами. Не случайно, основным проводником и инициатором подписания соглашения стала британская торговая палата. Очевидно, он был важен также для египетской администрации, так как основной спор между Англией и Францией в Египте в этот период имел, в первую очередь, финансовый характер.

Согласно II статье, обратившись в арбитражный суд, державы должны были точно сформулировать предмет спора и соблюсти прочие формальности. III статья устанавливала срок действия конвенции, которая была заключена на пять лет. Уже 15 октября сообщение о подписании договора и его полный текст появились в лондонской *The Times*⁸⁹⁵.

Некоторые историки пишут о том, что этот договор не имел существенного значения, так как содержал лишь «общие банальности»⁸⁹⁶. Однако, на наш взгляд, подобная точка зрения существенно принижает эффект, произведенный соглашением. Конвенция 1903 г. показала, что державы открыты для переговоров и стремятся урегулировать спорные вопросы. Как отмечали современники, он стал «проявлением взаимной симпатии» Англии и Франции⁸⁹⁷. В своей речи на открытии заседаний английского парламента Эдуард VII отметил важность заключенного договора и «дружеские чувства, существующие между двумя странами»⁸⁹⁸. Во время обсуждения соглашения в Палате Лордов были представлены самые положительные оценки. Так, лорд Фитцвиллиам отметил, что «нет другой страны, с которой соглашение об арбитраже было бы более выгодным, нежели

---

⁸⁹⁴ Barclay T. Op. cit. P.230.

⁸⁹⁵ The Times. 15/10/1903.

⁸⁹⁶ Lanessan J. – L. Op. cit. P. 246.

⁸⁹⁷ The Times. 16/07/1903.

⁸⁹⁸ Parliamentary Debates. 1904. Vol. 129. Col. 1.

наш ближайший сосед»⁸⁹⁹. В том же духе высказывались и другие члены палаты, а также лорд Лэнсдаун. Как отмечалось во время заседания, соглашение будет правильнее всего распространять на решение финансовых вопросов. Символично, что конвенция об арбитраже была подписана за полгода до заключения Антанты. Она как бы предваряла решающее соглашение, демонстрируя договорной потенциал обеих держав. Решение самого сложного египетского вопроса страны оттягивали до последнего момента.

За последние двадцать лет после оккупации и правления британской администрации под руководством лорда Кромера в Египте многое изменилось. Особенно существенные перемены произошли в экономике страны⁹⁰⁰. Как писал Кромер, «никто не может полностью осознать масштаб изменений, которые произошли в Египте со времен установления британской оккупации, если он не знаком хотя бы немного с системой, которая существовала в Египте при Исмаил-паше. Контраст между тем, что было и тем, что сейчас, на самом деле, разительный. Новый дух появился у населения Египта. Крестьянин научился защищать свои права, и даже паша понял, что другие люди также имеют права, которые следует уважать». Кромер с гордостью писал о том, что результатом реформ в области правосудия, стало также то, что оно «больше не покупается и не продается», а армия настолько окрепла, что «солдат гордится формой, которую носит»⁹⁰¹.

За почти 20 лет в Египте Кромер проделал работу, которую его современники оценивали очень высоко. Так, современник событий Дж. Маршалл писал, что «время Кромера не знает аналогов в истории Египта»⁹⁰². Он отмечал, что все реформы, проведенные после 1882 г., были результатом исключительно его трудов, так как у центрального британского правительства на самом деле никогда не было определенной египетской политической линии.

---

⁸⁹⁹ Parliamentary Debates. 1904. Vol. 129. Col. 1.

⁹⁰⁰ См. иллюстрацию 7.

⁹⁰¹ Cromer. Op. cit. P. 556.

⁹⁰² Marshall J.E. The Egyptian Enigma, 1890-1928. London, 1928. P. 100.

Со времени оккупации и вплоть до 1888 г., когда египетская экономика вошла в фазу подъема, деятельность британцев сводилась к «бегству от банкротства»⁹⁰³. Кромер осуществил серьезные изменения в фискальной сфере. В частности, прямые налоги были снижены на 2 млн. ф. в год. Были полностью отменены некоторые косвенные налоги (на соль, речные и морские рыболовные суда), которые ложились тяжелым бременем на плечи беднейших слоев населения. Кроме того, англичане со временем полностью ориентировали страну на производство хлопка. Как отмечает, историк и экономист Б. Хэнсон, это было сделано для того, чтобы скорее «выплатить всю сумму египетского государственного долга»⁹⁰⁴. Однако, следует подчеркнуть, что подобная экономическая политика, выгодная для англичан, негативно влияла на благосостояние местного населения. Введение монокультурной системы было большим риском, так как любой неурожай или снижение цен на мировом рынке могли иметь для Египта катастрофические последствия. Так, например, серьезный кризис произошел в 1909 г. в связи с гибелью большей части урожая от хлопкового червя⁹⁰⁵.

В числе положительных результатов британских реформ были снижение налогов и создание резервного фонда. Улучшения в финансовой сфере позволили дальше следовать курсу на модернизацию. В результате чего были проведены судебная, административная, военная и другие реформы, а также была полностью отменена трудовая повинность. Разумеется, все эти нововведения требовали серьезных затрат из египетского бюджета. В частности, если мы обратимся к сведениям статистического сборника *The Statesman Year-book*, то увидим, что за 1901 г. в связи с упразднением барщины было потрачено 250 000 ег.ф. ст. из государственного бюджета⁹⁰⁶.

Главными источниками египетского дохода были земельный налог, табачная монополия и таможенные пошлины. Несмотря на масштабное

---

⁹⁰³ Marshall J.E. Op. cit. P. 101.

⁹⁰⁴ Hansen B. Capital and lopsided development in Egypt under British occupation // The modern economic and social history of Middle East in its world context. Cambridge, 1989. P. 66.

⁹⁰⁵ Аль-Барави Р. Экономическое развитие Египта в новое время. М., 1954. С.159.

⁹⁰⁶ The Statesman Year-book. 1901. Lnd, 1901. P. 1161.

снижение налогов, доходы египетской казны увеличились с 8, 9 млн. ег. ф.ст. в 1883 г. до 15, 3 млн. в 1906 г.⁹⁰⁷.

К 1901 г. Кромеру удалось существенно снизить расходы — во многом за счет уменьшения затрат на содержание администрации. Основной расход же приходился на выплату долга, содержание администрации и выплату дани турецкому султану. В целом, т.н. общий долг государства (вкл. объединенный, привилегированный, гарантированный) составлял астрономическую сумму в 103 млн ф.ст. Сама Касса египетского долга имела большие привилегии. В частности, она влияла на процесс модернизации государства посредством контроля бюджета и Общего резервного фонда. Например, Касса могла вводить бюджетные ограничения. Так, Б. Хансен отмечает, что именно из-за ограничений, введенных Кассой, администрация не смогла вплоть до 1904 г. решить транспортную проблему, и железная дорога находилась в ужасном состоянии⁹⁰⁸.

Сложно установить долю французских держателей в Кассе. Во многом это было связано с тем, что некоторые французские банки свои вложения делали либо через подставных лиц, либо проводили операции через иностранные банки для того, чтобы избежать уплаты налогов. Камбон говорил о том, что французы владеют 2/3 долга, что лорд Кромер, впрочем, характеризовал как «большое преувеличение»⁹⁰⁹. Как отмечает В.А. Субботин, англичане и французы имели вместе приблизительно 2, 5 млрд. франков (98, 7 млн. ф. ст.). Они также владели многими промышленными предприятиями, банками, а также получали доходы от эксплуатации Суэцкого канала⁹¹⁰. Кроме всего прочего, Египет был «зажат в тисках договоров — капитуляций, которые были вынуждены признавать и англичане»⁹¹¹. Без согласия других держав британцы не могли поднимать тарифы на экспорт и импорт, распространять новые прямые налоги на иностранцев, которые, кроме

⁹⁰⁷ Marshall J.E. Op. cit. P. 103. Те же данные представлены в работе лорда Кромера «Современный Египет».

⁹⁰⁸ Hansen B. Op. cit. P. 74.

⁹⁰⁹ BD. Vol. 2. Doc. 374.

⁹¹⁰ Субботин В.А. Политика французского империализма в Фашодском кризисе 1898 г. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. М., 1953. С. 64.

⁹¹¹ Hansen B. Op. cit. P. 70.

того, не были подсудны египетскому правосудию. Большие споры вызывали смешанные суды⁹¹².

Однако британцам удалось провести ряд выгодных для себя мероприятий. Так, еще в 1883 г. Британия вынудила компанию Суэцкого канала снизить тарифы на проход судов, так как это устраивало англичан, но было совершенно невыгодно для французов. В итоге Франция потеряла доход в размере 20 млн. фр. в год.⁹¹³ Так, материальный ущерб еще более ужесточал позицию Франции в Кассе египетского долга. Администрация Кромера достигла значительных успехов в деле реформирования Египта. Однако контроль над финансами страны со стороны Кассы существенно снижал эффективность этих мер. Англичанам все время приходилось оглядываться на то, как будет воспринято то или иное предложение держателями займов, большинство которых представляли Францию.

Пока Кромер продолжал бороться с французами в Кассе, Форин Офис и Кэ д'Орсэ работали над налаживанием отношений. Оставалось решить колониальные противоречия. Уступив раз в Фашоде, хоть и достаточно болезненно, французы, очевидно, пришли к выводу, что можно уступить снова, получив при этом компенсацию в Марокко.

В начале 1900-х гг. марокканские интересы Франции оказались тесно связаны с египетским вопросом. Исследователи отмечают, что идея своеобразного «обмена» Египта на Марокко появилась еще в середине XIX в. Еще Наполеон III предложил Пальмерстону в 1857 г. сделку: Франция захватит Марокко, а Англия — Египет⁹¹⁴. Тогда план так и не был осуществлен, но актуальности за это время не потерял.

Марокко приобрело в это время первостепенное значение для колониальной группы, которая имела серьезное влияние на Делькассе. Вопрос активно обсуждался двумя правительствами уже с 1901 г. Переговоры, непосредственно связанные с заключением будущего соглашения, велись на

---

⁹¹² The Times. 12/04/1900.

⁹¹³ Субботин В.А. Политика французского империализма... С. 66.

⁹¹⁴ Headlam – Morley J. Studies in Diplomatic History. NY, 1930. P. 55.

протяжении почти всего 1903 г. Как отмечают исследователи, «летом 1903 г. отношение французской колониальной группы (к Англии. — *А.А.*) было более благоприятным, чем когда-либо»⁹¹⁵. Имея опыт Фашодского кризиса, французы старались избежать, как выражался Камбон, марокканского «вопроса», то есть соперничества с Англией в Марокко⁹¹⁶.

Особенно заинтересованный в этом лидер французской колониальной группы Э. Этьен в июле 1902 г. встретился с Лэнсдауном для того, чтобы обсудить перспективы развития англо-французских отношений. Любопытно, что французские колониальные круги, которые своей политикой довели страну до Фашодского кризиса, через четыре года сделали все возможное для того, чтобы было установлено сердечное согласие между Англией и Францией. Этьен сказал Лэнсдауну, что, на его взгляд, между двумя странами нет серьезных противоречий, и что пришло время для «сближения»⁹¹⁷. Франция обосновывала свои притязания на Марокко, в первую очередь, геополитическими интересами. Однако другие страны также стремились реализовать свои амбиции в этом регионе. Кроме Франции, серьезные интересы в Марокко имела Испания. Италия, как мы уже отмечали, готова была уступить французам, если те, в свою очередь, помогут ей в Триполи. Претензии предъявляла также Германия, которая не собиралась идти ни на какие сделки с французами и «отдавать» им страну, что впоследствии продемонстрировали марокканские кризисы⁹¹⁸. Интересы англичан ограничивались лишь Танжером, контроль над которым был необходим Англии для того, чтобы обезопасить свои позиции в Гибралтаре. Франция, в свою очередь, готова была удовлетворить требования Испании, а также Англии в Танжере, что, в целом, облегчало переговоры по этому вопросу.

Этьен объяснял необходимость подобного союза тем, что «наибольшую опасность миру в Европе представляет Германия» и что лишь «полное

---

⁹¹⁵ Leaman B.R. Op. cit. P. 462.

⁹¹⁶ BD. Vol. 2. Doc. 320, 330.

⁹¹⁷ Ibid. Doc. 356.

⁹¹⁸ См. Дербицкая К.Ю. Марокканский вопрос в международных отношениях в конце XIX — начале XX в. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. М., 2013.

взаимопонимание между Францией и Англией позволит им держать планы Германии под контролем»⁹¹⁹. Вторым аргументом в пользу соглашения, было то, что англо-французское сближение приведет в результате к налаживанию русско-английских отношений.

Во время дальнейших переговоров Делькассе и Камбон подчеркивали, что первостепенную важность для них представляет именно Марокко. В разговоре с Лэнсдауном Камбон заметил, что французское общественное мнение и политические элиты не примут уступки Франции в Египте, если страна не получит адекватной компенсации в Марокко⁹²⁰.

На первых порах египетский вопрос вообще старались обходить стороной, при этом детально обсуждая проблемы Ньюфаундленда и Сиам. Однако этот вопрос неизбежно возникал, так как для англичан он значил не меньше, чем марокканский — для Франции. В разговоре с Камбоном Лэнсдаун прямо сказал о Египте: «Я считаю, сегодня никто уже не думает, что мы собираемся уходить из этой страны»⁹²¹.

На наш взгляд, на этапе переговоров 1903 г. египетский вопрос уже не заключался в том, признают или нет французы доминирующую позицию британцев в Египте. Требования англичан о признании политического статуса Египта носили скорее символический, нежели практический характер. Речь шла, прежде всего, о Кассе египетского долга, которая, блокируя финансирование реформ, создавала серьезные препятствия для британской администрации Египта. Это подтверждают и документы британского архива. Так, в январе 1903 г. британский дипломат Винсент Корбетт писал из Каира о беседах, которые он вел с французским представителем в Кассе египетского долга графом Вовьено⁹²². По словам Корбетта, Вовьено обсуждал возможную конверсию египетского долга и упразднение Кассы с министрами в Париже и получил отрицательный ответ по всем пунктам. «Любое предложение подобного рода сразу же вызвало бы критику в Палате депутатов,

---

⁹¹⁹ BD. Vol. 2. Doc. 356.

⁹²⁰ DDF. Série 2. T.3. Doc. 362.

⁹²¹ BD. Vol. 2. Doc. 357.

⁹²² The National Archives. FO 800/ 124. P. 98.

провоцировать которую кабинет был совсем не готов», — передавал слова французского представителя Корбетт⁹²³. Без сомнения, напряженная внутривосточная ситуация была серьезным сдерживающим фактором для французской дипломатии.

Переговоры относительно признания французами британской оккупации шли в августе 1903 г. Камбон в беседах с англичанами замечал, что оккупация Египта всегда негативно воспринималась во Франции и что «общественное мнение постоянно ждет ее окончания»⁹²⁴. Впрочем, подобные заявления французского посла были скорее проявлением «политики престижа», нежели конкретным требованием.

Новый английский план по урегулированию египетского вопроса был изложен в меморандуме лорда Кромера, составленном в августе 1903 г.⁹²⁵. Он выдвигал два общих требования: признание политического статуса и максимальную свободу египетской администрации.

Второй пункт британского плана вызывал куда более серьезные споры. Под «максимальной свободой» Кромер подразумевал, во-первых, упразднение Кассы египетского долга и Железнодорожной администрации⁹²⁶. Во-вторых, предусматривалось ограничение системы капитуляций. Кромер считал, что Франция и другие державы сразу не согласятся на их уничтожение, поэтому в этом вопросе следует действовать очень аккуратно. С той же проблемой было связано упразднение смешанных судов. От Франции следовало только получить согласие на отмену капитуляций в будущем, когда это будет возможно. В-третьих, необходимо было провести некоторые административные изменения. Следовало точно определить позицию генерального консула, в частности, ввести закон, согласно которому он должен был присутствовать на заседаниях совета министров и ни один декрет хедива не мог быть выпущен без его санкции. Кроме того, финансовый советник, занимавший один из важнейших постов в стране, и другие

---

⁹²³ Ibidem.

⁹²⁴ DDF. Série 2. T.3. Doc. 392.

⁹²⁵ BD. Vol. 2. Doc. 365.

⁹²⁶ Железнодорожная администрация выражала интересы держателей привилегированного долга.

британцы, возглавляющие различные департаменты, должны были войти в совет министров. На тот момент совет министров был «не более чем органом, дающим формальное согласие на решения, принятые другими». Вхождение представителей реальной власти в совет изменило бы его роль и сделало бы его работу более эффективной. Кромер считал, что все эти вопросы можно было решить без вмешательства других держав – достаточно только прийти к согласию с Францией. Таковы были требования англичан в Египте⁹²⁷.

В целом план Кромера был близок Лэнсдауну. Но по марокканскому вопросу глава Форин Офис придерживался более жесткой точки зрения. В письме к Камбону он определил три обязательных условия англичан относительно Марокко: сохранение за Британией торговых преференций, нейтрализация земель муров и признание испанских политических и территориальных интересов⁹²⁸. В той части, где рассматривался египетский вопрос, Лэнсдаун просто воспроизвел отрывки из меморандума Кромера.

Однако предложения англичан относительно Египта сразу же вызвали серьезные трения. Делькассе заметил, что британский план кажется ему слишком «долгосрочным». Камбон был откровеннее и отметил, что согласно этому плану, «Франция не получит в Марокко компенсации, адекватной тем огромным уступкам, которые от нее просят в Египте»⁹²⁹. По сути, утверждал французский посол, все, что делают англичане, это дарят Франции «надежду» на то, что она сумеет реализовать свои интересы в Марокко, а взамен хотят получить «немедленные выгоды в Египте». На это Лэнсдаун ответил, что Франции не стоит упускать из виду тот факт, что англичане «уже в Египте» и что «нет даже малейшей возможности на уход оттуда». «Все, что мы просим от французского правительства, — отмечал Лэнсдаун, — это признать

---

⁹²⁷ DDF. Série 2. T.3. Doc. 365.

⁹²⁸ BD. Vol. 2. Doc. 369.

⁹²⁹ Ibid. Doc. 370.

существующий факт»⁹³⁰. Было очевидно, что ни одна из держав не хочет «продешевить», и поэтому обе стороны говорили о неравноценности сделки.

Французы соглашались только на часть предложений Кромера. Они обещали больше «не вмешиваться в действия англичан в Египте» и даже согласиться на отмену капитуляций в будущем. Однако отказаться от финансовых привилегий они решительно не хотели до того времени, пока не установят свое господство в Марокко⁹³¹.

«Ответ французов меня совершенно не расстроил... Конечно, этого недостаточно, но учитывая сложность вопроса, тяжелый ход переговоров и общее состояние, в котором находятся французы после Фашоды, мне не кажется, что мы должны быть недовольны, — писал из Каира 1 ноября 1903 г. лорд Кромер, — Я искренне надеюсь, что переговоры будут продолжены, и не только по Египту, но в целом. Такая возможность, как сейчас, может больше и не представиться. Мы должны каким-то образом прийти к согласию... На мой взгляд, это самое важное политическое дело, из всех что нам выпадали за долгие годы»⁹³². Возможно, Кромер уже тогда рассматривал будущее соглашение как договор общеевропейской важности. Однозначно можно утверждать одно: как глава британской администрации он жаждал его больше всех.

В этих условиях Лэнсдаун предложил Камбону более умеренный план. По нему, Касса египетского долга сохранялась, но ее функции сводились лишь к «получению обязательной выплаты на содержание службы (администрации Кассы. — *А.А.*), с правом вызывать египетское правительство в суд, если установленная сумма не будет вовремя выплачена»⁹³³. Кроме того, Франция должна была призвать другие державы присоединиться к предложенному плану. В случае если остальные страны откажутся поддержать англичан, последние смогут мотивировать свои действия англо-французским договором. Французское правительство, в свою очередь, не будет противиться

---

⁹³⁰ BD. Vol. 2. Doc. 370.

⁹³¹ Ibid. Doc. 373.

⁹³² The National Archives. F.O. 800/124. P. 111.

⁹³³ BD. Vol. 2. Doc. 376.

конверсии египетского долга (точные условия конверсии не указывались). Британцы при этом обещали поддерживать «свободу торговли» и соблюдать постановление 1888 г. о Суэцком канале с одной оговоркой: статья VIII Конвенции теряла свою силу, так как не соответствовала изменившимся политическим реалиям⁹³⁴.

Однако даже на эти предложения Лэнсдауна Делькассе не спешил отвечать согласием. В личной беседе Камбон отметил, что французское правительство не пойдет на заключение договора на таких основаниях⁹³⁵. Более того, французы не хотели оказывать «давление» на другие державы в случае, если они те решат не присоединиться к договору. Французский посол добавлял, что лучшее, что может предложить Франция англичанам, это «доброжелательный нейтралитет»⁹³⁶.

Камбон в одном из своих писем заметил, что для англичан египетский вопрос «наиболее чувствительный»⁹³⁷. Именно поэтому Франции не следовало ограничиваться лишь британскими обещаниями, нужно было «показать себя более требовательными в Марокко». Хотя на деле, следует отметить, свою «требовательность» Франция в полной мере проявила и в процессе обсуждения египетского вопроса.

Тем временем уже наступил декабрь 1903 г., а дипломатические представители двух стран так и не смогли найти компромисс по египетскому вопросу. Интересно, что переговоры по другим вопросам проходили относительно гладко. Основные пункты договора по Марокко также были в целом определены. Однако державы не могли продвигаться далее, пока не решат все споры по Египту.

Основная идея Антанты заключалась в равноценности уступок, при этом обе державы говорили о том, что идут на существенные жертвы. Так, Лэнсдаун на возражения французов относительно Египта заявил: «Следует

---

⁹³⁴ Статья VIII Конвенции 1888 г. о нейтрализации Суэцкого канала подчеркивала временный характер британской оккупации Египта.

⁹³⁵ BD. Vol. 2. Doc. 377.

⁹³⁶ DDF. 2 série. T. 4. Doc. 98.

⁹³⁷ Ibid. T. 3. Doc. 381.

сказать, что мы отдаем слишком много, а получаем мало»⁹³⁸. Англичане обещали добровольно уйти из Марокко, получив компенсацию в стране, которой они, по сути, владели. Камбон, в свою очередь, напоминал, что, после согласия Великобритании по марокканскому вопросу, Франции еще придется иметь дело с Испанией и, что важнее всего, с Германией, поэтому ее выгода не так уж и велика. Кромер, между прочим, также говорил о том, что решение египетского вопроса непременно встретит оппозицию со стороны Германии⁹³⁹, которая, очевидно, станет противиться не только африканским договоренностям, но и самой идее англо-французской Антанты. Рассуждения обеих сторон имели под собой серьезные основания. Однако то, что и Англия и Франция шли на заключение этого договора, означало одно: державы видели в нем политическую необходимость. Наиболее серьезным препятствием для обеих сторон стало требование англичан о лишении Кассы ее полномочий по контролю за финансами Египта.

В *The Times* критике подверглась незадолго до этого вышедшая во Франции статья Р. Леви, затрагивавшая «острую тему англо-французских противоречий по поводу египетских финансов»⁹⁴⁰. В ней утверждалось, что основная заслуга администрации Кромера в проведении реформ в Египте принадлежит Кассе, которая предоставила весь свой резерв в распоряжение египетского правительства для осуществления общественных работ и других видов реформаторской деятельности. Р. Леви утверждал, что упразднение Кассы, о котором говорили британцы, не имело никакого смысла и вряд ли могло считаться «законным», так как «держатели долга имели право на ее сохранение, пока все долги не будут выплачены»⁹⁴¹.

В ответ на предложения Лэнсдауна по Кассе Делькассе заметил, что «конверсия египетского долга — это вопрос чрезвычайной важности для французского правительства», которое обязано защищать многочисленных

---

⁹³⁸ BD. Vol. 2. Doc. 384.

⁹³⁹ Ibid. Doc. 400.

⁹⁴⁰ The Times. 16/12/1903.

⁹⁴¹ Ibidem.

французских кредиторов⁹⁴². Тот же протест поступил и по вопросу о закрытии Железнодорожной администрации, выражавшей интересы держателей привилегированного долга. Кроме того, одним из требований Делькассе было сохранение административных постов за французами, которые работали в Египте по контракту, а также в некоторых случаях — и без.

Переговоры затягивались еще и потому, что Камбону приходилось постоянно действовать с оглядкой на реакцию французского общественного мнения, частью которого были и многочисленные держатели долга. Он признавался в письме к Делькассе, что «лучше медлить, лучше провалить переговоры, нежели принять соглашение... которое Франция не ратифицирует»⁹⁴³.

24 декабря 1903 г. был составлен очередной меморандум, в котором Лэнсдаун излагал вариант решения египетского вопроса в соответствии с «замечаниями Делькассе»⁹⁴⁴. Обращение держателей долга в случае неуплаты в суд казалось французскому министру недостаточной гарантией, он считал, что для большей уверенности следовало учредить специальный резервный фонд. Однако требования установить для французских держателей особые преференции во время конверсии долга были полностью отклонены. Уступкой английского правительства стало согласие отложить конверсию на пять лет для того, чтобы обеспечить все необходимые для этого условия. С целью раз и навсегда уладить вопрос, Лэнсдаун считал необходимым издание декрета хедива, в котором были бы изложены все решения держав относительно египетского государственного долга и положения Кассы. При этом предыдущие договоры после публикации декрета считались недействительными. Но и это предложение не было принято. Возможно, опасения Делькассе были связаны с тревожными сообщениями, которые поступали из Каира. Так, еще в начале декабря 1903 г. уполномоченный французского консульства в Каире, представляя планы Кромера и

---

⁹⁴² BD. Vol. 2. Doc. 378.

⁹⁴³ DDF. Série 2. T.4. Doc. 98.

⁹⁴⁴ Ibid. Doc. 381.

обосновывая важность сохранения Кассы, заключал: «В случае с нами, дело идет к тому, чтобы склонить нас к окончательному отказу от непосредственного влияния и требований в Египте»⁹⁴⁵. Делькассе после Фашоды боялся сделать неверный шаг.

В середине января 1904 г. державы стояли перед угрозой срыва переговоров⁹⁴⁶. Против этого активно выступал лорд Кромер. Он считал, что приостановка переговоров в тот момент была бы «катастрофичной как в общем смысле, так и с местной египетской точки зрения», фактически подчеркивая двойную функцию Антанты как колониального и континентального соглашения. В таком же ключе высказывался Ш. Фрейсине, который заметил, что если «судить о приобретениях Франции на Ниле, то они явно были недостаточными, однако следует помнить об основной цели договора», который должен был, наконец, положить конец англо-французской вражде⁹⁴⁷. Интересно, что Кромер разделял точку зрения Камбона и Делькассе, честно признаваясь, что уступки, которые Франция делает англичанам в Египте намного более «ценные», нежели то, что она получает взамен в Марокко. Еще в конце декабря он писал Лэнсдауну, что вполне можно согласиться на сохранение Кассы, но ограничить ее в полномочиях⁹⁴⁸.

Переговоры по египетскому вопросу все же на какое-то время были приостановлены. К его обсуждению снова вернулись только в марте 1904 г. В это время в Париже находилась т.н. миссия Э.Горста, которая обсуждала на месте различные финансовые тонкости. При этом вплоть до конца месяца державы не могли прийти к консенсусу относительно тех или иных пунктов египетского вопроса. Так, в двадцатых числах марта французы высказали протест против отмены статьи VIII Конвенции 1888 г. Расхождения во взглядах дипломатические представители обеих стран улаживали уже в процессе корректировки текста будущего соглашения в конце марта – первых числах апреля 1904 г.

---

⁹⁴⁵ DDF. Série 2. T.4. Doc. 114.

⁹⁴⁶ BD. Vol. 2. Doc. 384, 387.

⁹⁴⁷ Freycinet de C. Question d’Egypte...P. 423.

⁹⁴⁸ BD. Vol. 2. Doc. 379, 380.

Об англо-французских переговорах по Египту много писали и в прессе обеих стран. Так, в *The Times* отмечалось, что «никто не говорил о том, что Франция должна отказаться от своих прав в Египте»⁹⁴⁹. Все, что от нее требовалось, по мнению английской газеты, это «признать тот факт, что Англия обладает доминирующей позицией, которую следует учитывать» при обсуждении различных вопросов.

В итоге 8 апреля 1904 г. договор об установлении «сердечного согласия» все же был подписан. Вернее, было составлено сразу несколько соглашений. Во-первых, державы подписали Декларацию относительно Египта и Марокко; во-вторых, Конвенцию относительно Ньюфаундленда и Западной и Центральной Африки, и, в-третьих, Декларацию относительно Сиам, Мадагаскара и Новых Гебридов. Таким образом, Антанта решала наиболее сложные колониальные вопросы, которые на протяжении долгих лет были причиной напряженности в англо-французских отношениях.

Наиболее важным документом из трех была Декларация держав относительно Египта и Марокко⁹⁵⁰. Основным документ содержал 9 статей. Кроме того, Лэнсдаун и Камбон подписали секретное приложение к договору. В статье I основного документа декларировалось, что французское правительство не станет больше «вмешиваться в деятельность Англии» в Египте и не будет требовать фиксации срока британской оккупации. При этом культурное присутствие Франции в Египте сохранялось: продолжали работу французские школы, а директором главного управления древностями оставался француз. Британия же, в свою очередь, обязалась не менять политического режима Египта. По примеру I статьи, во II статье Франция обещала не осуществлять политических изменений в Марокко, а Британия, в свою очередь, - не препятствовать французской активности в этом регионе. В статье III Англия соглашалась на сохранение за французами всех тех прав,

---

⁹⁴⁹ The Times. 26/03/1904.

⁹⁵⁰ BD. Vol. 2. P. 385; DDF. Série 2. T. 4. Doc. 389.; Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. Accords (conclus le 8 avril entre la France et l'Angleterre au sujet du Maroc, de l'Égypte, de Terre-Neuve, etc). Paris, 1904.

которыми они пользовались согласно установленным ранее договорам и конвенциям, в частности, отдельно обговаривалось право каботаж.

В IV пункте договора утверждался принцип «свободы торговли». Державы обязывались уважать коммерческие и торговые интересы друг друга в Египте и Марокко. В следующей, V статье, страны обещали сохранить должности английских и французских администраторов и чиновников, которые работали в Египте и Марокко. VI статья была посвящена Суэцкому каналу. Британское правительство обязалось соблюдать условия Конвенции 1888 г. Однако оговорка относительно VIII статьи Конвенции все же была сделана, как и настаивал Лэнсдаун. В договоре отмечалось, что действие этой статьи приостанавливалось. VII и VIII статьи отражали марокканские договоренности. В частности, всем державам было запрещено строить фортификационные сооружения рядом с Гибралтаром. Кроме того, Франция обязывалась уважать интересы Испании.

Финальная, IX статья гласила: «Оба правительства договариваются оказывать друг другу дипломатическую поддержку в выполнении статей настоящей декларации относительно Египта и Марокко»⁹⁵¹.

Как мы уже упоминали, дополнительно были также подписаны 5 секретных статей. В I статье говорилось о том, что если страны когда-либо будут вынуждены изменить свою политическую линию в Марокко или в Египте, то статьи IV, VI и VII основного соглашения останутся неизменными. Согласно пункту II французское правительство обещало поддержать британскую администрацию в Египте, когда та решит отменить капитуляции. При этом французы могли поступить так же в Марокко. Третья статья уточняла VIII статью основного договора, то есть точно локализовывала зону, которая в будущем должна была достаться Испании. А в IV статье пояснялось, что если Испания не присоединится к Декларации, выполнение этой статьи договора можно будет отложить. Последняя статья гласила: «В случае, если

---

⁹⁵¹ Accords (conclus le 8 avril entre la France et l'Angleterre au sujet du Maroc, de l'Egypte, de Terre-Neuve, etc). Paris, 1904.

державы не присоединятся к проекту упоминаемого декрета... правительство Франции не будет противостоять выплате по номинальной стоимости начиная с 15 июля 1910 г. гарантированного, привилегированного и объединенного долгов Египта».

Для Франции и Англии подписание Антанты поставило точку в истории более чем двадцатилетнего противостояния в Египте. Фактически было устранено главное противоречие для европейского партнерства. Антанта, будучи по своей природе колониальным соглашением, все же заключалась в период, когда особую активность на международной арене начинает проявлять Германия. Сложно сказать, вкладывалась ли в само соглашение антигерманская направленность. Однако бесспорно то, что сам факт англо-французского сближения, которое закончилось подписанием Антанты 1904 г., был во многом вызван германским фактором. Провал проекта англо-германского соглашения и невозможность заключения франко-германского союза делали англичан и французов естественными союзниками.

Главное решение по Египту содержалось в подписанном дополнительно декрете хедива. В нем устанавливались ограничения привилегий Кассы египетского долга — она теряла право контроля над финансами страны. Кроме, наконец, получил свободу действий в Египте. Франция больше не ставила перед собой задачи «вредить англичанам», а именно этим занимались французские представители в Кассе вплоть до начала 1900-х гг.⁹⁵² При этом Касса как институт не ликвидировалась, торговые и культурные интересы Франции в Египте также были полностью учтены в договоре.

С юридической точки зрения, декрет хедива был бы недействительным, если бы Англии не удалось получить согласие Австрии, Германии, Италии и России. Россия и Германия заняли жесткие позиции в вопросе декрета.

Как мы уже отмечали выше, в русской прессе даже писали о том, что Франция собирается предать союзницу. Однако в дипломатических кругах на

---

⁹⁵² В частности, Касса препятствовала финансированию суданских проектов и реформ из египетской казны, что было причиной постоянных трений между администрацией Кромера и представителями Кассы.

этот счет мнения разнились. Наиболее оптимистичный взгляд на Антанту из представителей русской дипломатической элиты имел посол во Франции А.И. Нелидов. Он отмечал, что все обвинения в измене России вследствие заключения Антанты, адресованные министру иностранных дел Франции Т. Делькассе, являются «голословной клеветой»⁹⁵³. По его утверждению, подробные слухи распространяли немцы, «которым естественно не нравилось сближение Франции с Англией, косвенно направленное против Германии»⁹⁵⁴. Любопытно, что Нелидов — один из немногих русских дипломатов, который подчеркнул антинемецкую ориентацию Антанты. Делькассе при этом старался придать соглашению исключительно региональный колониальный характер. В беседе с послом он признавался: «Я делаю все возможное, чтобы быть в наилучших отношениях с Германией, между нами нет на очереди никаких вопросов, но дружить с нею не в моих силах»⁹⁵⁵.

Делькассе утверждал, что Антанта может быть полезна для России, в особенности, когда «настанет время заключения мира по окончании нынешней войны (имея в виду русско-японскую войну. — А.А.) и условиями его станет заниматься всемирная, в особенности же английская дипломатия»⁹⁵⁶. Теперь, когда Франция была связана соглашением с Англией, союзницей Японии со времени договора 1902 г., русская дипломатия могла использовать это соглашение как метод давления на противника⁹⁵⁷.

С самого начала войны с Японией Россия пыталась добиться полной нейтрализации Суэцкого канала⁹⁵⁸, что и было сделано в феврале 1904 г. не

---

⁹⁵³ АВПРИ. Посольство в Париже, ф. 187, оп. 524, д. 2258. Л. 290.

⁹⁵⁴ Там же.

⁹⁵⁵ Там же. Л. 291.

⁹⁵⁶ Там же. Л. 287.

⁹⁵⁷ Подробнее см.: Айвазян А.А. Египетский аспект англо-французской Антанты 1904 г. В оценках Германии и России // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2011. № 2 (март-апр.). С. 65-77.

⁹⁵⁸ 6 статья Декларации, подписанной 8 апреля 1904 г., фактически ставила под вопрос Соглашение 1888 г., подписанное 9 державами и регулирующее работу Суэцкого канала. Теперь она ставилась в зависимость от английской администрации. В связи с началом русско-японской войны и возможным проходом военных кораблей через канал египетское правительство объявило о его нейтрализации и ввело жесткие правила для судов воюющих стран. Однако определение судна как военного оставалось на усмотрение главы администрации канала. Учитывая то, что данный пост занимал англичанин, отстаивающий интересы британской администрации и, возможно, японских союзников, России данное положение было крайне

без французского вмешательства⁹⁵⁹. По распоряжению египетского правительства все военные корабли должны были находиться в зоне канала не больше 24 часов, а также не могли делать остановки, не имея на то разрешения администрации канала⁹⁶⁰. После издания декрета, регулирующего работу канала в военный период, Петербург попытался оказать давление на Британию, что отразилось в дискуссии по вопросу прохода судов Добровольного флота⁹⁶¹ через Суэцкий канал. Стремление англичан приравнять суда Добровольного флота к судам военного вызвало негативную реакцию в Петербурге, который пытался привлечь к этому конфликту французскую сторону⁹⁶².

С помощью французов также была решена проблема прохода через канал Балтийского флота в ноябре 1904 г. Как отмечал генеральный консул России в Египте П. В. Максимов, «вполне удачное разрешение вышеуказанной задачи будет зависеть от силы нашего воздействия на Англию»⁹⁶³. Надо сказать, что русское военно-морское командование опасалось нападения японцев на русские суда во время прохода через Суэцкий канал⁹⁶⁴. Но страхи русских военных не оправдались. Более того, Максимов особо подчеркивал «безупречную предупредительность, с которой были приняты наши предложения по охране Суэцкого канала во время следования второй Тихоокеанской эскадры»⁹⁶⁵.

невыгодно. Более подробно о правовом статусе Суэцкого канала см.: Кузнецова О.Н. Первоначальная реакция России на заключение англо-французской Антанты// Отечественная история, 2007, № 4. С. 34-42.

⁹⁵⁹ АВПРИ. Консульство в Египте, ф. 317, оп. 820/ 1, д. 152. Л. 10.

⁹⁶⁰ Работа Суэцкого канала регулировалась администрацией Компании Суэцкого канала, основанной в 1858 г. После покупки премьер-министром Великобритании Б. Дизраэли акций хедива в 1875 г. Компания находилась в основном под контролем англичан (Piquet C. La Compagnie du canal de Suez. Une concession française en Egypte (1888-1956). Paris, 2008).

⁹⁶¹ Морское судоходное общество, подконтрольное правительству, было основано в 1878 г. Во время русско-японской войны суда «Добровольного флота» оказывали помощь Второй Тихоокеанской эскадре.

⁹⁶² АВПРИ. Консульство в Египте, ф. 317, оп. 820/ 1, д. 152. Л. 95.

⁹⁶³ Там же. Л. 183.

⁹⁶⁴ В целом следует отметить, что опасения русского военного командования были напрасны, так как в период прохода 2 Тихоокеанской эскадры через Суэцкий канал большая часть японского флота была сосредоточена в Порт-Артуре с целью полностью уничтожить 1 Тихоокеанскую эскадру до прихода на Дальний Восток подкрепления. (Золотарев В., Козлов И. Русско-японская война 1904-1905 гг. М, 1990. С. 155).

⁹⁶⁵ АВПРИ. Консульство в Египте, ф. 317, оп. 820/ 1, д. 152. Л. 261.

Россия знала, что без ее согласия хедивальный декрет не вступит в силу и поставила еще одно условие. Ламздорф попытался решить с помощью Антанты еще один важный для России вопрос – тибетский⁹⁶⁶. Фактически, министр хотел, чтобы в обмен на согласие с декретом, Англия пошла на определенные уступки в Тибете. В беседе с английским послом русский министр отмечал, что меморандум лорда Лэнсдауна, главы Форин Офис, разочаровал его своей «сдержанностью относительно будущего»⁹⁶⁷. Те же соображения Ламздорф выразил в секретной телеграмме послу России во Франции Нелидову. Он подчеркивал, что «имперское правительство готово было бы изъять свое согласие на издание хедивального декрета, касающегося Кассы Египетского долга», однако «г. Делькассе, казалось, мог выразить лорду Лэнсдауну надежду, что лондонский кабинет оценит предупредительность, с коей императорское правительство отнеслось к изменению в интересах Англии постановлений о Кассе египетского долга и со своей стороны проявит желание устранить всячески недоразумения с Россией по разным политическим делам, из коих ныне особое внимание занимает тибетский вопрос»⁹⁶⁸.

К переговорам была вынуждена подключиться и Франция. Очевидно, посредничество Франции в данном вопросе являлось одним из условий благожелательного отношения России к англо-французскому соглашению. Переговоры французской стороны с англичанами вел посол Поль Камбон. В частности, под давлением французов было решено отвергнуть проект лорда Керзона, вице-короля Индии, о создании английской резиденции в Лхасе — для России это была значительная победа.

Германская позиция относительно принятия декрета отличалась большей жесткостью, нежели русская. Во многом, это было связано с тем, что Германия видела в соглашении реальную континентальную угрозу.

---

⁹⁶⁶АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 45. Л. 194.

⁹⁶⁷Там же.

⁹⁶⁸АВПРИ. Посольство в Париже, ф. 187, оп. 524, д. 2258. Л. 274.

Австрийский дипломат в Каире тогда замечал, что Антанту считали шагом на пути к созданию «нового политического союза»⁹⁶⁹.

В своей депеше Максимов писал: «Только одна Германия сделала... затруднения в изъявлении согласия на обнародование предусмотренного англо-французским соглашением хедивиального декрета касательно египетского долга»⁹⁷⁰. Отмечалось также, что немецкая дипломатия заявила якобы, что «раз Франция сделала значительные уступки по египетским делам взамен полученных ею других выгод, то нет причин, чтобы и Германии не были предоставлены соответствующие вознаграждения». По словам Максимова, Кромер воспринимал эти требования лишь как «некоторое поправление границ немецких южно-африканских колоний, на которые Англия расположена согласиться»⁹⁷¹. Данные русских дипломатов подтверждаются конфиденциальной перепиской главы дипломатического ведомства Германии барона Рихтхофена с английским послом в Берлине Ф. Ласселем. Рихтхофен в жестких формулировках выражал несогласие немецкой стороны с публикацией декрета хедива, пока не будут достигнуты договоренности между Англией и Германией⁹⁷². Он отмечал, что «в Германии ни парламент, ни общественное мнение не поймут нашего безусловного принятия хедивиального декрета, что стало бы отказом от ряда прав германского правительства и держателей акций... в особенности, с учетом того факта, что Франция, имея по закону не больше прав в данном вопросе, чем Германия, получила, после долгих переговоров, обширные компенсации за свой отказ»⁹⁷³. В заключении Рихтхофен советовал англичанам «не забывать, что без нашего формального согласия британские планы на Египет не могут быть приведены в действие»⁹⁷⁴. Так, Германия в ультимативной форме требовала компенсаций в обмен на согласие с изданием хедивиального декрета. В особенности часто разговоры о декрете сопровождались

---

⁹⁶⁹ GP. Bd. 20 (1). N. 6445.

⁹⁷⁰ АВПРИ. Консульство в Египте, ф. 317, оп. 820/ 1, д. 152. Л. 97.

⁹⁷¹ Там же.

⁹⁷² GP. Bd. 20 (1). N. 6446.

⁹⁷³ Ibidem.

⁹⁷⁴ Ibidem.

предложениями «компенсации в Самоа и Трансваале»⁹⁷⁵. Что же касается проблем, связанных исключительно с Египтом, то немецкий генеральный консул в Каире обсуждал с лордом Кромером перспективу заключения нового торгового договора, пытаясь отстоять коммерческие интересы Германии в этом регионе⁹⁷⁶. Английская сторона не спешила удовлетворять немецкие претензии. В частности, сотрудник Форин Офис Дж. Виллиерс в письме к Ласселю отмечал, что ряд вопросов, которые поднял Рихтхофен, фактически не имеют никакого отношения к декрету хедива и не могут обсуждаться в рамках данной проблемы⁹⁷⁷.

Германия также выразила надежду на то, что пост директора публичной библиотеки и некоторые другие места в археологических учреждениях останутся за немецкими подданными⁹⁷⁸. Англичане отказались идти на определенные договоренности по данному вопросу⁹⁷⁹. Они также не согласились выплатить 70 000 ф.ст., затребованные германским правительством в качестве очередной компенсации за Египет⁹⁸⁰. Фактически, англичане отказали немцам практически по всем пунктам, которые барон Рихтхофен считал обязательными для присоединения Германии к хедивиальному декрету.

В результате к лету 1904 г. Германия оказалась единственной державой, не присоединившейся к декрету. В связи с этим сотрудник внешнеполитического ведомства Германии Ф. фон Гольштейн писал в своей заметке «Относительно немецко-английских переговоров по Египту»: «Сейчас мы проходим испытание силой. Отступление Германии перед англо-французским сопротивлением было бы в любом случае неуместным»⁹⁸¹. Германская дипломатия считала необходимым до последнего противостоять

---

⁹⁷⁵ GP. Bd. 20 (1). N. 6447.

⁹⁷⁶ Ibidem.

⁹⁷⁷ Ibid. N. 6448.

⁹⁷⁸ АВПРИ. Консульство в Египте, ф. 317, оп. 820/ 1, д. 152. Л. 97.

⁹⁷⁹ GP. Bd. 20 (1). N. 6448.

⁹⁸⁰ Ibidem.

⁹⁸¹ Ibid. N. 6461.

англо-французскому соглашению, не желая принимать его, не получив при этом должной компенсации.

Переговоры между Германией и Англией, таким образом, затянулись на несколько недель. В итоге у Форин Офис не было иного выхода, кроме как дать свое согласие хотя бы на часть немецких претензий. 17 июня 1904 г. граф Меттерних, посол Германии в Великобритании, телеграфировал: «Английское правительство принимает наши условия относительно хедивинского декрета»⁹⁸². В частности, немецкой торговле гарантировался «режим наибольшего благоприятствования» сроком на 30 лет⁹⁸³. Кроме того, юридическую силу сохраняли все договоры и соглашения, подписанные ранее. На деле, уступки Британии все же были минимальными: вопросы территориальных концессий в Самоа и Южной Африке были заморожены на неопределенное время. Однако сам факт английского компромисса позволял немцам согласиться на присоединение к декрету.

При этом одновременно с обсуждением возможных уступок в пользу Германии, кайзер вел очередную дипломатическую игру в Константинополе. Уже в апреле 1904 г. Вильгельм II убеждал султана, что декларация относительно Египта и Марокко «повлечет за собой последствия, неблагоприятные, как для германского правительства, которое заботится о сохранении status quo в Средиземном море, так и для турецкого правительства, как сюзерена Египта»⁹⁸⁴. Именно поэтому кайзер советовал султану немедленно обратиться с разъяснениями к лондонскому и парижскому кабинетам с целью охраны турецких прав и «добиться пересмотра упомянутой выше статьи (о Египте и Марокко. — *А.А.*), неблагоприятной для интересов Германии»⁹⁸⁵. Совершенно очевидно, что протест Турции против подписания Декларации по Северной Африке был по большей части инспирирован Германией. Сама же Турция не проявляла достаточной активности в делах Египта, так как установление там британского владычества

---

⁹⁸² GP. Bd. 20 (1). N. 6468.

⁹⁸³ Ibid. N. 6471.

⁹⁸⁴ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 27, 1904. Л. 110.

⁹⁸⁵ Там же.

воспринималось в Константинополе к концу 1880-х гг. как свершившийся факт.

Несмотря на это Турция не могла игнорировать «советы» кайзера. Скоро были составлены ноты протеста для английского и французского внешнеполитических ведомств. В то же самое время послам Турции в Лондоне и Париже было поручено заявить, что «Оттоманское правительство не может допустить никакого нарушения своих прав на Египет»⁹⁸⁶. Отметим лишь, что турецкие протесты никоим образом не повлияли на соглашение. Британское правительство со значительным опозданием ответило, что англо-французская декларация не содержит статей, которые могли бы нарушать права Турции как верховного сюзерена Египта⁹⁸⁷. Более того, одним из пунктов декларации являлась неизменность политического статуса Египта, что обеспечивало своеобразный иммунитет англичанам от любых нареканий с турецкой стороны. Разумеется, турецкому правительству ничего не было известно про секретные статьи соглашения 1904 г., которые закрепляли за Британией права на Египет. В заключение Форин Офис довольно-таки жестко отмечал, что «правительству короля Эдуарда было бы стеснительно посвящать третью державу в секретные переговоры, касавшиеся многочисленных вопросов, по которым состоялось соглашение между Англией и Францией»⁹⁸⁸. Уже после заключения Антанты, в 1906 г. британский Комитет обороны империи рассматривал возможность германо-турецкого вторжения в Египет. Несмотря на то, что после детального анализа подобная перспектива была признана маловероятной, примечателен сам факт обсуждения данного вопроса⁹⁸⁹.

Выгод в связи с заключением Антанты искали не только Россия и Германия, но также и Австрия. Генеральный консул России в Египте сообщал, что в отличие от Германии, она «поспешила одобрить эту сделку», однако при этом она обратилась к Британии с заявлением, что «взамен своего

---

⁹⁸⁶ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 27, 1904. Л. 111.

⁹⁸⁷ Там же. Л. 144.

⁹⁸⁸ Там же. Л. 145.

⁹⁸⁹ The National Archives. Cabinet Papers. 38/12 № 42, 44, 46, 54.

благоприятного отношения к стремлениям Англии в Египте она рассчитывает на поддержку с ее стороны австрийских интересов на Балканском п-ове против посягательств на него России»⁹⁹⁰. Неудивительно, что Кромер был недоволен тем, как великие державы стремятся «воспользоваться обстоятельствами, чтобы предъявить соответствующие требования по разрешению интересующих их вопросов»⁹⁹¹.

Результаты соглашения по-разному оценивались современниками. Французский посол Камбон и лорд Кромер говорили о том, что Франция отдала намного больше, чем получила. Как заметил один из виднейших деятелей французской колониальной группы Р. Миллэ, французы «променяли права на надежды»⁹⁹². Однако поддержка, оказанная Англией Франции во время Марокканских кризисов 1905-1906 гг. и 1911 г., и последующее приобретение Марокко показали, что Франция в результате Антанты отдала не столь много, а получила значительно больше – надежного военного союзника на море и важнейшую колонию в Магрибе. Страхи, связанные с возможной негативной реакцией России, также оказались напрасными. Соглашение 1904 г. было воспринято российской дипломатией как возможность реализации собственных интересов, а также урегулирования споров с Великобританией, что впоследствии привело к подписанию англо-русской Антанты 1907 г. и окончательному складыванию накануне Первой мировой войны Тройственной Антанты.

---

⁹⁹⁰ АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 27, 1904. Л. 125.

⁹⁹¹ АВПРИ. Консульство в Египте, ф. 317, оп. 820/ 1, д. 152. Л. 67.

⁹⁹² The Cambridge History of British Foreign Policy. Vol. 3. Cambridge, 1923. P. 316.

Заключение

Подписание Антанты 1904 г. поставило точку в одном из самых насыщенных отрезков истории соперничества великих держав в Египте. Египетский вопрос в конце XIX – начале XX вв. отличался сложностью и многомерностью. Закljučая наше исследование, мы можем выделить три уровня взаимодействия держав, заинтересованных в его судьбе. Первый из них — англо-французское противостояние в Египте, которое длилось почти двадцать лет и окончательно было урегулировано только в 1904 г. Далее мы рассматривали взаимоотношения Англии, Франции и России в регионе Ближнего Востока и их колониальные противоречия, которые оказали существенное влияние на позицию этих стран в Египте. Наконец, третий уровень можно кратко определить как европейский — мы изучали тесную взаимосвязь соперничества в Египте и образования европейских союзов.

В развитии египетского вопроса в конце XIX – начале XX вв. можно выделить несколько этапов. Первый этап начался в 1882 г. — в день легендарной битвы при Тель-эль-Кебуре, когда британские войска уничтожили силы Араби-паши. Англичане оккупировали страну, заложив основу для серьезного конфликта интересов. Нет ни одного доказательства, говорящего в пользу того, что оккупация 1882 г. была спланирована британцами. Она стала быстрым ответом на попытку переворота, совершенную египетским офицерством при поддержке большей части местного населения. Восстание с националистическими лозунгами испугало как французов, так и англичан — европейцам было намного легче вести переговоры друг с другом, нежели с непредсказуемыми египетскими революционерами. Именно наличие третьей силы в виде национально-освободительного движения внесло в историю с оккупацией ту степень нескоординированности, которую мы наблюдали в процессе выработки решения по египетскому вопросу на Константинопольской конференции 1882 г.

1882 г. надолго похоронил какие-либо надежды египтян на независимость. Британская оккупация стала новой формой установления колониального господства — вместо того, чтобы открыто признавать само наличие прямой политической зависимости египетских властей в лице хедива от Великобритании, англичане создали британскую администрацию во главе с предприимчивым Э. Бэрингом. Лондон не спешил называть Египет британской колонией в силу ряда причин. В случае с Египтом, речь не шла об отсталой африканской стране с дикими, по европейским меркам, нравами и обычаями: в Египте британцы имели дело с древней культурой, богатой арабской традицией и сложившейся мощной военной элитой, которая тяжело переживала чужое присутствие во властных структурах страны. Кроме того, далеко не все британские политики были согласны с тем, что империи нужно новое «бремя» — именно так некоторые из них воспринимали колонии. Была, без сомнения, и другая, чрезвычайно важная причина — желание создать иллюзию интернационализации египетской политики, чтобы не провоцировать острого конфликта с Францией и другими заинтересованными державами. Впрочем, стремление не провоцировать Париж имело обратный эффект: давая ложные обещания о скорой эвакуации своих войск из страны, англичане оставляли вопрос открытым, а следовательно, спорным.

Британская оккупация в 1882 г., вопреки распространенному мнению, не привела в резкому ухудшению в англо-французских отношениях по нескольким причинам. Во-первых, французы надеялись вернуться ко временам «либерального альянса» Англии и Франции второй половины 1870-х гг., когда они наравне с британцами участвовали в делах Египта. Во-вторых, в 1882 г. англичан и французов в Египте объединили панисламистская угроза и возможность вмешательства Турции в египетские дела. Будучи номинальным сюзереном Египта, Османская империя не имела реальной власти на берегах Нила. В начале 1880-х гг. султан намеревался укрепить свое влияние в Египте и Магрибе. Опасность распространения радикальных идей религиозного характера стараниями Абдул-Хамида II была воспринята европейскими

державами очень серьезно. В особенности, этого страшилась Франция, которая пыталась всячески уберечь свои североафриканские колонии от возможного влияния панисламизма. Панисламистский фактор стал причиной первоначального благожелательного отношения Франции к английской оккупации Египта в 1882 г. Но с ослаблением турецкой угрозы, упрочнением позиций Британии на Ниле и сменой правительства во Франции англо-французские отношения в Египте значительно усложнились.

Напряжение в отношениях двух держав с середины 1880-х гг. было отчасти результатом политики России и Германии, которые стремились использовать англо-французское противостояние в Египте в своих интересах. Позиция России с момента оккупации в 1882 г. и до заключения Антанты 1904 г. отличалась многомерностью. С одной стороны, Петербург всячески поощрял англо-французский конфликт, понимая, что он отвлекает внимание англичан от других важных для русской дипломатии регионов, в частности Балкан и Средней Азии. С другой — Россия имела собственные интересы в Восточном Средиземноморье и всеми возможными средствами стремилась помешать установлению британской власти в Египте, что изменило бы баланс сил в регионе в пользу Лондона. Руководствуясь своими ближневосточными интересами, русская дипломатия наравне с французской систематически противостояла британцам в Египте. Германию до конца 1890-х гг. не интересовали колониальные противоречия держав. В первой половине 1880-х гг. Бисмарк использовал англо-французский спор в Египте, чтобы поддерживать свою роль арбитра в европейских делах.

Этап с 1882 по начало 1890-х гг. показал, что Египет стал, в определенной степени, слабым местом Британии. В неблагоприятных для нее внешнеполитических условиях, Великобритания должна была выводить страну из катастрофического экономического кризиса, в котором Египет оказался во многом благодаря расточительности хедива Исмаила. Только решив экономические проблемы, британцы действительно могли утвердить свое влияние в Египте. Сразу же после оккупации оказалось, что британцы не

в состоянии наладить египетские финансы без Кассы египетского долга, а значит без Франции. Именно на этом этапе обозначилась основная проблема англичан — финансовый вопрос, ставший инструментом давления в руках членов Кассы, в частности России, которая показала себя на конференциях по финансам середины 80-х гг. с куда более суровой стороны, чем Франция. Также стали понятны и пути решения этого вопроса — лишить Кассу египетского долга привилегии главного казначея страны.

Первый этап соперничества продемонстрировал заинтересованность крупных континентальных держав в развитии египетского вопроса. Германия и Россия сразу же поняли, какой конфликтный потенциал содержит в себе Египет и как следует пользоваться возникшей на Ниле ситуацией. Очевидно, что Германия во второй половине 1880-х — первой половине 1890-х гг., осознавая трудности, возникшие у британцев в Египте, старалась вовлечь Лондон в орбиту влияния Тройственного союза. Почувствовав некоторое ослабление своих позиций, в 1887 г. Великобритания присоединилась к Средиземноморской Антанте, инициированной Бисмарком. Британский премьер-министр лорд Солсбери принял это решение во многом под давлением тех обстоятельств, в которых Британия оказалась из-за Египта. Впрочем, он не готов был жертвовать привилегиями, которые давала Англии политика «блестящей изоляции», ради того, чтобы оттеснить французов и русских в Египте.

Тактика по созданию напряжения в отношениях англичан и французов была продолжена и в 1890-ые годы, когда в Европе наметилась перегруппировка сил. Именно она обозначила второй этап в развитии египетского вопроса — с начала 1890-х годов по 1898 г.

В 1891-1893 гг. возник русско-французский союз. Нет сомнения, что суть его была антигерманская. Но очевидно было и другое — обе стороны вкладывали в него и антибританское значение. Разумеется, Франция стремилась к России не только потому, что хотела «выгнать» англичан из

Египта. Но египетский вопрос и яркий антибританский курс российской дипломатии сыграли свою роль.

Формирование новых блоков, в свою очередь, оказало значительное влияние на развитие колониальной экспансии: англичане, чувствуя нейтралитет Берлина, продолжали экспансию на африканские земли, а французы, заручившись поддержкой России – отправляли одну экспедицию за другой, чтобы установить свое влияние на Верхнем Ниле и тем самым создать англичанам проблемы в Египте. Рискованная и авантюрная политика Франции на Верхнем Ниле привела в итоге к Фашодскому кризису в 1898 г., который, по мнению некоторых современников, грозил войной. В действительности же, разговоры о войне были скорее спекуляцией со стороны англичан. Однако политика конца XIX в. была крайне непредсказуема, поэтому дипломатии европейских стран рассматривали все возможные варианты. Кроме локальных последствий и раздела региона Верхнего Нила, кризис имел и более глобальные итоги: и англичане, и французы почувствовали важность завершения опасного конфликта, разрешения египетской проблемы, а также необходимость поиска новых могущественных союзников — Фашодский кризис показал, что, несмотря на временные или постоянные альянсы, обе державы были в некотором смысле изолированы на международной арене.

Именно после Фашодского кризиса начинается третий заключительный этап, который привел державы к подписанию Антанты 1904 г. Египетский вопрос потерял острую политическую составляющую после поражения Франции в Фашоде. Активность британской администрации в Каире, направлявшей Лондон в египетском вопросе в начале XX в., в сочетании с соображениями европейского характера, привела к разрешению единственно оставшегося финансового спора между державами в Египте и открыла дорогу англо-французскому сближению в 1904 г. Антанта зафиксировала лишение Кассы египетского долга ее главной функции — держателя египетских финансов. При этом, англо-французский договор 1904 г. отражал

уже существующую на тот момент политическую реальность. На наш взгляд, Антанта выходила за рамки колониального соглашения: она регулировала не только раздел заморских территорий и отказ Франции от Египта, но и новый порядок отношений на европейском континенте. Россия и Германия были теми державами, которые первые должны были почувствовать на себе действие этого договора. Англо-французское соглашение 1904 г. способствовало сближению Англии и России перед лицом нарастающей германской угрозы.

С подписанием Антанты египетский вопрос не перестал существовать. Антанта не могла решить одним росчерком пера все противоречия, которые скопились за столь длительный срок в Египте. Вместе с тем, египетский вопрос после 1904 г. оказался вписан в общеевропейский процесс поляризации сил, в котором Антанта противостояла Германии. На региональном уровне это выразилось в том, что Германия поддерживала Турцию в ее попытках пересмотра статуса Египта. Германский кайзер Вильгельм II стремился вновь поднять вопрос об оккупации и убеждал турецкого султана вмешаться в дела Египта. В 1906 г. британский Комитет обороны империи даже рассматривал возможность германо-турецкого вторжения в Египет. Так, на смену англо-французскому конфликту в Египте пришло противостояние англичан с Германией. С началом Первой мировой войны, в которой Англия и Германия с Турцией оказались по разные стороны баррикад, Великобритания объявила свой протекторат над Египтом.

Библиография

Источники

Архивные документы

Архив Внешней Политики Российской Империи

Фонд 133. Канцелярия МИД, опись 470, д. 27, 28, 45, 61, 66, 72 (т. I и II), 73, 79, 96;

Фонд 184. Посольство в Лондоне, опись 520, т. 1, д. 901, 902, 973; т.2, 1050;

Фонд 187. Посольство в Париже, опись 524, д. 1947, 2201, 2193, 2264, 2558;

Фонд 317. Генеральное консульство в Египте, опись 820, д. 388.

Archives Diplomatiques Françaises

Allemagne, juillet – septembre 1882, vol. 49;

Angleterre – France, correspondances politiques, 1896 – 1897;

Angleterre, 1884, vol. 795;

Angleterre, avril – juin 1882, vol. 795;

Angleterre, Correspondances politiques, vol. 595;

Angleterre, janvier – mars 1882, vol. 794;

Angleterre, juillet – septembre, vol. 796;

Egypte, 1882, vol. 72 – 75;

Le Caire, 1882, 1904;

Russie, janvier – mars 1890, vol. 287;

Russie, Moscou, 1878 – 1890, t. I ; t. 2;

Russie, Politique étrangère France – Russie, mars 1893 – décembre 1894, janvier 1896 – janvier 1897;

Turquie, mai – juin 1882, vol. 451.

The National Archives

Cabinet Papers. 38/12 № 42, 44, 46, 54;

The Foreign Office (FO), 800/8 Denmark, Egypt, France, Greece, Morocco and Miscellaneous Vol.2;

FO, 800/124 Egypt;

FO, 800/123 Egypt.

Service Historique de la Défence.

Attachés militaires, Egypte, 1864 – 1917;

Attachés militaires, Egypte, 1871 – 1912;

Attachés militaires, Russie, 1881 – 1883, janvier- juin;

Attachés militaires, Russie, 1889 – 1892;

Attachés militaires, Russie, 1898 – 1900 ;

Rapport sur l'Egypte, Voyage du capitaine de Labry, mars-mai 1900.

Парламентские дебаты

1. Annales de la Chambre des députés. Débats parlementaires. Paris, 1898, 1899.

2. Annales du Sénat. Débats parlementaires. Paris, 1899.

3. Hansard's Parliamentary Debates. 4th series. London, 1876, 1898, 1899, 1904.

Опубликованные дипломатические документы

1. История Африки в документах. 1870 – 2000. Т. 1. Под ред. А. Давидсона. М., 2005.

2. Колониальная политика капиталистических держав (1870-1914). М., 1967.
3. Международные отношения и внешняя политика: 1871-1957 (сборник документов). М., 1957.
4. British documents on the origins of the war. London, 1927. Vol. 1, 2.
5. Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871-1914. Berlin, 1922-1927. Bd. 11, 14.
6. Documents diplomatiques. Ministère des Affaires étrangères. Accords (conclus le 8 avril entre la France et l'Angleterre au sujet du Maroc, de l'Egypte, de Terre-Neuve, etc). Paris, 1904.
7. Documents diplomatiques. Ministère des Affaires étrangères. Affaires du Haut — Nil et du Bahr-el-Ghazal (1897-1898). Paris, 1898.
8. Documents diplomatiques. Ministère des Affaires étrangères. Affaires d'Egypte (1884-1893). Paris, 1893.
9. Documents diplomatiques. Ministère des Affaires étrangères. Convention d'arbitrage avec l'Angleterre. Paris, 1903.
10. Documents diplomatiques. Ministère des Affaires étrangères. Déclaration additionnelle du 21 mars 1899 à la Convention franco-anglaise du 14 juin 1898. Paris, 1899.
11. Documents diplomatiques. Ministère des Affaires étrangères. Afrique (arrangements, actes et conventions, 1881-1898). Paris, 1898.
12. Documents diplomatiques français (1871-1914). Paris, 1929 - 1959. Série 1. Vol. 3, 4, 5, 7, 8, 11, 14, 15; Série 2. Vol. 1,2,3,4.
13. English historical documents. Ed. by David C. Douglas. Vol. 12 (2). London, 1977.
14. Foundations of British foreign policy (1792 – 1902). Ed. by H. Temperley and L. Penson. Cambridge, 1983.

Мемуары, дневники и переписка

1. Витте С. Ю. Воспоминания. Т.1, 2. М.: Скиф Алекс, 1994.
2. Ламздорф В.Н. Дневник, 1886-1890. М.: Международные отношения, 1991.
3. Baratier A. Fachoda (souvenir de la mission Marchand). Paris: Grasset, 1942.
4. Bülow von B. Denkwürdigkeiten. B. 1. Berlin: Ullstein, 1930.
5. Freycinet de C. Souvenirs (1878 – 1893). Paris: Ch. Delagrave, 1913.
6. Grey E. Twenty-five years. Vol. 1. NY: Frederic A. Stokes Company, 1925.
7. Hanotaux G. Mon Temps, IV. Paris: Plon, 1947.
8. Letters of Queen Victoria. Third series. Vol. 3. London: John Murray, 1930.
9. Monteil L. Souvenirs vecus. Paris: Société d' édition géographiques, maritimes et coloniales, 1924.

Публицистика

1. Гирс А.А. Россия и Ближний Восток. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906.
2. Жигарев С. Русская политика в Восточном вопросе. М.: Унив. тип., 1896.
3. Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1897.
4. Скальковский К. Суэцкий канал и его значение для русской торговли. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1870.

5. Barclay T. Thirty Years Anglo-French Reminiscences (1876-1906). NY: Houghton Mifflin Company, 1914.
6. Benedetti V. Essais diplomatiques (nouvelle série). Paris: Plon, 1897.
7. Blunt W.S. Secret History of the English Occupation of Egypt: Being a Personal Narrative of Events. NY: A.A. Knopf, 1922.
8. Charmes G. Politique extérieure et coloniale. Paris: Michel Lévy, 1885.
9. Chonski de S. Croquis égyptiens. Paris: Dentu, 1887.
10. Churchill W. The River War: An account of the reconquest of the Sudan. London: Eyre & Spottiswoode, 1949.
11. Cromer. Modern Egypt. Vol. 1-2. London: Macmillan, 1908.
12. Daniel A. L'Année Politique, 1899. Paris: G. Charpentier et Cie, 1900.
13. Freycinet de C. La Question d'Egypte. Paris: Calmann-Lévy, 1904.
14. Gaignerot R. La Question d'Egypte: le bassin du Nil en droit international, Paris: Albi, 1901.
15. Giers K. Russo-british relations in Eighties // Slavonic Review, vol. 3, No. 7 (June, 1924).
16. Hanotaux G. Le Partage de l'Afrique: Fachoda. Paris: Flammarion, 1909.
17. Kamel S. La Conférence de Constantinople et la Question Egyptienne en 1882. Paris: F. Alcan, 1913.
18. Leroux E. La Question Egyptienne. Paris: Imprimerie nationale, 1881.
19. Loiseau Ch. A propos de l'alliance franco-russe. Paris: Perrin, 1902.
20. Marshall J.E. The Egyptian Enigma, 1890-1928. London: John Murray, 1928.

21. Milner A. England in Egypt. London: Edward Arnold, 1926.
22. Pader P. Nécessité de l'alliance franco-russe. Toulouse: Imp. de Douladoure-Privat, 1888.
23. Roux S. Voyage au pays des Barbares : la verité sur l'alliance franco-russe, Paris: Librairie française, 1895.

Периодические издания

1. Московские Ведомости. 1898.
2. Новое Время. 1898 – 1904.
3. Санкт-Петербургские Ведомости. 1898.
4. Свет. 1898.
5. La Petite République. 1898.
6. Le Figaro. 1898.
7. Le Matin. 1896, 1898, 1905.
8. Le Petit Journal. 1898.
9. Le Petit Parisien. 1898.
10. Le Temps. 1898.
11. Questions diplomatiques et coloniales. 1898, 1902.
12. The Contemporary Review. 1898, 1899.
13. The Economist. 1898.
14. The Nineteenth Century. 1898, 1899.
15. The NY Times. 1895, 1898.
16. The Times. 1876, 1882, 1898, 1900-1904.

Статистический сборник

The Statesman Year-book. London, 1898, 1901.

Литература на русском языке

1. Айвазян А.А. Египетский аспект англо-французской Антанты 1904 г. В оценках Германии и России // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2011. № 2 (март-апр.). С. 65-77.
2. Айвазян А.А. Египетский вопрос во французской внешней политике в 1880-е годы // Новая и новейшая история, 2011. № 5. С. 83-100.
3. Айвазян А.А. Фашодский кризис 1898 г. и русская дипломатия // Восток, 2013, № 2. С. 32-39.
4. Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная политика Великобритании в XIX в. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1999.
5. Аль - Барави Р. Экономическое развитие Египта в новое время. М.: Из-во иностранной литературы, 1954.
6. Антюхина-Московченко В.И. История Франции (1870-1918). М.: Международные отношения, 1983.
7. Бондаревский Г.Л. Русско-египетские отношения в конце XIX в. М.: Наука, 1960.
8. Бюттнер Т. История Африки с древнейших времен. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1981.
9. Виноградов К.Б. Мировая политика 60-80х гг. XIX в.: события и люди. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
10. Виноградов К.Б. На пути к Фашодскому кризису // ННИ, 1998, № 5. С. 171 – 190.
11. Виноградов К.Б. Фердинанд Лессепс и строительство Суэцкого канала // Вопросы истории. 1969. № 11.

12. Гелла Т.Н. Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX — начале XX веков. Орел: Орлов. гос. ун-т., 2009.
13. Гобсон Дж. А. Империализм. Харьков, 1918.
14. Дербицкая К.Ю. Дипломатическая подготовка экспансии Франции в Марокко в конце XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8, История, 2011. N 3. С. 69-82.
15. Дронова Н.В. Колониальная экспансия Великобритании в 70-х годах XIX века: очерк идеологии и практики. Тамбов: Изд-во Тамбовского унив-та, 1993.
16. Ерофеев Н.А. Английский колониализм и стереотип африканца в конце XIX в. // Вопросы истории. 1971. № 12.
17. Ерофеев Н.А. Английский колониализм в середине XIX в. М.: Наука, 1977.
18. Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии: 1815 - 1917 гг. М.: Изд-во ИМО, 1959.
19. Ерусалимский А.С. Колониальная экспансия капиталистических держав. М.: Наука, 1974.
20. Золотарев В., Козлов И. Русско-японская война 1904-1905 гг. М.: Книга, 1990.
21. Историческая наука в XX в.: Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки / Под ред. И.П. Дементьева и А.И.Патрушева. М: Изд-во МГУ., 2007.
22. История Африки в XIX -начале XX вв. М.: Наука, 1984.
23. История Судана в новое и новейшее время. М.: Наука, 1992.
24. Колмаков А.С. Идеология и политика либеральной партии в 80-ые гг. XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1985.

25. Кузнецова О.Н. Первоначальная реакция России на заключение англо-французской Антанты// Отечественная история, 2007, № 4. С. 34-42.
26. Манфред А.З. Внешняя политика Франции 1871-1891 гг. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952.
27. Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М.: Наука, 1975.
28. Маныкин А.С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития // Введение в теорию международных отношений / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2001.
29. Международные отношения: социологические подходы/ Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 1998.
30. Миллер А.Ф. Краткая история Турции. М.: Госполитиздат, 1948.
31. Монархи, министры, дипломаты XIX – начале XX вв./ Под ред. К.Б. Виноградова. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2002.
32. Морозов Е.В. Африка в Первой мировой войне. СПб.: Геликон Плюс, 2009.
33. Морозов Е.В. Внешняя политика Эфиопии и российско-эфиопские отношения в конце XIX - начале XX вв. СПб.: Геликон Плюс, 2007.
34. Морозов Е.В. Гибралтар и Западное Средиземноморье в международных отношениях Нового и Новейшего времени. СПб.: СПбГУ, 2010.
35. Морозов Е.В. Путь к Антанте. Англо-французское колониальное соперничество в конце XIX - начале XX вв. СПб.: Изд-во Геликон Плюс, 2008.
36. Нерсесов Г.А. Дипломатическая история египетского кризиса, 1881 – 1882 гг. М.: Наука, 1979.

37. Остапенко Г.С. Британская монархия от королевы Виктории до Елизаветы II. М.: Наука, 2006.
38. От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005.
39. Парфенов И.Д. Англия и раздел мира в последней трети XIX в. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978.
40. Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в. М.: Наука, 1991.
41. Парфенов И.Д. Монополия и империя: Английские привилегированные компании и колониальная экспансия 80 - 90 - х годов XIX в. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980.
42. Первая мировая война: Пролог XX в. М.: Наука, 1998.
43. Ревякин А.В. История международных отношений в Новое время. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
44. Розенталь Э. Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX в. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960.
45. Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898- 1914 гг. М.: Макс Пресс, 2008.
46. Ротштейн Ф.А. Захват и закабаление Египта. М.: Изд-во вост. лит., 1959.
47. Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
48. Рыбаченок И. С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX века. М.: АН СССР Институт истории СССР, 1993.
49. Рыбаченок И.С. Россия и Франция. Союз интересов и союз сердец. 1891 – 1897. М.: Российская политическая академия, 2004.

50. Рыбаченок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX — XX вв.: цели, задачи и методы. М.: РОССПЭН, 2012.
51. Рыбаченок И.С. Русско-французский союз в Ближневосточном кризисе 1894-1898 годов / Россия и Франция XVIII-XX века. Вып. 1. М., Наука: 1995.
52. Сенокосов А.Г. Эволюция Антанты как военно-политического союза (1891-1923) // Вестник РГГУ, 2009. N 14. С. 72-81.
53. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856 – 1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012.
54. Сергеев Е.Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке, 1897 – 1903. М.: ИВИ РАН, 1998.
55. Сетов Р.А. Конфликт и кризис: категориальные комплексы в теории международных отношений // Введение в теорию международных отношений. Под ред. А.С. Маныкина. М.: Изд-во МГУ, 2001.
56. Смирнов В.П. Франция в XX в. М.: Дрофа, 2001.
57. Субботин В.А. Англо-французское столкновение в Фашоде в 1898 г. // В кн.: Африканский сборник. М.: АН СССР, Ин-т Африки, 1963.
58. Субботин В.А. Колонии Франции 1870-1918: Тропическая Африка и острова Индийского океана. М.: ГРВЛ, 1973.
59. Субботин В.А. Французская колониальная экспансия в конце XIX в. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
60. Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма // В кн.: Тарле Е.В. Политика: история территориальных захватов XV – XX вв. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.

61. Тэйлор А. Д. П. Борьба за господство в Европе. М.: Изд-во восточной литературы, 1958.
62. Фадеева И.Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи: османизм – панисламизм. М.: Наука, 1985.
63. Хвостов В.М. История дипломатии. Т.2. М.: Госполитиздат, 1963.
64. Хвостов В.М. Ближневосточный кризис 1895-97 гг. // Историк-марксист. Т.13. М., 1929.
65. Хвостов В.М. Франко-русский союз и его историческое значение. М.: АН СССР, 1955.
66. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2005.
67. Черкасов П.П. Распад колониальной империи Франции. М.: Наука, 1985.
68. Черкасов П.П. Судьба империи. М.: Наука, 1983.

Литература на иностранных языках

1. Abbas M. The Sudan Question: the Dispute over Anglo – Egyptian Condominium (1884 -1951). London: Faber and Faber, 1951.
2. Alexander G. L. Avoiding War: Problems of Crisis Management. NY: Westview Press, 1991.
3. Dennis A. L. P. Tendencies in British Foreign Policy Since Disraeli // Proceedings of the American Political Science Association. Vol. 6, Sixth Annual Meeting, 1909.
4. Anderson E. N. The First Moroccan crisis, 1904 -1906. Chicago: University of Chicago Press, 1930.

5. Andrew C.M., Kanya –Forstner A.S. The French “Colonial Party”: Its Composition, Aims and Influence, 1885 – 1914 // The Historical Journal. Vol. 14. No. 1. Mar., 1971. Pp. 99-128;
6. Bates D. The Fashoda incident of 1898: encounter on the Nile. Oxford: Oxford University Press, 1984.
7. Blet H. France d’outre –mer. Paris: Arthaud, 1950.
8. Bonin H. Suez: du canal à la finance (1858 – 1987). Paris: Economica, 1987.
9. Bourne K. The foreign policy of Victorian England, 1830-1902. Oxford: Oxford University Press, 1970.
10. Brandenburg E. From Bismarck to the World War: A History of German Foreign Policy (1870-1914). London: Oxford University Press, 1933.
11. Brown R.C. Fashoda Reconsidered: The Impact of Domestic Politics on French Policy in Africa (1893-1898). London: Johns Hopkins University Press, 1969.
12. Cain P.J. Economic foundations of British expansion. London: Macmillan, 1980.
13. Cain P.J., Hopkins A.G. Gentlemanly Capitalism and the British Expansion Overseas II: New Imperialism, 1850-1945 // The Economic History Review. Vol. 40. No.1, 1987. Pp. 1-26.
14. Carrol E.M. French public opinion and foreign affairs, 1870 – 1914. NY: Frank Cass & Co, 1931
15. Cecil E. Queen Victoria and her prime-ministers. London: Eyre Spottiswoode, 1953.
16. Cestre C. France, England and European Democracy, 1215-1915: A Historical Survey of the Principles Underlying the Entente Cordiale. NY: Kessinger Pub, 1918.
17. Chatterji N.C. Muddle of the Middle East. New Delhi: Abhinav Publications, 1973.

18. Colonialism in Africa, 1870- 1960//Ed. by L.H. Gann. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
19. Edgar-Bonnet G. Ferdinand de Lesseps. Paris: Plon, 1959.
20. Fieldhouse D.K. Economics and Empire 1830-1914. New York: Macmillan, 1973.
21. Fieldhouse D.K. "Imperialism": An Historiographical Revision // The Economic Review. Vol. XIV. No. 2, 1961.
22. Gann L.H., Duignan P. The Middle East and North Africa. Stanford: Stanford University Press, 1981.
23. Gann L.H., Duignan P. The Rulers of British Africa (1870-1914). Stanford: Stanford University Press, 1978.
24. Garrett R. General Gordon. London: Arthur Barker, 1974.
25. Garvin Y. The Life of Joseph Chamberlain. Vol. 1. London: Macmillan, 1932.
26. Cassar G.H. Kitchener: Architect of Victory. London: W. Kimber, 1977.
27. Girardet R. L'idée coloniale en France de 1871 à 1962. Paris: La Table Ronde, 1972.
28. Girault R. Emprunts russes et investissements français en Russie, 1887-1914. Paris, 1999; Sur quelques aspects financiers de l'alliance franco-russe // Revue d'histoire moderne et contemporaine, T.8e. No. 1, Jan-Mar., 1961.
29. Goldschmidt A. A Concise History of the Middle East. Boulder: Westview Press, 1999.
30. Grupp P. Parti colonial français und deutsche Kolonialbewegung // Machtstrukturen im Staat in Deutschland und Frankreich. Stuttgart, 2007. S.148-163
31. Guillen P. L'expansion (1881 — 1898). Paris: Imprimerie nationale, 1984.

32. Hanotaux G. Histoire de la nation égyptienne. T. 6. Paris: Plon, 1934.
33. Hansen B. Capital and lopsided development in Egypt under British occupation // The Modern economic and social history of Middle East in its world context. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
34. Headlam – Morley J. Studies in Diplomatic History. NY: King, 1930.
35. Hill R. A Biographical Dictionary of the Sudan. Oxford: Oxford University Press, 1967
36. Hill R. Egypt in the Sudan (1820- 1881). London: Oxford University Press, 1959.
37. Hinsley F.H. British Foreign Policy Under Sir Edward Grey. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
38. Hogenhius-Seliverstoff A. Une alliance franco-russe: la France, la Russie et l'Europe au tournant du siècle dernier. Paris: Bruylant Bruxelles, 1997.
39. Hornik M. P. The Mission of Sir Henry Drummond Wolff to Constantinople, 1885 – 1887 // The English Historical Review, vol. 55, No. 220. Oct., 1940. Pp. 598 – 623.
40. Howard D. The History of Turkey. Westport: Greenwood, 2001.
41. Hyam R. Britain' s Imperial Century: 1815 – 1914. London: Barnes and Noble, 1976.
42. Karabell Z. Parting the desert: The Creation of the Suez canal. NY: A.A. Knopf, 2003.
43. Kennan G. The Decline of Bismarck's European order: Franco-Russians relations, 1875-1890. Princeton: Princeton University Press, 1979.
44. Landes D. Bankers and Pashas: International Finance and Economic Imperialism in Egypt. Harvard: Harvard University Press, 1958.

45. Lanessan J. – L. L'Histoire de l'Entente Cordiale franco-anglaise. Paris: Librairie Felix Alcan, 1916.
46. Langer W. The Franco-Russian Alliance, Cambridge: Cambridge University Press, 1929.
47. Langer W. The Diplomacy of Imperialism. Vol.1. London: A.A. Knopf, 1934.
48. Leaman B.R. The Influence of Domestic Policy on Foreign Affairs in France, 1898 – 1905 // The Journal of Modern History. Vol. 14, No. 4. Dec. 1942. Pp. 449 – 479.
49. Levering L. D. The Race to Fashoda: European Colonialism & African Resistance in the Scramble for Africa. New York: Weidenfeld & Nicolson, 1987.
50. Lewis B. The Shaping of the Modern Middle East. NY: Oxford University Press, 1994.
51. Lowe C. J. Salisbury and the Mediterranean: 1886- 1896. London: Routledge and Kegan Paul, 1965.
52. Lugan B. Histoire de l'Afrique : des origines à nos jours. Paris: Elipses, 2009.
53. Magnus P. Kitchener: Portrait of an Imperialist. NY: J. Murray, 1958.
54. Marder A.J. The Anatomy of British Sea Power. A History of British naval policy in the pre-dreadnought era, 1880-1905. NY : Frank Cass, 1940
55. Marlowe J. A History of Modern Egypt and Anglo-Egyptian Relations, 1800-1953. NY: Praeger, 1954.
56. Mayer T. The Changing Past: Egyptian Historiography of the Urabi Revolt, 1882-1983. Gainesville: University of Florida Press, 1988.
57. Medlicott W. N. The Mediterranean Agreements of 1887//The Slavonic Review. Vol. 5. No. 13, 1926.

58. Meyer J. Histoire de la France coloniale. Paris: Armand Colin, 1991.
59. Michel M. La mission Marchand 1895- 1899. Paris: Mouton, 1972.
60. Michon G. L'alliance franco-russe 1891 — 1917. Paris: André Delpeuch, 1928.
61. Milza P. Les relations internationales de 1871 à 1914, Paris: Armand Colin, 2009.
62. Montagnon P. La France Coloniale. Paris: Pygmalion, 1988.
63. Morgenthau H. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. NY: A.A. Knopf, 1955.
64. Noah S. Undoing the Mahdiya: British Colonialism as Religious Reform in the Anglo-Egyptian Sudan, 1898-1914// University of Chicago, May 2004.
65. Pakenham T. Scramble for Africa: The White Man's Conquest of the Dark Continent from 1876-1912. NY: Avon Books, 1991.
66. Piquet C. La Compagnie du canal de Suez. Une concession française en Egypte (1888-1956). Paris: Presses de l'Université Paris - Sorbonne, 2008.
67. Porter C. W. The Career of Theophile Delcasse. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1936.
68. Power Th. F. Jules Ferry and the Renaissance of French Imperialism. NY: King's Crown Press, 1944.
69. Rammontel P. Le Canal de Suez, grande œuvre française. Paris: Larousse, 1954.
70. Renouvin P. L'Orientation de l'alliance franco-russe en 1900-1901. Paris: Pedone, 1966.
71. Renouvin P. Les engagements de l'Alliance franco-russe: leur évolution de 1891 à 1914. Paris: A. Costes, 1934.

72. Renouvin P. Les relations franco-russes à la fin du XIXème et au début du XXème siècle: Bilan des recherches // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 1. No. 1. Mai 1959. Pp. 128 – 147.
73. Renouvin P., Duroselle J-B. Introduction à l'histoire des relations internationales. Paris: Armand Colin, 1964.
74. Riker T.W. A Survey of British Policy in the Fashoda Crisis // Political Science Quarterly. Vol. 44. No. 1. Mar. 1929. Pp. 63 – 87.
75. Roberts L. Egypt as a Factor in European Power Politics, 1875-1878 // Power, Public Opinion, and Diplomacy. Durham: Duke University Press, 1959.
76. Robinson R., Gallagher J. Africa and the Victorians: The Official Mind of Imperialism. London: Macmillan, 1961.
77. Rossignol L.M. Canal de Suez (thèse pour le doctorat). Paris, 1898.
78. Sanderson G. N. French Policy on the Upper Nile // The Partition of Africa: Illusion of Necessity. Ed. by R.O. Collins. NY: John Wiley and Sons, 1969.
79. Sanderson G.N. England, Europe and the Upper Nile. Edinburgh: University Press, 1965.
80. Sanderson G.N. The European Partition of Africa: Coincidence or Conjuncture? // Journal of Imperial and Commonwealth History. No 3, 1975.
81. Sarolea C. The Anglo-German Problem. NY: Nelson and Sons, 1912.
82. Saul S. La France et l'Egypte de 1882 à 1914: Intérêts économiques et implications politiques. Paris: Institut de la gestion publique et du développement économique, 1997.
83. Seaman L.C. Post-Victorian Britain 1902-1951. London: Routledge, 1991.

84. Shannon R. *The Crisis of Imperialism (1865 — 1915)*. London: Paladin, 1974.
85. Snyder G. *Alliance Politics*. NY: Cornell University Press, 1997.
86. Snyder G. H., Diesing P. *Conflict Among Nations: Bargaining, Decision Making and System Structure in International Crises*. Princeton: Princeton University Press, 1977.
87. Sorlin P. *La société française (1840 – 1914)*. Paris: Arthaud, 1969.
88. Stengers J. L'Imperialisme Colonial de la fin du XIX Siècle : Mythe ou Réalité // *The Journal of African History*. Vol. 3. No. 3, 1962. Pp. 469-491.
89. Stengers J. Une Facette de la Question du Haut-Nil: Le Mirage Soudanais // *The Journal of African History*. Vol. 10. No. 4, 1969. Pp. 599-622.
90. Stuart H.G. *French Foreign Policy: from Fashoda to Sarajevo (1898 – 1914)*. NY: The Century Co, 1921.
91. Tardieu A. *France and the Alliances: the Struggle for the Balance of Power*. NY: Macmillan, 1908.
92. Taylor A. J. P. Prelude to Fashoda: The Question of the Upper Nile, 1894-5 // *The English Historical Review*. Vol. 65. No. 254. Jan. 1950. Pp. 52 – 80.
93. Temperley H. *The Victorian age in Politics, War and Diplomacy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1928.
94. *The Cambridge History of British Foreign Policy*. Vol. 3. Cambridge, 1923.
95. *The Cambridge History of Egypt*. Vol. 3. Cambridge, 1998.
96. *The Cambridge History of the British Empire*. Vol. 3. Cambridge, 1959.

97. Thomas M. Empires of Intelligence: Security Services and Colonial Disorder after 1914. California: University of California Press, 2007.
98. Tignor R. Modernization and British colonial rule in Egypt, 1882-1914. Princeton: Princeton University Press, 1966.
99. Townsend M.E. Origins of Modern German Colonization, 1871-1885. NY: Columbia University Press, 1921.
100. Volait M. La communauté italienne et ses édiles // Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée. No. 46, 1987.
101. Waltz K. Man, the State and War. NY: Columbia University Press, 2001.
102. Welch, Jr. William M. No country for a gentleman: British rule in Egypt, 1883-1907. NY, Lnd: Greenwood Press, 1988.
103. Welschinger H. L'alliance franco-russe : les origines et les résultats. Paris: Librairie Félix Alcan, 1919.
104. Wright C. A History of the Third Republic. Boston: Houghton Mifflin Company, 1916.
105. Wright P. Conflict on the Nile: the Fashoda incident of 1898. London: Heinemann, 1972.

Неопубликованные диссертации

1. Дербицкая К.Ю. Марокканский вопрос в международных отношениях в конце XIX – начале XX вв. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2013.
2. Киселев К.А. Колониальная политика Великобритании в Суданско-египетском субрегионе (вторая половина XIX – первая

половина XX вв.). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1998.

3. Морозов Е.В. Колониальный фактор в формировании англо-французской Антанты. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. СПб, 2009.

4. Сенокосов Г.А. Англия и Антанта: на пути к военно-политическому союзу: 1907-1914 гг. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2005.

5. Субботин В.А. Политика французского империализма в Фашодском кризисе 1898 г. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1953.

Приложение 1.

Премьер-министры Великобритании с 1882 по 1904 гг.

1880 – 1885	Уильям Гладстон
1885 – 1886	лорд Солсбери
1886	Уильям Гладстон
1886 – 1892	лорд Солсбери
1892 – 1894	Уильям Гладстон
1894 – 1895	граф Розбери
1895 – 1902	лорд Солсбери
1902 – 1905	Артур Бальфур

Министры иностранных дел Великобритании с 1882 по 1904 гг.

1880 – 1885	лорд Гренвилль
1885 – 1886	лорд Солсбери
1886	граф Розбери
1886 – 1887	граф Иддесли (С.Г. Норткот)
1887 – 1892	лорд Солсбери
1892 – 1894	граф Розбери
1894 – 1895	граф Кимберли
1895 – 1900	лорд Солсбери
1900 – 1905	маркиз Лэнсдаун

Премьер – министры Франции с 1882 по 1904 гг.

1881 – 1882	Леон Гамбетта
1882	Шарль Фрейсине
1882 – 1883	Шарль Дюклерк
1883	Арман Фальер
1883 – 1885	Жюль Ферри
1885 – 1886	Анри Брессон
1886	Шарль Фрейсине
1886 – 1887	Рене Гобле
1887	Морис Рувьер
1887 – 1888	Пьер Тирар
1888 – 1889	Шарль Флокэ
1889 – 1890	Пьер Тирар
1890 – 1892	Шарль Фрейсине
1892	Эмиль Лубэ
1892 – 1893	Александр Рибо
1893	Шарль Дюпуи
1893 – 1894	Жан Казимир-Перье
1894-1895	Шарль Дюпуи
1895	Александр Рибо
1895 -1896	Леон Буржуа
1896 -1898	Жюль Мелин
1898	Анри Бриссон
1898 – 1899	Шарль Дюпуи
1899 – 1902	Пьер Вальдек- Руссо
1902 – 1905	Эмиль Комб

Министры иностранных дел Франции с 1882 по 1904 гг.

1881 – 1882	Леон Гамбетта
1882	Шарль Фрейсине
1882 – 1883	Шарль Дюклерк
1883	Арман Фальер
1883	Поль-Арман Шалемель-Лакур
1883 – 1885	Жюль Ферри
1885 – 1886	Шарль Фрейсине
1886 – 1888	Эмиль Флоран
1888 – 1889	Рене Гобле
1889 – 1890	Эжен Шпюллер
1890 – 1893	Александр Рибо
1893	Жюль Девель
1894 – 1895	Жан Казимир-Перье
1895 – 1896	Габриэль Аното
1892 – 1893	Александр Рибо
1893	Шарль Дюпуи
1893 – 1894	Жан Казимир-Перье
1894-1895	Шарль Дюпуи
1895	Александр Рибо
1895 -1896	Марселен Бертело
1896	Леон Буржуа
1896 – 1898	Габриэль Аното
1898 – 1905	Теофиль Делькассе

Канцлеры Германии с 1882 по 1904 гг.

1871 – 1890	Отто фон Бисмарк
1890 – 1894	Лео фон Каприви
1894 – 1900	Хлодвиг Гогенлоэ
1900 – 1909	Бернгард фон Бюлов

Министры иностранных дел Германии с 1882 по 1904 гг.

1881 – 1885	Пауль фон Гатцефельд
1885 – 1890	Герберт фон Бисмарк
1890 – 1897	Адольф Маршал фон Биберштейн
1897 – 1900	Бернгард фон Бюлов
1900 – 1906	<u>Освальд фон Рихтгофен</u>

Министры иностранных дел России с 1882 по 1904 гг.

1882 – 1895	Н.К. Гирс
1895 – 1896	А.Б. Лобанов-Ростовский
1896 – 1897	Н.П. Шишкин
1897 – 1900	М.Н. Муравьев
1901 – 1906	В.Н. Ламздорф

Приложение 2.

Иллюстрация 1. Фердинанд де Лессепс на обложке *Vanity Fair* в 1869 г.

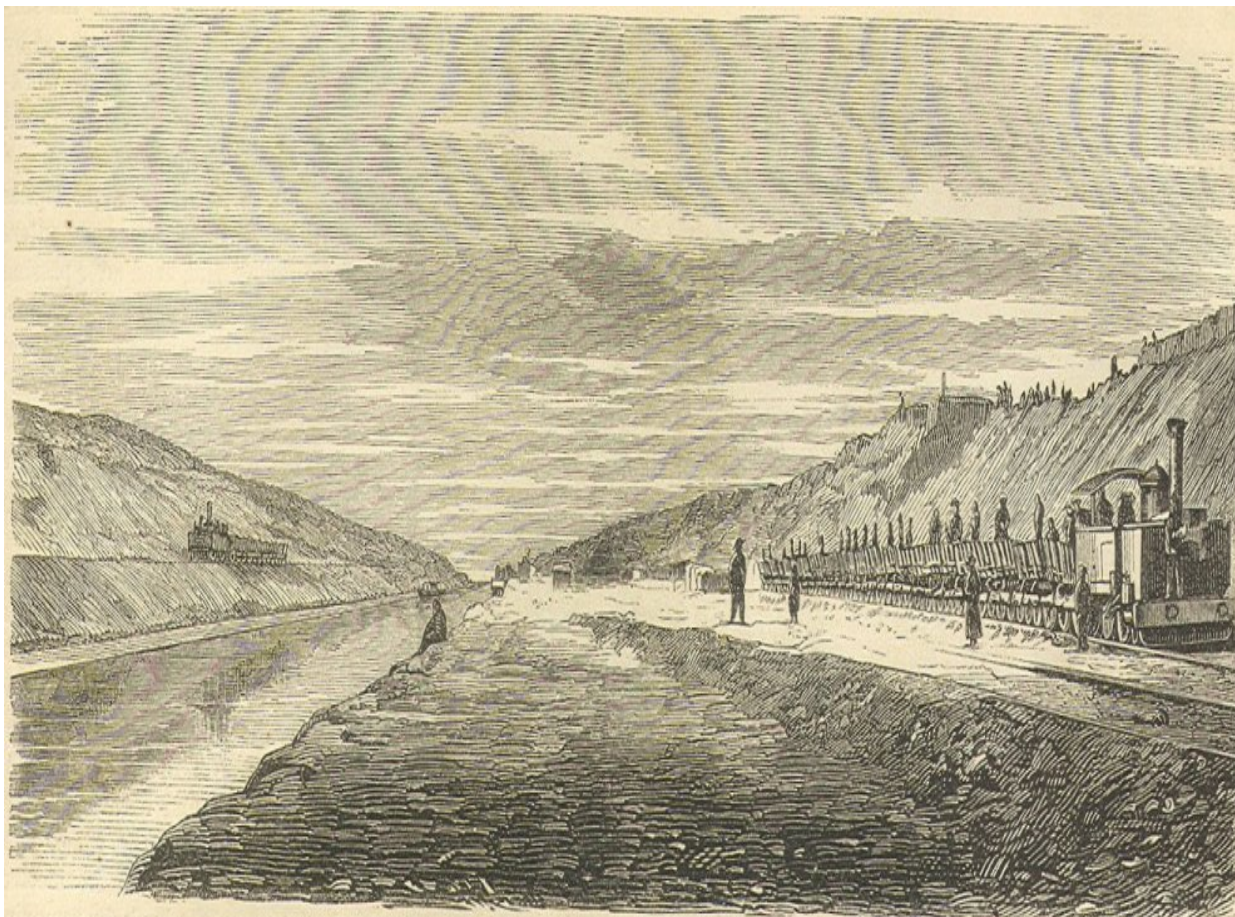

Иллюстрация 2. Суэцкий канал, город Эль Гезир. Гравюра XIX в.

THE ILLUSTRATED LONDON NEWS

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION ABROAD.

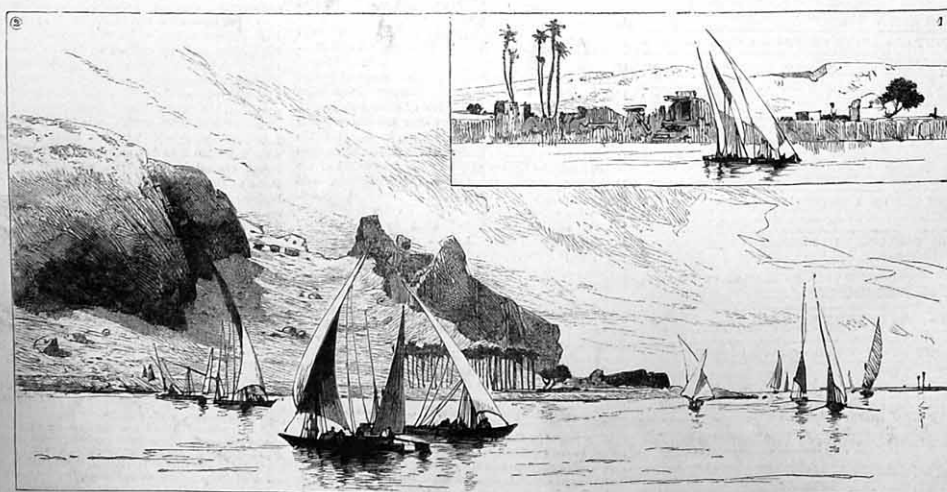
No. 2249.—VOL. LXXX.

SATURDAY, JUNE 10, 1882.

WITH TWO SUPPLEMENTS SIXPENCE.
By Post, 6d.

ARABI PASHA, THE WOULD-BE DICTATOR OF EGYPT.—SEE PAGE 562.

1. Remains of a Village, destroyed by an Inundation of the Nile.

2. View of the Arabian Mountain Range.

NILE SKETCHES, BY OUR SPECIAL ARTIST.—SEE PAGE 562.

Иллюстрация 3. Портрет Араби-паша на обложке London News

Иллюстрация 4. Экспедиция Маршиана. Офицерский состав

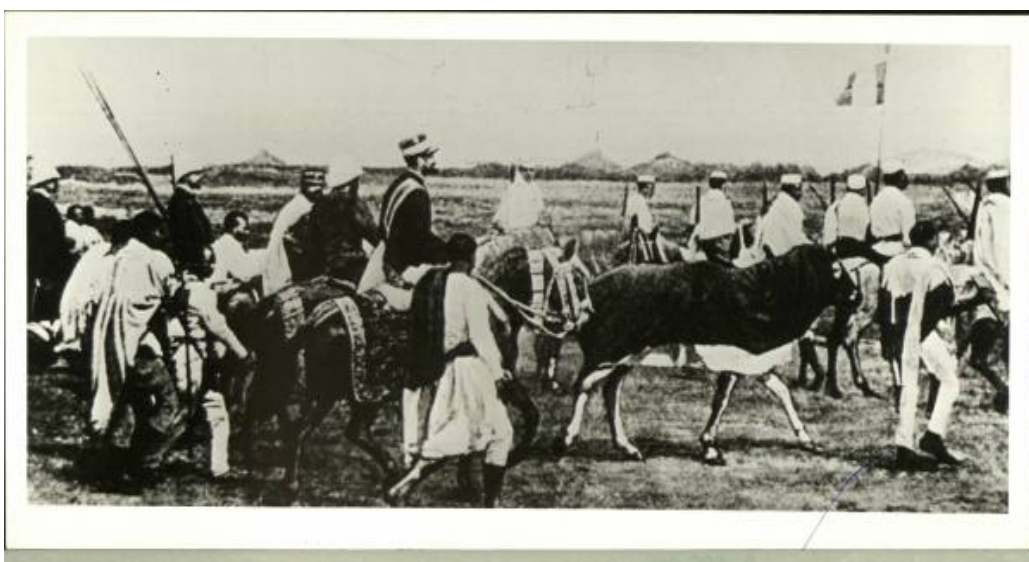

Иллюстрация 5. Сирдар Китченер на коне

MARCHEZ! MARCHAND!

GENERAL JOHN BULL (to MAJOR MARCHAND). "COME, PROFESSOR, YOU'VE HAD A NICE LITTLE SCIENTIFIC TRIP! I'VE SMASHED THE DERVISHES—LUCKILY FOR YOU—AND NOW I RECOMMEND YOU TO PACK UP YOUR FLAGS, AND GO HOME!!"

Иллюстрация 6. Картинка обыгрывает встречу Маршана и Китченера. Последний говорит французскому капитану: «Идите, Маршан! Профессор, у вас было чудное научное путешествие! К счастью для вас, я разбил дервишей, и теперь я рекомендую вам собрать свои флаги и отправиться домой!»

Иллюстрация 7. Лорд Кромер на автомобиле в Судане

Voir, à leur ordre alphabétique, les cartes détaillées des divers pays.

Иллюстрация 8. Карта Африки, конец XIX века